

БОРЦЫ С НЕЧИСТЬЮ

ТОМ 1

Андрей
Никифоров

Как так получилось, что закоренелый атеист попал в Русское царство времён Ивана Грозного, но в параллельном мире, где людям подвластно волшебство? Да не просто попал, а ещё оказался на службе у церковного ордена, что борется с враждебной человеку нечистью. Есть ли в этом провидение божье или аномалия физических законов? Искать ответы придётся не в тиши кабинетов и не на семинарских дебатах, но в противостоянии древним силам, стремящимися вернуть былое влияние над людским родом.

Борцы с нечистью
Андрей Никифоров

Глава 1 — Сходка реконструкторов

Есть нечто завораживающее в заброшенных зданиях. Тьма пустующих окон, мертвенная тишина и время, будто застывшее в безлюдных помещениях — это слегка пугающе и одновременно притягательно. Потому заводские «заброшки», некогда жилые многоэтажки, затхлые бомбоубежища павшей империи и тому подобное неизменно влечёт фотографов, диггеров и, конечно, юных бездельников. Тем более если это не просто городское здание, а полуразвалившийся храм в лесной глуши. Именно туда забрёл Лёха, когда вечером вместе с пацанами ради прогулки покинул место ночёвки у озера.

Протиснувшись через густой кустарник, юноша замер, рассматривая руины: обезглавленная башня, которую, должно быть, когда-то венчал купол; стены из красного кирпича, что местами всё ещё прикрывали белые пятна штукатурки; трава, пустившая корни на подоконниках и даже на самых высоких карнизах.

— Пацаны! Вы скоро там?! — крикнул Лёха, и уже шёпотом добавил: — Тут такое...

Не дожидаясь друзей, юноша осторожным шагом приблизился к потрескавшейся арке входа. Летом темнеет поздно, несмотря на вечерний час было ещё достаточно ярко, однако в просторном зале всё равно царил полумрак, так что глаза, привыкшие к солнечному свету, почти ничего не разбирали.

— Да блин, ты бы хоть ветку придержал!

За спиной послышался хруст, сдобренный матом.

— Ого, ничего себе! — вырвалось у друга, который первым вышел к стенам храма.

Возглас на разный манер повторялся ещё несколько раз, покуда парни вылезали из зарослей.

— Интересно, сколько ему лет.

— Хрен знает... Может, не просто лет, а веков.

— Чё стоять, давайте внутрь заглянем.

Глаза, наконец, приспособились к темноте, и Лёха, затаив дыхание, шагнул за порог. Под ногами заскрипел битый камень. На полу зияли провалы и не проникай свет через башню без купола, пришлось бы зажечь фонарик телефона, чтоб не оступиться. Парни разбрелись по залу.

— У-у! — крикнул один.

Эхо звучно отразилось от величественных сводов.

— Жаль, что фресок не сохранилось, — сказал второй. — Смотреть особо не на что.

Они несколько минут лазили внутри, кто-то снимал видео. Смеркалось.

«А ведь когда-то это наверняка был богатый и красивый храм, — подумал Лёха, задрав голову к высокому потолку. — Весь сиял позолотой и разными цветами пестрил. И стояла здесь не кучка придурков, а десятки или даже сотни людей с благоговением слушали церковный хор... Теперь запустенье и вместо хора только ветер поёт».

Когда Лёха удовлетворил любопытство и уже собрался было топать наружу, то заметил на полу будто бы дощечку. Подняв её, он сдунул пыль, и осветил находку телефоном.

— Эй, смотри, что попало! — позвал Лёха друзей.

Когда они подошли, он показал пластину с полустёртым и выцветшим изображением, на котором угадывались вроде бы три фигуры.

— Иконка...

— Да ладно! Такая ж древняя, как и храм?

— Может тут ещё есть...

— Не знаю, но я пошёл, — сказал Лёха. — Темно тут стало.

Он сунул иконку в карман.

— А что ты с ней собрался делать? — поинтересовался Женя.

— Ну... как...

— Просто молиться ты не будешь — не веришь ты ни во что, насколько я знаю. — Зачем она тебе?

— Сувениром будет, — Лёха пожал плечами и направился к выходу.

— Это неправильно как-то, — Женя увязался следом.

— А что ещё-то мне с ней делать прикажешь? — Лёха замедлился, переступая через горки камней.

— Не знаю, там, в храм может какой сдать. Ой! — Женя споткнулся. — Ну или этим, как их там... палеонтологам!

— Археологам, — раздражённо поправил Лёха. — Ещё чего. Я нашёл, я и буду решать, что мне с этим делать.

Они подошли к входной арке.

— Это ж всё-таки, ну, предмет материальной культуры — так вроде оно называется, — не сдавался Женя. — Историческая и культурная штука, и всё такое. Неправильно ты делаешь, если себе собрался присвоить.

Завыл ветер, врываясь в зал через узкие стрельчатые окна, и поднял пыль, будто намеренно запуская её в лица посетителей. Кто-то закашлял, сплёвывая попавший в рот песок.

— Ага, понял тебя, — Лёха остановился у порога и прикрыл лицо от пыли. — Жалеешь, что не ты нашёл. Ну так иди и порыскай ещё, пока другие всё не растащили. Может и тебе повезёт. А что до культуры... Сколько таких мест всюду! Не обеднеют, если я немножко себе прикарманю. Пофиг, в общем. Если же переживаешь, что, типа, грешно, то сам за меня и помолись.

Лёха хохотнул. Будто отвечая ему, заскрипели ветви ближайших деревьев, но отнюдь не весело, если можно было бы приписать им некую волю.

— Я-то, как ты верно заметил, этого делать не буду.

Посчитав тему закрытой, Лёха шагнул наружу.

В глаза ударила ослепительная вспышка. Раздался чей-то вскрик, но его тут же перекрыл оглушительный грохот. Юношу опрокинуло на спину, однако что-либо понять он не успел — сознание провалилось в непроглядную тьму.

Чуть покачивающиеся еловые ветви — вот первое, что он увидел, открыв глаза. Второй поприветствовала лёгкая боль в висках. Третье, что ощущалось — покалывание в спине из-за, наверное, травы и палочек. Лёха присел, и оглянулся. Сплошная чащоба, да такая дремучая, что свет солнца едва пробивается к подлеску. Свесив голову и приложил ладонь ко лбу, юноша вспоминал последние события: палатки у озера, прогулка, храм, иконка... вспышка...

— Что за хренотень? — пробормотал Лёха, ещё раз оглянувшись.

Вокруг ни души. И тишина такая, что даже крики птиц не нарушают её.

— Где все? Где я? Что вообще случилось? — зататорил он, однако тут же осадил себя: — Так, спокойно.

Он глубоко вздохнул.

«Я потерял сознание, — подумал Лёха, чётче и последовательнее укладывая в сознании цепочку событий. — Почему? Быть может, оступился, упал и башкой долбанулся... Стоп, перед этим же вспышка была, хлопок... Молния бахнула рядом что ли? Или мина под ногой взорвалась?.. Какая ещё на хрен мина!.. Ну, если только старая мина со времён Второй мировой».

Юноша с тревогой повертел ногами, но не обнаружил ран. Не вставая осмотрел всё тело, и уже аккуратнее подвигал руками, выпрямил спину, ощупал голову. Не найдя признаков травм, он поднялся.

«Хорошо, допустим, молния. Туч вроде не было, и всё же допустим. Упал и потерял сознание. Но очнулся совсем в другом месте! Может, друбаны меня тащили. А потом решили передохнуть и положили здесь. И отошли поссать. Все разом. Охренеть как правдоподобно».

— Э! Пацаны! — позвал Лёха, прохаживаясь от дерева к дереву.

Никто не ответил. Тогда он закричал во всё горло, иногда затихая и прислушиваясь. Безрезультатно. Пошарив в карманах, юноша не обнаружил ни телефона, ни иконки.

— Вот дерьмо! Выронил, пока меня переносили? И чё теперь делать?

Лёха решил пройти дальше. Заблудиться он не боялся, зная, что там, куда они приехали отдыхать, не было обширных лесов. Топай в любую сторону и вскоре выйдешь к дороге или на большое открытое пространство. Однако лес оказался на удивление тяжело проходимым. Юноша ругался, преодолевая буреломы, и пыхтел, пролезая сквозь заросли, согнувшись в три погибели и стараясь беречь лицо от острых веточек.

— Откуда тут такой лес? — ворчал Лёха. — А ведь ещё вон какая фигня: когда в храме шастали, то вечер был. А сейчас солнце светит ярче. Утро! Холодное утро. Всю ночь провалялся?..

Обрастающая странностями неизвестность, жжение от царапин на руках, и подкатывающая усталость сделали настроение совсем скверным, так что Лёха был близок к тому, чтобы сорваться и обматерить чащобу, словно это могло помочь. Но раньше, чем сдали нервы, юноша выбрался к дороге.

— Всё равно непонятно, — пытаясь отдышаться, он бросал взгляды по обе стороны пустующей дороги. — Но в любом случае куда лучше так идти, чем по лесу.

По сторонам заросли примыкали к дороге, а вдалеке она терялась среди непроглядной стены деревьев. Потоптавшись ещё немного, Лёха выбрал восточную сторону, судя по солнцу.

Однако через пятнадцать минут в мыслях проскользнуло новое недоумение. Колеи у дороги были слишком узкие для колёс автомобилей. Вдобавок на засохшей грязи Лёха разглядел следы, оставленные, по всей видимости, копытами. «Коровы? — гадал юноша. — Но тогда бы следов было много, лепёшки там по дороге и вдоль. Неужели лошади? Блин, не разбираюсь я в копытах».

Вскоре нашёлся ответ и ехал он прямо навстречу Лёхе — повозка, запряжённая лошадей, которую направлял мужик с козел.

— Вот те на, — слетело с губ юноши. — Да какая разница. Хоть кто-то живой. Кто-то из деревенских, значит.

По мере приближения повозки, Лёха с возрастающим интересом разглядывал одежду возницы: что-то вроде серой рубахи, кажется, без пуговиц, но наверняка не скажешь из-за

длинной топорщащейся бороды, спускающейся на грудь мужика. На голове торчала коричневая котелкообразная шапка. Юноша замахал руками, призывая остановиться.

— Здравствуйте! — сказал Лёха, когда мужик притормозил лошадь рядом.

— И тебе не хворать, — после короткой заминки ответил мужик, но сдержанно, с нескрываемой настороженностью разглядывая одинокого юношу.

— Не подскажите, как далеко отсюда до озера?

— Недалече. Сам туда еду.

— Оу, так я не в ту сторону иду, получается, — смущённо проговорил Лёха. — Слушайте, а если в ту сторону едете, то, может, подвезёте, а?

— Ты сам чаго тут забыл?

— Заблудился я, — жалобно ответил юноша. — Друзей потерял. Они как раз должны быть у озера.

— Хм-м, — мужик пожевал губами, отчего вся его борода забавно дёргалась. — Ну, садись. Подвезу.

— Спасибо!

Лёха неловко взобрался на повозку, и уселся рядом с мужиком, отметив, что тот одет ещё и в лапти.

«Муть полная, — удивлялся юноша, когда телега тронулась. — Ладно говор дурацкий у него — это можно списать на деревню и возраст. Но что он на себя напялил?! Деревня или нет, но все носят одежду, произведённую на фабриках! Да хорош, я с пацанами не в такую глушь выбрался, чтоб даже современная одежда сюда не доходила. Может, тут неподалёку слёт реконструкторов? Ну, или дядька так здешний краеведческий музей пиарит?»

Лёха заметил, что и сама повозка имеет странности. Не то чтобы он как городской житель был экспертом в деревянных повозках, но всё же малость настораживали кривоватые доски, из которых она собрана. Вернее, они были достаточно ровными, чтобы плотно примыкать друг к другу, но местами вроде грубовато обтёсаны, как будто это делалось вручную. Не заводские доски. Местами повозка вообще из брёвен. Да и шляпки гвоздей выглядят непривычно.

— Как звать тебя, молодчик? — прервал молчание мужик.

— Алексей, — прозвучало сбивчиво из-за того, что повозку потряхивало, однако мужик расслышал хорошо.

— Хотел сказать, Алексей?.. Не? Чудно. Не местный, видать. Из каких краёв будешь?

— Из города я.

— А-а, — понимающе протянул мужик. — Тогда ясно, коли так. Нынче туда много разного люда приезжает... Хорошее утречко.

— Вы мне вот что скажите, — Лёха припомнил, что отключился вечером, — число сегодня какое?

— Чаго? — мужик, похоже, посчитал, что не расслышал.

— Число!.. Ох... День календаря! День-то какой сегодня, отец?

— А-а! Ясно-ясно... Да на кой ляд тебе надобно это? Мы народ простой, знать надобно только праздники церковные, дни постов, сеяния и жатвы там. Ещё б спросил, год каков...

Затянувшееся притворство мужика и его невразумительный говор всё больше напрягали, так что юноша решил ограничиться ещё только одним вопросом:

— Скоро ещё до озера?

— Скоро-скоро. Но перво-наперво заедем в посад — ненадолго, — широко улыбнулся

мужик. — Надо загрузить кое-чаго. А там и озеро рядышком!

«Зубы какие грязные. — Лёха отвернулся. — Неужели так сильно в роль вошёл, что не чистит?»

Посадом оказалось поселение, состоящие в основном из одноэтажных домов. Вдалеке за ними высилась деревянная коническая крыша, с которой на грешную землю взирал распятый Спаситель.

«Всё же сходка реконструкторов, — определился Лёха, когда телега подъехала достаточно близко, так что можно было разглядеть подробности».

А их было немало, юноша на время даже позабыл и про друзей, и про вчерашнее, и про позывы рокочущего желудка. На глаза попадалось много разнообразной скотины: коровы, свиньи, козы и куры, деловито сновавшие туда-сюда. Со дворов раздавался лай. Все люди носили старую крестьянскую одежду, особенно внимание юноши привлекла пара стрельцов в красных кафтанах. Дольше всего изумлённый взгляд Лёхи задержался на внушительных бердышах.

«Блин-блинский! — он беспокойно завертелся. — Что-то очень не так. Даже если тусовка реконструкторов, то... где хоть кто-нибудь в нормальной одежде? Где хоть одна машина? Откуда они притащили столько зверья? Где, блин, хоть один электрический столб? Не-е-ет... Никакие это не реконструкторы!»

— В деревню к старообрядцам попал походу, — произнёс Лёха, уже не в силах удерживать вопросы только в мыслях.

«Бред! Откуда у старообрядцев стрельцы с боевыми топорами? — сразу же оспорил себя».

Телега проезжала неподалёку от площади, где собрались десятки людей. Все — и стар и млад — толпились вокруг чего-то, что Лёха не мог разглядеть за спинами, хотя находился на козлах. Он замечал только, как над головами поднимается чья-то рука с кнутом, а потом резко опускается. Раздавались шлепки и жалобные вскрики, которые тут же заглушались вздохами из толпы. Юношу переполняло удивление, и он вскочил в полный рост, чтобы рассмотреть то, что привлекает всеобщее внимание. Благо в поселении мужик замедлил лошадь, и земля здесь была ровнее, так что телегу не особо трясло и не было риска соскочить.

— Ефрема торговой казнью бьют, — низким голосом сказал помрачневший мужик. — Я и запомнил, что ноне его пороть будут. Напился до чёртиков и прилюдно видного церковника обматерил. Ох, балда... Поглазеть хочешь?

— Торговой... казнью?

Повозка чуть повернула и на мгновение открылся удобный ракурс. Этого хватило, чтобы юноша заметил обнажённую исполосованную красным поясницу. Как раз в тот момент, когда прямо по ранам нещадно наносился очередной удар. Лёха вздрогнул так, будто его самого хлестнули кнутом, и плюхнулся на задницу, едва не промахнувшись мимо козел. Так и сидел потрясённым даже когда телега уехала с площади, а шлепки и вопли больше не доносились из-за домов.

В себя привели слова мужика:

— Ты эта, посиди тут малость, — смущённо сказал он, слезая на землю. — Чесн-слово, я недолго! И тогда к озеру доведу...

«Это слишком даже для старообрядцев, — лихорадочно размышлял Лёха. — Тут сектанты какие-то живут!».

В памяти всплыла история про одного бизнесмена, вроде бы всё продавшего ради обособленной деревенской жизни по средневековым обычаям предков. Елозя в ожидании возницы, юноша заметил, что все его как-то уж слишком подозрительно и долго рассматривают.

«Вот дерьмо! Я же единственный, кто во всей это сраной деревне одет нормально! — запоздало пришло озарение. — Сразу видно, что не из своих».

Он весь сжался, неосознанно и, конечно, бесполезно пытаясь спрятать кроссовки, джинсы и майку.

«Валить надо, — решил Лёха. — И как можно скорее, пока меня самого не растянули и этой самой торговой казнью не расхерачели. Нафиг этого бородача. Не буду его ждать. Валить!»

Он слез с телеги, стараясь двигаться как бы непринуждённо, хотя не мог отделаться от мысли, что со стороны наверняка выглядит скованным. Поначалу Лёха пошёл тем же путём, каким приехала телега, однако пройдя всего несколько шагов — остановился.

«Нельзя тем же путём, — он отошёл обратно, — там же куча народа. В какую угодно сторону, но не туда».

Лёха завернул за телегу и... наткнулся на мужика. В сопровождении пары стрельцов.

— Вот он! — воскликнул мужик, ткнув пальцем в юношу. — Чужак! Хватай его, пока не убёг!

Глава 2 — Ты чьих будешь?

— Не имеете права! — оглашал криками улицу Лёха. — Это насилие! Преступление!

Стрельцы — а их подоспело уже пятеро — схватили его за руки и куда-то тащили, однако не пробуя завернуть их за спину, как делают полицейские, так что немного получалось упираться и брыкаться.

— Органам о вас расскажу! — грозился юноша. — Тогда всю вашу... гхэ!.. Всю... вашу сектантскую деревню... прикроют на хрен!.. У меня дядя — майор полиции!.. Аргх!..

Удар под дых выбил воздух из лёгких, и дальше стрельцы поволокли чудаковатого пришельца почти без усилий, да в блаженной тишине. Взор Лёхи с мольбой блуждал по лицам случайных встречных, но в их ответных взглядах угадывалось только отстранённое любопытство.

Юношу завели в какую-то избу: в своём перепуганном состоянии и с болью под рёбрами он не мог сказать о приметах дома, разве что по размеру шире, чем другие. Лёху протащили через пару комнат, и в следующем просторном помещении так грубо усадили на низкую колоду, что аж зубы клацнули. Не успел он очухаться, как ему связали руки за спиной, и сделали это столь ловко, что не было сомнений — проделывали подобное далеко не впервой. В помещении был полумрак, но на досках под ногами Лёха заметил тёмные пятна, уж слишком смахивающие на кровь. От этого осознания дыхание опять сбилось ничуть не слабее, чем когда засадили кулаком. Подняв голову, Лёха увидел, что помимо него в комнате остался только стрелец, который загородил выход, и ещё здоровяк с пышной бородой. Он без видимых усилий одной рукой пододвинул край массивной лавки поближе к колодке, сел и пристально так посмотрел на пленника.

— Диковинное тряпье, — хрипло сказал громила, медленно окидывая взором Лёху с головы до ног. — Толкуешь не по-нашенски.

Затем здоровяк схватил юношу за подбородок, но вскоре с отвращением отпустил.

— Морда так острижена, что глаже, чем у бабы!

Продолжая осмотр, здоровяк запустил руку под воротник майки, вытащил крестик, и сорвал его с шеи.

— Дорогой с виду, — на огромной ладони распятие выглядело совсем крошечным. — Не видывал таких. Батюшке покажу. Он разберётся.

Громила вновь уставился на Лёху.

— Ты чьих будешь, молодчик? Из ляхов что ль? Из ереси жидовствующих? Так их ещё при деде моём разогнали. Из рабов нечисти?..

— Отпустите меня домой, — простонал Лёха. — Я случайно здесь оказался.

— Так я и хочу домой отправить! — с наигранным сочувствием сказал здоровяк. — Но где дом твой? Кто тебя там ждёт?

— Мама ждёт...

Громила расхохотался.

— Годов тебе сколько будет?

— Девятнадцать.

— Лоб здоровый, а по матушке горюнишься. Девятнадцать уже! Я помыслил, что по жёнушке и дитятам, — в словах громилы вроде бы промелькнуло добродушие. Или так слышалось отчаявшемуся Лёхе. — Бобыль, значиться. Что ж сразу не сказал! Ежели так, то

как же мне не отпустить тебя? Конечно отпущу к матушке!

— Правда?

— Нет, дурень.

Отбросив показное сочувствие, здоровяк приблизил своё лицо почти вплотную к лицу юноши.

— Рассказывай всё, как есть, дубина. Потому как сдаётся мне, что ты соглядатай какой. Да не один был, но от своих отбился в лесу. Али вовсе колдун и с нечистой силой путаешься. Рассказывай правду.

— Да что за чушь ты несёшь? — разозлился Лёха. — Какой, блин, соглядатай? Вы чё, тут все обкуренные что ли? Чё мне тебе рассказывать?

— Всё! А ежели не разговоришься, то с тобой потолкует мой братец, — громила приблизил к лицу юноши пудовый кулачище. — Он всякому язык развяжет. Но ежели и после сваляешь дурака, то найдётся что покрепче. Поострее. Погорячее. Лучше говори подобру-поздорову.

— Ладно-ладно, — всхлипнул Лёха. — Всё расскажу. Только и ты мне всего на один вопрос ответь. Какое число сегодня?

Собеседник насторожился, ожидая подвоха.

— Одиннадцатый день травеня — мая, — наконец сказал мужик. И добавил: — Семь тысяч восемьдесят девятого года.

— Господи, — несмотря на тяжкое положение Лёха улыбнулся. — Почему тогда звездолёты небо не бороздят и у вас тут всё из дерева? Апокалипсис случился? Вы как летоисчисление ведёте?

— От сотворения мира, нехристь! — рявкнул громила. — Тебе только один вопрос дозволялся! Говори, откуда явился?

Лёха весь поник, плечи обмякли, а со лба капал пот. Морально сломленный пленник... но на деле только притворяющийся таковым. С завязанными за спиной руками он, конечно, не мог драться. Ударить, например, ногой тоже — неудобно и низко сидел. Однако спина свободная...

Лёха отклонился чуть назад, и боднул мужика, всё ещё удерживающего рядом лицо — лбом в мясистый нос. Получилось на славу: дёрнувшись, громила сорвался с угла лавки, и звучно шлёпнулся на пол. Не теряя драгоценных секунд, Лёха вскочил и побежал к единственному окну — к счастью, не закрытому. Прежде чем успел спрыгнуть с подоконника, услышал вслед брань.

Юноша оказался на заднем дворе. Бросив короткие взгляды по сторонам, Лёха побежал к коробу у плетня. Кричащий здоровяк уже вылезал наружу, но задержался из-за широких плеч и пуза, едва пролезающих через оконную раму. Запрыгнув на короб, беглец перемахнул через плетень, но упал неудачно — растянулся на земле. Несколько мгновений ушло на то, чтобы подняться без рук. Повезло, что рядом не оказалось других сектантов.

— Стой, нехристь! — громила уже у забора.

Лёха бросился по улице наутёк, не разбирая дороги и только надеясь, что ноги вынесут из поселения. Кровь бешено стучала в висках, из-за ужаса юноша не мог равномерно дышать, так что дыхание быстро сбилось и воздуха не хватало, хотя пробежал всего ничего. Ноги заплетались, корпус то и дело наклонялся, а с руками за спиной было сложно нормально держать равновесие, так что был риск опять вспахать носом землю.

— Хватайте его, хватайте! — слышались призывы громилы.

Однако никто из изумлённых встречных не пробовал остановить Лёху, по крайней мере, пока он не проскакивал мимо.

— Ой, Господи! — испугалась попавшаяся тётка, у которой беглец из рук вышиб плечом корзину с яблоками.

Столкновение чуть не обернулось для Лёхи падением, что означало бы поимку, но чудом удалось удержаться на ногах. Он метался по улицам словно дикий зверь, которого потехи ради притащили в село, однако не озаботившись как следует закрыть дверь клетки. И всё же паническая беготня вывела на край поселения. Тогда Лёха устремился в поле, за которым зеленела стена деревьев. Здесь юноша замедлился, пробираясь через траву и стараясь не споткнуться об кочки и муравейники.

Раздался хлопок и рядом что-то просвистело.

«Ляць, огнестрел!»

Лёха покатился по траве. Прежде чем встать, он скорчился и провёл под ногами связанные руки, так что теперь они были спереди. Поднялся и побежал дальше, хотя в голове промелькнула предательская мысль о сдаче. Какой смысл надрываться, если у них пушка, и они не стесняются палить из неё? Юноша ожидал новых выстрелов, но их почему-то не последовало.

«Могут ведь и собак спустить. Хана тогда мне».

С руками у груди бежать было проще, да и можно упереться на них, если споткнулся. Наконец, над головой замелькали ветви. Ещё час назад или около того Лёха негодовал по поводу непроходимости чащобы, но сейчас он был даже рад нагромождениям буреломов и густым кустарникам, в которые влетал на полном ходу более не заботясь о сохранности кожи и тем более одежды. Надеялся, что заросли помогут скрыться.

«Только бы до нормальных людей добежать! — невесть кому молился юноша, последними волевыми силами заставляя перенапряжённые ноги двигаться».

Он не мог оценить, сколько времени удирал. Долго, наверное. Силы закончились, Лёха опёрся на дерево и стоял так, пока не отдышался. После заставил себя идти скорым шагом.

— Над... валить... к... нормальн... лю-ям... валить...

Иногда Лёха пробовал осмыслить положение: понять, в каком направлении лучше идти; задавался вопросом, что это за сектанты и как долго они будут гнать его. Но любая последовательность мыслей хоть и начиналась ровно, быстро скатывалась в клубок из сумбурных образов, к тому же сложно размышлять, когда ты напуган, измождён и ничего не ел со вчерашнего дня. Сложно размышлять, когда неутомимо досаждают рой комаров и мошек, да твоё внимание сосредоточено на том, как бы не оступиться на буреломах. Если же зацепишься в думах за что дельное, то отвлечёшься, испугавшись отдалённых звуков: уж не собачий лай это или окрики преследователей?

Брёл не меньше часа, а то и двух. Однако так и не вышел на край леса. Наоборот, он стал ещё более непролазным, дремучим и тенистым. Солнце стояло в зените, но лишь редкие лучи пробивались сквозь лиственный полог переплетённых крон. Древесные своды оглашали крики неизвестных юноше птиц, и некоторые из них звучали зловеще. В зарослях шуршала мелкая живность.

— Заблудился походу, — Лёха оглянулся. — Блин, руки болят. Надо веревку стянуть. Крепко завязал, сволочь. И отдохнуть надо хоть немножко.

Недолго думая, для отдыха выбрал большую кучу из опавших веток и стволов, заросших мхом. Развалившись на них, только сейчас осознал, насколько болят ноги.

— Не смогу встать, — прошептал юноша, прикрыв глаза.

Очнулся, когда сквозь полузабытьё почувствовал, как будто вздрогнула земля. Вибрация повторилась. Лёха присел и затаил дыхание. Ветки под ним вдруг затрещали и пришли в движение. Вскрикнув, он откатился в сторону, в первую секунду подумав, что прикорнул на берлоге какого-нибудь зверя, уж наверняка недовольного попиранием личных границ.

Но когда Лёха обернулся, то стал свидетелем того, как вся древесная куча со скрипом шевелится, как вздымаются стволы, извиваются корни и дрожат ветки. Всё это нагромождение вздыбилось не менее чем на три метра, и сложилось в чудовищное подобие сгорбленной человеческой фигуры. Стволы обернулись ногами и руками, ветки — когтистыми пальцами, а пенёк — головой, смахивающей на гигантский череп с порослью папоротников на месте бороды. Сучья на древесной башке походили на демонические рога. Открылось дупло, которое было пастью, если иголки внутри принять за клыки. Из его глубины вырвалось гулкое бормотание на неизвестном языке, и звучало оно не особо дружелюбно.

Шокированный Лёха пробовал тихо отползти на спине, но лесной монстр повернулся пустыми глазницами в его сторону. И потянулся к юноше огромной лапой, которой смог бы схватить целый бочонок...

Инстинктивно пытаюсь защититься, Лёха прикрылся руками и зажмурился. Он ожидал хватки, что раздавит его как упавшее на голову дерево. Но вместо сокрушающего давления услышал выстрел. Чудовище убрало лапу и взревело — не столько от боли, сколько от ярости.

«Сектанты? — при мыслях о появлении преследователей Лёха испытал облегчение, хотя совсем недавно желал им провалиться сквозь землю».

Прорвавшись сквозь кусты словно медведь, в рощу залетел бородатый здоровяк, но отнюдь не тот, с которым имел несчастье познакомиться Лёха.

— Бейся супротив достойного противника, леший! — взревел бородач, грозя монстру увесистым боевым топором.

Названный лешим заклокотал, будто полый пенёк, по которому стучали палкой. Судя по тому, что повернулся к мужику, и шумно расставил ноги — вызов принял. Занеся лапу, леший вознамерился покончить с дерзким выскочкой одним ударом. Дядька хоть и был в плечах косая сажень, но на фоне лесного чудовища смотрелся как топорщившийся гусь перед человеком. Лёха с трудом представлял, что этот одиночка сможет противопоставить лешему; топора для равного боя казалось маловато.

Прежде чем монстр ударил, откуда-то вылетел маленький горшок, на котором болталась зажжённая тряпица. Он угодил в лоб лешего, и разлетелся осколками. Полыхнуло пламя, охватив мохнатую макушку и рога-сучья твари. Леший зарычал и замахал лапами, ломая попавшиеся ветви.

— Отведай «греческого огня», бревно! — лихо крикнул кто-то. — У-у-ух!

Однако мужика это не впечатлило.

— Промашку дала, дурёха! — пробасил он. — Лес спалишь вместе с нами!

Рядом с бородачом встала бабища, которая в росте и ширине немногим уступала мужику: руки с выпуклыми мышцами, как у пауэрлифтера; юбка опускалась чуть ниже колен, так что открыты сапожища — Лёха никогда не видел обувь такого большого размера; из-под косынки на мясистую щёку спускалась рыжая прядь волос. По вполне симпатичному лицу, носившему задорную полуулыбку, казалось, что его обладательнице около тридцати лет. Если бородач предпочитал топор, то баба держала кувалду, хотя легко было поверить, что способна ничуть не хуже вдарить своими пудовыми кулаками. Ну или объёмной выпирающей грудью. Под ней на поясе висели склянки и горшочки, и некоторые были с тряпицами.

— В пасть метила, — обидчиво отозвалась тётка. — Так он, бес, туда-сюда дёргается.

Она хотела добавить что-то ещё, но речь прервал леший. Лапа гроыхнула в то место, где стояла пара — едва успели отпрыгнуть в разные стороны.

— Стало быть, одолевать будем тяжким путём, — заключил бородач. — Бельчонок!

Мужик не успел закончить призыв, а по роще уже ветром пронёсся чей-то силуэт. Когда он остановился, Лёха разглядел худощавого парня, который непрестанно и суетливо двигался, будто находясь под психостимуляторами.

— Я тугова, увалень! — протараторил Бельчонок.

Когда леший махнул лапой, парень был уже сбоку от него.

— Не сям, дубина, а тугова!

Разъярённый монстр крушил всё вокруг, но попытки подловить необычайно юркого

мальца походили на попытки пьяного человека схватить муху. Пока леший гонялся за Бельчонок, бородач и баба не теряли время. Он прикрыл глаза, и через несколько мгновений лезвие топора раскалилось до красна. Она сняла с пояса горшочек с тряпкой, пропитанной горючей смесью. Но тётка не использовала что-нибудь вроде кресала, дабы зажечь «греческий огонь». Она тоже прикрыла глаза, и через несколько секунд тряпица воспламенилась сама.

— Олег, подсобить надобно? — к паре вышел ещё мужик, но с бородой поскромнее, чем у, по-видимому, жоака поразительной группы.

Новоприбывший сжал кулак, и весь он словно покрылся железной коркой.

— Твою ж... — обалдел Лёха, который к тому времени отполз к ближайшему дереву и, казалось, уже исчерпал запас удивлений. — Это чё, супергерои что ль?

— Надеюсь, так управимся, — ответил Олег. — Но зри в оба. Господи, помилуй... Иринushка, твой черёд!

Лёха посмотрел на бабищу-алхимика, — как окрестил её про себя — решив, что здоровяк обратился к ней. Но появился новый член группы, да такой, что у юноши в очередной раз отвисла челюсть. На голове девушки был апостольник, какой носят православные монахини, однако с укороченной тканью, едва достигающей плеч. Его чёрный цвет контрастировал с юным бледным лицом, имеющим острые черты. Внимание девушки направлено на лешего, но на мгновение она удостоила Лёху взглядом — холодным и строгим взглядом голубых глаз. Сверху «монашка» носила рубаху, имеющую короткий подол с вырезами, опускающийся до бёдер, а длинные стройные ноги обтягивали штаны.

Названная Ириной не имела оружия, и всё же она смело бросилась к лешему. Лёха весь сжался, когда чудовище потянулось к хрупкой на вид девушке. Она избежала ударов столь ловко, что даже Бельчонок уважительно присвистнул: от одного тычка увернулась кувырком, а через второй перепрыгнула как спортсмен-олимпиец.

— Глаза на меня! — воскликнула девушка тоненьким, но властным голосом.

Она вытянула руку по направлению к морде лешего. Из раскрытой ладони выплеснулся поток света, который ударил прямо по глазницам. Там не было глазных яблок, только тёмные провалы, и всё же чудовище с рыком отпрянуло. И ненадолго ослепло.

— Бельчонок!

Тётка бросила парню зажжённый горшок. Не дожидаясь, пока тот прилетит к нему. Бельчонок сам ринулся навстречу, и схватил горшок на полпути. Затем скоростной малый устремился к ослеплённому монстру, и занёс руку для броска.

— Чего?! — воскликнул Бельчонок, когда не смог сдвинуться с места.

Посмотрев вниз, обнаружил, что корень плотно обвил ногу.

— Гадюка! — Бельчонок безрезультатно дёрнулся.

Он повторно занёс руку с горшком, но бросить не успел — её тоже обвил корень. Извиваясь словно змеи, они повылезали по всей роще. Рядом с Лёхой тоже поднялся один. Он направил острый кончик на Лёху, и копьём устремился к нему. Юноша прикрылся руками, а в глазах потемнело от испуга. Дальнейшего он не видел, то ли потеряв сознание в переизбытке чувств, то ли будучи пронзённым дьявольским корнем.

— Держись!

Ирина, Олег и тётка-алхимик побежали на выручку, но всюду им препятствовали корни, не позволяя приблизиться к Бельчонку. Только железный человек пробился к нему и очень вовремя — леший собрался пришибить настырного парня. Железный покрыл руки коркой и

скрестил их над головой, встав рядом с Бельчонок. Деревянный кулак обрушился на блок. Железный пошатнулся, но выстоял.

— Спасибо, брат! — сказал Бельчонок, весь засыпанный трухой и насекомыми.

— Пустяк, — выдохнул железный человек, хотя по его лицу было заметно, что блок дался нелегко. — Готовься!

Железный принял защитную стойку, собираясь отражать следующий удар. «Надобно его отбить, и опосля корни с Бельчонка посрывать, — думал железный человек».

В последний раз думал, ибо молотящий удар лешего раздавил и железного, и Бельчонка, словно они были картофельными фигурками.

— Нет, Боже! Нет! — взвизгнула Ирина.

— Сие не простой леший, — зарычал Олег, огненным топором срубая корень. — Нам попался сам лесной хозяин! Ох, золотые мои, одолевать нам остаётся самым тяжким путём... Ха!

— Держись у меня, скотина! — пригрозила тётка-алхимик, с лёгкостью помахивая кувалдой.

— Не лезь на рожон, Евдокия, — предостерег Олег. — Допрежь я с Ириной по обе стороны.

Сказано — сделано, бородач и «монашка» зашли к лешему с флангов. А Евдокия держалась в стороне, забивая вылезавшие корни кувалдой словно в той старой игре, когда надо стучать по головам показывающихся кротов.

Несмотря на кажущуюся грузность Олег живо избегал атак чудовища, и сам в ответ рубил раскалённым топором по лапе, однако стараясь сечь так, чтобы лезвие не увязло в древесине.

Второй лапой леший пытался прихлопнуть Ирину. Один из ударов пронёсся в опасной близости от головы и сучком сорвал апостольник. Открылись светлые волосы, сплетённые в косу. Впрочем, девица уворачивалась не всякий раз. Когда леший сделал выпад, вместо уклонения Ирина твёрдо упёрлась ногами и ударила навстречу. Голым кулаком, будто каратист, ломающий доску. Но маленький кулачок и тоненькое запястье не дрогнули, врезавшись в массивную руку лешего. Он словно в стену бахнул. Даже грохот и ударная волна от столкновения были такими, что потрянуло ветви деревьев, и с них посыпались листья, а с земли поднялась пыль.

В этот момент, когда одна лапа была порядком порублена, а вторую отбросил удар Ирины, в ближний бой вступила Евдокия. Оказавшись рядом с лешим, она саданула кувалдой снизу-вверх по древесной морде. Чудовище отклонило голову и раскрыло пасть. Это тётке и нужно было: в глотку лешему полетел зажжённый горшочек.

Монстр зарычал, из его рта и глазниц полыхнули языки пламени. Сперва леший остервенело скрёб кору у подбородка, а затем зашагал в сторону чащобы. Но пройдя всего несколько шагов чудовище, развалилось на кучу стволов и веток. Почти в таком виде Лёха застал лешего, с тем лишь отличием, что теперь из-под древесной горки шёл дым.

Ирина подбежала к неподвижным Бельчонку и железному человеку, плюхнулась перед ними на колени, и начала быстро читать молитвы. Тела озарил золотистый свет. Продержавшись несколько секунд, он потух. Ирина безвольно уронила руки на колени.

— Раздавил, нечистый, — помрачневший Олег стоял позади девушки. — Мертвы. Упокой Господь их души...

Он перекрестился, и жест повторила Евдокия. Ирина вновь начала читать молитвы, но

уже без призыва силы.

— Эх, Бельчонок... Бедный сиротка! — всхлипнула Евдокия. — Эх, Глеб...

Олег вспомнил про юнца, невесть как вышедшего на засаду, которую охотники готовили для лешего. Посмотрев туда, где последний раз видел парня, Олег ожидал обнаружить пронзённый корнями труп. Но вместо этого увидел полупрозрачный синий купол, под которым угадывался силуэт свернувшегося калачиком юноши.

— Эт как разуметь? — удивилась Евдокия. — Колдун он никак? Силу нечистую призвал?

Купол понемногу обесцвечивался и терял плотность. Ирина прервала молитвы и подошла к нему.

— Нет, колдовской силы нету, — покачала она головой. — Это сила, подобная нашей.

— Хм-м, — озадачилась Евдокия. — Из других охотников буде?..

— Не. Тогда б нам подсобил, а не лежал в стороне, — возразил Олег. — Да и не слыхивал я про других охотников рядом. Знал бы, коли нашёлся таковой.

Купол окончательно развеялся. Лёха валялся без сознания.

— Как поступим с ним? — поинтересовалась Ирина.

— Сильный дар... С собой возьмём, — решил Олег. — А там игумен буде разбираться...

Ирина, у тебя рука опухла. Сильно поранилась?

Встречный удар по лапе лешего не прошёл для девушки без последствий.

— Пустяк, — Ирина спрятала посиневший кулак за спину.

Раздался залиvistый лай. В рощу заскочила стая собак и все они устремились к Лёхе. Но троица борцов с нечистью не сговариваясь загородили юношу и подняли оружие. Собаки непрестанно гавкали, носились вокруг группы, но приблизиться вплотную боялись. Вскоре подоспели сами хозяева. Вздвогнув, Ирина одной рукой кое-как натянула на голову сбитый апостольник. Среди дюжины прибывших был тот самый верзила, что устроил Лёхе допрос. Увидев компанию борцов с нечистью, верзила сперва отдышался, а потом выпалил:

— Кто такие? Чьих будете? Часом не соглядатая сообщники?

Загонщики взяли троицу в полукольцо и направили на них копья. Но борцы с нечистью не опустили оружие.

— Как узнал, что он соглядатай? — поинтересовался Олег.

— Он ещё не признался, но дело времени, — сказал верзила. — В лесу нашёлся, да убёг. Но тебе знать не должно. Сами чьих будете? А ну говорите!

— Церковная служба борцов с нечистью.

Олег произнёс тихо, так что было едва слышно сквозь неутихающий лай, однако все загонщики разобрали слова. И с волнением переглянулись. Все, кроме верзилы.

— Да ну! Как подтвердишь?

— Вот те крест.

Олег выгацил из-под ворота распятие.

— Вглядись получше. — Олег вытянул руку вперёд, так что серебристый символ покачивался на верёвке и всякий мог рассмотреть его. — Ты знать должен, какая кара постигает тех глупцов, что надевают сей крест без позволения.

И вновь предводитель загонщиков засомневался.

— Почём мне знать, что подлинный! Может, ты подделку нацепил, чтоб людей дурачить! Так соглядатаи и поступают!

Собаки вели себя всё наглее, норовя юркнуть под ноги охотников и укусить

беззащитного Лёху. Тогда Ирина пристально посмотрела на свору, и голубые глаза мелькнули красным. Собаки вдруг испуганно завyli, и спрятались за хозяев, поджав хвосты.

— Ведьма никак! — вырвалось у верзилы.

— Пёс смердящий, — процедил сквозь зубы Олег, крепче сжимая топор, — ты ведьмой малосхимницу назвал. Это строго карается.

— Схимница... в штанах? — предводитель загонщиков недоверчиво посмотрел на Ирину, которая смиренно потупилась.

— Слухай, ты... Мы потеряли двух соратников в бою с лешим. И я сейчас весьма зол. А ну проси прощения у матушки Ирины. Иначе рассеку тебя от пустой башки до самых чресл! Проси прощения.

Лезвие топора затрещало, раскаляясь. Только тогда верзила спасовал.

— Христа ради, простите! — он упал на колени и ударил челом в землю. — Простите, матушка!

Загонщики тотчас отвели оружие от борцов с нечистью.

— Прощаю, — промолвила Ирина. — Но должно тебе всю седмицу утром и вечером молиться за рабов Божьих — Бельчонка и Глеба. Ибо они совершили святой подвиг: пали в бою с нечистью, защищая вас, ваших чад и весь род людской. Защищали от лешего-людоеда, что заманивал заплутавших глубже в чащобу, и пожирал. Как сказал Спаситель: «болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Вот что ещё, сделайте носилки — три штуки. Пару для погибших, одна штука — для юноши. Отнесёте их в посад.

Загонщики сразу засуетились, исполняя веление Ирины.

— И ещё, дуболомы, — сказал Олег, гася топор, — землёй засыпьте вон ту тлеющую кучу веток. А то не хватало нам ещё лес поджечь.

Глава 4 — Монастырь

До чего ж приятное колыхание. Будто вновь стал ребёнком, которого убаюкивает мама, мерно покачивая колыбель. И так мягко, словно сбоку плюшевая игрушка. Хочется обхватить её покрепче, потереться и вжаться лицом в податливую поверхность... Да-а, вот так, хорошо. Только кто так нагло шумит, нарушая блаженное забытьё?

С неохотой разлепив глаза, Лёха обнаружил себя обхватывающим пышную подушку, как ему сперва показалось. Но в следующий миг понял, что это большая женская грудь, оттягивающая рубаху. Вскрикнув, парень отпрянул и свалился с лавки. Чуть приподнявшись, Лёха увидел, что находится посреди движущейся повозки.

— Очнулся, болезный! — усмехнулась Евдокия, которую Лёха во сне принял за плюшевую игрушку. — А так хорошо дремал.

В конце лавки, на которой развалилась занявшая половину повозки Евдокия, сидела Ирина, а напротив неё — Олег. Вокруг, куда ни глянь, простирались холмистые луга.

— Тише-тише, — успокаивающе сказала Ирина. — А то головой стукнешься, и опять в беспамятство. Сядь на лавку.

Оробевший Лёха выбрал место рядом с Олегом.

— Как здоровье, молодец? — сухо спросил он.

— Здоровье... — Лёха прислушался к ощущением. — Вроде ничего не болит. Только очень пить хочется.

— Эт можно! — Евдокия сняла с пояса неказистую штофу, и протянула парню.

По привычке Лёха сперва собирался открутить деревянную крышку. Выдержав её, юноша поднёс горлышко к ноздрям. «Кто знает, что сунула алхимичка».

— Да водица простая, дурачок, — хохотнула бабища. — Не буду ж я поить «греческим огнём».

Давно ничего не пивший Лёха с жадностью присосался к горлышку. Разом осушив полбутылки, после он сказал:

— Это... ну... А может, у вас и поесть найдётся?

Ему передали горсть сухарей. Раньше Лёха воротил бы нос от такой еды, но сейчас набросился на неё как уличный пёс.

— Попроше налегай на снесь, а то плохо сделается, — предостерегла Евдокия.

Пока юноша хрустел сухарями на всё поле, он в очередной раз вспоминал прошедшие сцены — бегство и бой с лешим. «Они вроде не враждебны ко мне, в отличии от того сектанта, — Лёха украдкой поглядел на соседей. — Неужели сектант отвалил? Надо бы спросить, чем всё закончилось».

Когда Лёха задал вопрос, лица борцов помрачнели — перед их глазами пронесся момент смерти Бельчонка и Глеба. Олег коротко рассказал про схватку и про спор с загонщиками, под конец упомянув о защитном куполе, что уберёт от корней.

— Я? Вызвал... купол? — растерялся юноша, остановив руку с сухарём на полпути ко рту.

«Итак, что мы имеем, — Лёха вернулся к еде, теперь кушая сдержанно. — Вариантов несколько. Я под наркотой и всё мне кажется? Это сразу отвергаю, ничего не употреблял. Или тогда, у руин храма, я упал, ударился головой и так мозг повредил, что возникают зрительные, слуховые и тактильные галлюцинации. Есть такая вероятность? Вполне. Однако

ж для галлюцинаций уж слишком всё реалистично. Вкус сухаря и всё прочее я чувствую более чем хорошо. Ладно, оставим такое развитие событий как наиболее вероятное.

Второе... У руин храма в меня бахнула молния. И я сейчас лежу в больничке, в коме. Всё происходящее генерирует мой воспалённый мозг. Вероятное событие? Да. Только здесь та же загвоздка: слишком всё по-настоящему для видений. Наверное, образы в мозге должны быть обрывочными, нечёткими, иногда лишёнными последовательного смысла. Как во сне, короче. Пока всё вокруг не выглядит таковым. Да и может быть так, что в коме мозг работает минимально, и такие реалистичные видения не воспроизведёт.

Третье... Да ну, нафиг, третье можно смело отвергать. На сектантов, реконструкторов и прочих косплейщиков уже всё не спишешь.

Остаётся четвёртое... Всё происходит по-настоящему. Я или в прошлое попал или в иной мир. Бред, блин. Лучше вот как пока думать: я в коме или под галлюцинациями — предположим. Но всё так супер-реалистично, что действовать буду разумно и аккуратно, как будто в неоспоримой реальности нахожусь...»

— Звать как тебя? — вывел из размышлений Олег. — Откудова будешь?

— Алексей. Ну или Алексей.

— Или?

Юноша осторожничал в словах, решив не выдавать правды. «Если я в ином мире, то мне могут не поверить. Сочтут одержимым или ещё что нехорошее».

— Я не помню... Кажется, память потерял. Только имя в голове осталось. Кто знает, может и оно не моё. Просто очнулся в лесу, вот и всё.

Поначалу он хотел было попытаться говорить на старорусский манер, но за секунду до этого одумался, сочтя, что всё равно не сможет звучать правдоподобно, только подозрений больше вызовет. К тому же если тут правда параллельный мир, то история и культура могли развиваться чуть иным путём, и есть языковые особенности, не похожие на старые диалекты родного мира.

— Вот бедолага, — протянула Евдокия.

От обороны Лёха перешёл в нападение:

— Я даже год толком не помню. Вообще ничего. Только смутные обрывки. Расскажите, что последнее время в стране происходит?

Юноша тут же мысленно отругал себя, подумав, что его вопросы уж слишком походят на интерес настоящего соглядатая, каким его видел верзила-сектант. Борцы переглянулись, и Евдокия пустилась отвечать, иногда поправляемая Олегом или, реже, Ириной. Выяснилось, что сейчас тысяча пятьсот восемьдесят первый год от Рождества Христова, а правит Русским царством государь Иван Васильевич.

«Божечки, это Иван Грозный, — приуныл Лёха. — Надо ж было из всех эпох залететь именно в эту? Ну почему не в Российскую империю? Почему не в СССР? Или на тысячу лет позже? Хотя кого обмануть пытаюсь, везде бы я смотрелся не к месту.

Юноша осведомился о важных событиях текущего века. Так он узнал, что Русское царство воюет с поляками и шведами, что Европу колбасят войны на почве протестантской Реформации, что с юга всех достают османы, и как идёт эпоха Великих географических открытий.

— Токмо окоlesiца всё это — геграфические открытия, — презрительно бросила Евдокия. — Земля у них, дескать, круглая. Экий вздор! Плоская она яко лавка под тобой...

Всё это для Лёхи звучало знакомо, однако он не мог назвать себя любителем истории, а

потому и не мог подчеркнуть детальные отличия между историческим развитием этого мира и родного. Хотя всё же кое-что очевидно отличалось — здесь есть чудовища и магия.

Причём волшебство зримое, со всеми этим фэйрболлами, молниями и тому подобным. Магия известна людям с древних времён, но тогда ей плохо умели пользоваться. А вот за последние десятилетия случился этакий магический Ренессанс. Сравнить его можно с изобретением порохового оружия. Вроде о порохе и разных его свойствах знали ещё тысячи лет назад, но огнестрелы получили широкое развитие сравнительно недавно. Так и с магическими искусствами, в постижении которых начало преуспевать последнее поколение.

— Вы... это... гмх... монахиня, И-ирина? — выдавил Лёха, смущённо поглядывая на девушку, которая теперь была облачена в мантию. — Ну, всё там знаете о вере?

— Знаю столько, сколько мне Бог мудрости даровал, — вроде ответила мягко и даже немного певуче, но Лёху будто холодком обдало.

— Ага. Я не сказать, что эксперт... ну, то есть, особый знаток в вере. Но в Библии или где-то ещё там — не помню — сказано, что колдовство — грех. Так ведь?

— Так.

— Тогда поясните мне, почему вы все магией пользуетесь? Вот в бою с тем пеньком вы все ведь колдовали, так? Даже вы, Ирина.

— Ой, да тебя не просто по головушке приложили, а, зримо, загруженная телега по ней проехала на полном ходу, — всплеснула ручищами Евдокия. — Хочешь сказать, мы и монахиня против нечисти нечистую силу пустили в дело?

Доселе бесстрастное лицо Ирины едва заметно дрогнуло.

— Может, и телега проехала — сказал Лёха с виноватым видом. — Да вы меня простите, если невпопад что ляпну. Болен я.

— Ничего, — ответила Ирина. — Та сила, что мы призываем — дар от Бога. И направлена сила эта на защиту. Колдовство же — на погибель всех прочих и души самого колдуна.

— Точно так, и не поспоришь, — Лёха усердно закивал головой.

— Да не трясись ей так, ежели и вправду ушибленный, а то ещё дурнее сделаешься, — бросил Олег.

Различная нечисть, как и магия, тоже издревле так или иначе влияла на человеческую жизнь. Одно время чудовища даже занимали место богов для людей и, по словам Ирины, воевала человеческими руками. Но теперь люди достаточно окрепли, чтобы дать бой тем тварям, что хотят вновь поработить человечество или навредить ему. Именно для противостояния таковым создана Церковная служба борцов с нечистью.

— Набирают туда только монахов? — Лёха покосился на Ирину.

— А чего, я больно похожа на монашку? — Евдокия театрально сложила руки в молитвенном жесте. — Ой, хорошо, что не ведаешь о моих прегрешениях. Хотя о неких буде рад узнать, хи-хи.

Она подмигнула Лёхе.

— Дуня, — строго произнесла Ирина.

— Ой, прости, — Евдокия потупилась.

— Нет, далеко не все монахи, — пояснил Олег. — Большинство из мирян.

— Скажите, а куда вы меня везёте? Надеюсь, не торговой казнью бить?

— Не за что тебя бить, — сказал Олег. — Везём в монастырь, где одна из ставок Церковной службы борцов с нечистью. Ежели не вспомнишь, откудова ты, то будем думать,

как быть с тобой дальше...

Все смолкли, и Лёха погрузился в размышления. С одной стороны, мысль, что окружающее ему только видится, пробуждала любопытство и задор. «Если всё не по-настоящему, то и рисков никаких. Значит, можно отрываться по полной и не заботиться о последствиях. С другой стороны, если это реальность... Я оказался в мире, в котором о гуманизме и правах человека никто и не слышал, наверное, а война тут является заурядным способом решения проблем. Современных развлечений и удобств нет. Я мало что знаю о местных порядках и выгляжу полным придурком. Все тут просто помешаны на религии — дышат ею! А я вообще ни во что не верю. Блин... Друзей и связей нет. Короче, изначально оказался в рискованном и зависимом положении. Хотя у меня есть какая-то сила. Только вот пользоваться ей не умею... В общем, было бы очень неплохо найти дорогу домой, в родную эпоху. Если я попал сюда, то наверняка есть способ и вернуться».

Размышляя так и этак, всё время оспаривая себя, Лёха не заметил, как они подъехали к монастырю. Это оказалось не одним зданием, как воображал юноша, а целым обширным комплексом с крепостными стенами, хотя вооружённых защитников на них Лёха не заметил. Группа спешила у ворот, и проследовала во внутренний двор.

Здесь вся троица борцов перекрестилась и поклонилась. Лёха, настроившийся не привлекать лишнее внимание своими действиями или бездействиями, что лишний раз выдают чужака, скованно повторил жесты. «Так, как там пальцы складывать надо правильно, — юноша быстро осенял себя крестным знаменем, чтобы никто не заметил ошибок. — В какую сторону и в какой последовательности? Блин, подумают же, что я не соглядатай, а еретик какой. И сожгут ещё заживо». Но от внимания Ирины не укрылись неумелые попытки Лёхи мимикрировать.

— Не так крестишься, — бесстрастно сказала она. — Вот, два перста так сложи, а эти три перста — вот так. Потом сперва руку на чело возложить, на грудь, на правое плечо, и на левое. Запомнил?

Лёха попробовал повторить, но вышло вкривь и вкось.

— Да не так персты складывай, — с ноткой строгости поучала Ирина, словно говоря с дитём, что вызывало смешок у Дуни. — Погодь, не дёргайся как бесноватый.

Кажется, монахиня чуть потеряла терпение. Она взяла запястье Лёхи и сама сложила пальцы должным образом.

— О, спасибо, Ирина, — он так восторженно сказал это, будто его научили какому фокусу. — Буду теперь по сто раз за день упражняться.

Она отвела взгляд и ускорила шаг.

На пути Олег о чём-то спрашивал встречных монахов. Компания зашла в храм с боковой стороны, и миновала несколько помещений. В конце концов, борцы встретились с начальником монастыря — игуменом Назарием. Выглядел он несколько мрачно, весь осунувшийся, с тёмными мешками под глазами и кустистыми седыми бровями, что в сочетании делало взор будто бы осуждающим. По первому впечатлению Лёхи этому старику больше подошёл бы образ злобного чернокнижника, чем монашеская ряса.

— Ваше Высокопреподобие, — борцы с нечистью окружили игумена, кланяясь и испрашивая благословения жестом из двух сложенных ладоней.

«Эх, не могла Ирина мне заодно объяснить, как со всякими чинами себя вести? — Лёха топтался позади прочих». Долго стоять перед игуменом не пришлось: Олег попросил подождать в коридоре, пока Назарий будет слушать отчёт об охоте на лешего. Вместе с

юношей из комнаты вышла Евдокия.

— А какие у меня дела там? — пожалала могучими плечами женщина. — Олег у нас глава, ему полагается дела с игуменом вести. А сестра Ирина по божеской части всё обговаривает. Мы и подождать можем. Правда ведь, Алёшенька?

«Ну да, ну да, как же, — подумал юноша. — Сама вышла только для того, чтобы присмотреть за мной. Чтоб не свалил... Алёшенька, блин».

Ждать пришлось целый час. Иногда скучающий Лёха слышал за дверью приглушённые возгласы Олега. Кажется, он возражал то ли игумену, то ли Ирине.

— Поживёшь пока при монастыре вместе с нами, — утрюмо бросил вышедший Олег.

И потопал куда-то, не считая нужным просвещать Лёху о его дальнейшей судьбе. Отныне борцы с нечистью не распорядились юношей. Он перешёл на попечение монаха, которого называли гостиничным, — представился иеродиаконом Григорием — потому как в его обязанности входило размещение паломников и других гостей.

— Да-а, не шикану тут, — вздохнул Лёха, когда монах привёл его маленькую комнатку с низким потолком. — Чё мне тут делать?

Из утвари здесь была только лежанка с тряпьем.

— Молиться на коленях, — Григорий сказал как отрезал. — В обитель Божию попадают не ради роскошества. Я принесу тебе подходящую одежду. А свою сдашь мне.

Подходящей одеждой оказалась грубая рубаха, которая вдобавок была не совсем по размеру, равно как и мешковатые штаны. А вместо удобных кроссовок сунули лапти. «Ясен пень, одежду мою изучать будут, чтобы определить, из каких краёв я, — юноша неохотно передал шмотки гостиничному. — Покажут разным ткачам или кто там у них шитьём занимается. Только вот, ребята, попытки ваши обречены на провал».

Лёха поморщился, чувствуя, как колет и натирает кожу грубая обновка. «Видок у меня сейчас должен быть тот ещё. Только никак не оценить — нет в этом могильнике зеркала. И не положено, наверное. Скажут, типа, самолюбование — грех».

Юноша плюхнулся на лежанку, и охнул, ушибив задницу.

— Привыкать придётся долго, — прошептал Лёха. — Надеюсь, вшей и блох не подцеплю.

Тусклый свет утренних сумерек только начал робко заползать в Лёхину комнату, а его уже кто-то толкал и требовал подняться.

— Ща, мам, — пробубнил юноша, спросонья не понимая, что находится не в привычной домашней кровати.

Сквозь сонливость всплыло раздражение: «почему шторы не занавешены? Светло...»

На голову парня не церемонясь вылили холодную воду. От испуга он аж скатился с лежака и врезался лбом в стену. Часто и громко дышащий Лёха увидел перед собой Григория.

— Воду ещё из-за тебя таскать и лить должен, — укорил гостиничный. — Время тутова буде проводить не праздну, но с пользой. Вот те первое послушание: возьми эту пустую кадку, набери воды в колодце, и поставь кадку у входа в гостиничный дом. Скоро служба. Как окончишь дело, так топай в храм на полунощницу...

Неся полную кадку к порогу, Лёха ругался про себя из-за того, сколь страдальчески начался новый день. Но это было только начало мучений: пришлось отстоять три часа службы, во время которой колени и поясница заныли так, что уже никакие топтания не помогали, и казалось, что скоро ноги не смогут держать вес тела. Единственное, что первое

время помогло скрасить время, так это профиль Ирины. Передвигаясь сантиметровыми шажочками, Лёха занял такую позицию, что можно было украдкой любоваться монахиней. «И чего её смолоду потянуло обет принимать? — недоумевал юноша. — Такая симпатяга в монахинях! Хотя в этом мире, возможно, не самый худший вариант прожить жизнь... Господи, я ж на службе пялюсь не просто на девку, а на монахиню. Грех-то какой, вот бы меня бог покарал, существуй он». Лёха с полуулыбкой перевёл взгляд на образы святых, но уже через минуту опять засматривался на Ирину.

Отныне дни в монастыре, неотличимые один от другого, протекали в таком распорядке: службы утром и вечером; трапеза из овощей, творога, хлеба и рыбы; а днём юноша помогал трудникам и послушникам — «подай то, принеси это». Работы хватало, учитывая, что у монастыря было обширное хозяйство: пасека, разнообразная скотина и огороды. Иногда Лёхе доводилось потрудиться за стенами монастыря. В такие моменты, случалось, юношу посещала мысль дать дёру, потому как он всё больше чувствовал себя здесь чем-то вроде пленника. «Но куда бежать? — осаживал себя Лёха. — В других местах будет ещё хуже».

Иногда выпадал свободный часок, вот только чем его занять Лёха не знал. Ни телефона тебе, ни Интернета, свет в комнате не зажечь ночью. Хотя под конец дня юноша так выбивался из сил, что даже имей под рукой все современные удобства предпочёл бы отдать сну каждую свободную минутку. Днём же Лёха искал возможности отлынивать от работы и как бы лишний раз пересечься с кем из борцов с нечистью, да перекинуться с ними словечком-другим. Как-никак, они спасли от лешего и того тиуна, что хотел выбивать признания кулаком. Особенно юноша по любому поводу пробовал завязать затяжной разговор с Ириной. «Она на меня точно запала! — хихикал про себя Лёха. — Так мило покраснела, когда взяла меня за руку и показывала, как креститься. Кто знает, может, она вообще впервые подержала парня за руку? Наверно, думает об этом моменте...»

— Сестра Ирина, — окликнул Лёха, встретив её у ворот, — как день твой?

— У меня нет времени на праздные разговоры, — ответила юная монахиня, не выказав интереса.

— Так я ж не просто так. Тут вот какое дело, память мне напрочь отбило, даже основ веры не помню. Может, мы... ну, это... могли бы встретиться вечером в келье, например? И ты преподавала бы мне серию уроков катехизиса. М?

— С сим обратись к Григорию, — она сочла беседу оконченной и отвернулась.

— Но я... но, Григорий... он, — девушка уже ушла. — Эх... последней радости лишён.

Конечно же Лёха частенько думал о родном мире и о том, как вернуться домой. «Как там друзья? Как мамка? — мучился юноша. — До чего же сильно переживает вне зависимости от того, попал ли я в кому или пропал без вести. Эх, предупреждал меня Женёк, что нечего иконку тащить из храма. Хотя не факт, что из-за этого я перенёсся сюда. Однако, быть может, если повторить действие в обратном порядке, то перенесусь обратно? То есть найти эту же икону и принести в тот храм?..»

Между делом расспрашивая мирян из трудников, Лёха узнал, что находится в Московском уезде; узнал, что правда существует озеро у злополучного посада. Только ни о каком большом храме рядом с озером люди не знали. «Когда так или иначе освобожусь, надо самому поискать там, — решил Лёха. — Правда, освободиться — это ещё полдела. Могут опять сцапать местные власти, разбойники, дикие звери сожрать или нечисть. Задача, короче».

Однако спустя две недели с лишним, когда юноша чуть свыкся с монастырским

распорядком, мысли потекли в неожиданном русле. «Но ЕСЛИ всё по-настоящему, в чём у меня уже почти нет сомнений, то мне выпал уникальный шанс. Кто ещё похвастается тем, что получил возможность воочию познакомиться не просто с иной эпохой, а с иным миром? Стоит ли мне прям так убиваться от пребывания здесь? Хотя... Как знать, может, дофига таких людей, которые во всякие Российские империи или в «совки» попадают. Вот так исчезают люди десятками тысяч в год и числятся пропавшими без вести. Ну, спасибо хоть, что залетел не на миллиарды лет вперёд, когда Солнце сожжёт родную планету. И не в протопланетный диск формирующейся Земли. За долю секунды сгорел и вообще не успел бы понять, что куда-то попал. Короче, хватит депрессовать. Лучше узнаю об этом мире побольше».

Узнавание Лёха решил начать с книг, хотя слышал, что при монастыре нет библиотеки.

— Ишь ты, грамоте обучен! — сказал Григорий, когда юноша попросил что-нибудь почитать. — Ну, братец, так и быть. Дам тебе тропарь — буде молитвы заучивать.

— Эм-м... А ничего нет другого на выбор? Ну, там, bestiарий. Руководство по обучению боевой магии. Или исторических книжек.

— Ха-ха-ха!.. Ух, прости Господи за безудержный смех... Тебе, чадо, мож ещё и Лицевой летописный свод притащить из царской книгохранильницы?

— М-м, ну, хотя сойдёт и тропарь.

Когда Лёха вечером в комнате открыл полученный тропарь, то не смог избежать разочарования.

— Это что ещё такое? — юноша быстро перелистывал страницы. — Я почти ни хера не понимаю! Это ж церковнославянский... Так, спокойно. Освою со временем. Буду воспринимать чтение тропаря как тренировку, которая позволит со временем понять и другие книжки.

С таким настроем парень лёг спать... И проснулся из-за того, что на него вылили воду. За окном ещё не было даже намёка на рассвет. Лёха медленно сел на лежанку.

— Слушай, Григорий, — спокойно заговорил юноша. — Я тебе щас втащу. Ты не смотри, что мы в обители Божьей. Я тут нахожусь недобровольно и никаких христоролюбивых обетов не давал, а потому щёку всякий раз подставлять не собираюсь. Я встану и накидаю тебе по шам так, что после никакой целитель-чудотворец не поможет...

— Поднимайся, пёс смердящий! — тьму сотряс рёв Олега.

— Чё?.. Ты чего ещё забыл тут?!

— Я сказал, поднимайся, — уже сдержанно проговорил Олег, но голосом, не терпящим возражений. — Вставай, дурень. И топай за мной. Иначе вытрясу из тебя всю душу. Уяснил, щенок?

Глава 5 — Топор и кулак

Топая и смотря на широкую спину Олега, Лёха гадал, в чём и когда он провинился, что вызвал такой гнев.

«Иринке что-то не то сказал? — на улице юноша обхватил свои плечи, содрогаясь от ночного холода, который был особо пронизывающим из-за мокрых одежды и волос. — Или хотят наказать за то, что я не усердствую в послушаниях? И если наказать, то как? Ночью заставят работать? Да пошли вы в задницу!»

Суровый и решительный вид Олега не располагал осведомляться о причинах недружелюбного поведения. Как и чуть покачивающийся на поясе здоровяка боевой топор. Вышли за стены монастыря.

«Ерунда какая-то, — Лёха не на шутку встревожился, — если бы погнали работать, то на территории монастыря. Не буду же я ночью огороды пахать и по пасеке лазить? Невидно ничего! Да и бредём мимо хозяйства, вообще куда-то в поле... Лячь, от меня избавиться надумали?»

— Олег, куда мы? — нарушил тишину Лёха дрогнувшим голосом.

— Смолкни, — Олег не обернулся и не замедлил шага. — иначе по спине приложу, и поташу силком.

Он остановился на лугу, освещаемом почти полной луной. Со стороны тёмных силуэтов деревьев доносились совиные крики. Повернувшись к Лёхе, Олег достал топор.

— Неведомо мне, соглядатай ты или нет, — холодно заговорил богатырь, — но в одном сомнений никаких: ты лжёшь. Обманываешь всех, что якобы памяти лишился.

— Так вот о чём хочешь поговорить, — сердце Лёхи будто в пятки упало, колени задрожали. — Но не мог для этого хоть до утра подождать? И почему обязательно в поле? Можно же спокойно поболтать за столом!

Вместо ответа Олег замахнулся свободной рукой, и отвесил юноше звонкую оплеуху. Лёха схватился за жгуче болящую щёку и ошеломлённо уставился в темноту.

— Прав был тиун, когда собрался из тебя признания выбивать, — Олег медленно обошёл юношу. — Но не угнался за тобой. Не страшно. Я всё сделаю за него.

Новая затрещина вырвала Лёху из ступора.

— Совсем охренел?! — возмутился юноша. — Откуда знать, что я правду под давлением скажу? Наоборот совру! Что угодно ляпну ведь, лишь бы отвалили! Так не...

Олег не позволил договорить, ткнув кулаком в грудь, отчего Лёха повалился на спину, но сразу вскочил.

— Подожди-подожди! Я ведь хотел добавить...

И вновь Олег прервал речь тычком руки.

— Ты и слова сказать не даёшь! — обидчиво выкрикнул Лёха. — Варвар долбаный! Что за методы допроса у тебя?

— Варвар? — со злобным любопытством переспросил Олег. — Это я, значит, варвар? А ты, стало быть, не из варваров? Ну так поведай, откуда родом такой грамотей явился.

Он сбил юношу с ног.

— А тебе кто-то разрешал так делать? — вдруг с вызовом проговорил Лёха. — Игумен там? Или кто-то ещё? А то всё выглядит, как будто ты самоуправством занимаешься. Вытащил меня ночью за монастырь, чтоб никто не видел твои разбойные действия, так?

Олег хотел отвесить новую пощёчину, когда Лёха встал, однако он отклонился.

— Положим, что так, — легко согласился Олег. — И что тогда?

Когда здоровяк в очередной раз пихнул юношу, тот закрылся руками.

— Лапы убрал! — страх Лёхи перемешался со злостью.

— А то что?

Для защиты удерживая руки у груди, Лёха заметил на своём правом кулаке ореол синего приглушённого света.

Юноша часто размышлял о той силе, которую бессознательно вызвал, — если верить словам борцов — защищаясь от лешего. И неоднократно пытался показать хоть маленькое её проявление или пускай даже просто ощутить в себе магию. Пробовал медитировать, махать руками в комнате; произносить всякую абракадабру, чтобы сотворить заклятье — всё тщетно. От разочарования Лёха допустил, будто борцы с нечистью зачем-то надули его и никакой личной силы нет.

Лёха медленно поднял взгляд от сияющего кулака на лицо Олега.

— А то так всажу, что неделю встать не сможешь, — дерзил юноша.

Богатырь расхохотался на всё поле.

— Думаешь, потешный огонёк зажжёт, и в миг грозным сделался?

Подтверждая презрение к чужой силе, Олег отвесил Лёхе щелбан. Больше он не терпел унижений. Освящённый кулак врезался в живот Олега. Удар превзошёл ожидания Лёхи, отбросив тяжёлого богатыря аж на несколько метров. Но Олег оказался достаточно крепким, чтобы сразу твёрдо встать на ноги.

— Ладно, — проворчал он уже не без доли уважения. — Тебе же хуже.

Олег побежал на Лёху с топором на перевес. Ошарашенный парень успел закрыться рукой, хотя до последнего не верил, что по нему будут рубить. Казалось невыносимым, что можно вот так взять и с размаху ударить тяжёлым холодным оружием по живому человеку. Но Олегу так не казалось — он рубанул сверху вниз. Лезвие со звоном отскочило от магического барьера, возникшего у локтя.

«Он мог отсечь руку и проломить череп! — обалдел Лёха. — Бой насмерть что ли?!»

Последний раз драться приходилось в школе и, конечно, там максимум отделаешься травмами, что заживут через какую-то неделю-вторую. И всё же юноша не растерялся и, действуя будто во сне, отразил барьером повторную атаку, после чего контратаковал сам. Но и Олег больше не подставлялся. Он уклонился и перехватил ту руку Лёхи, которую не наполняла магия.

— Могу не токмо топор греть! — рявкнул Олег в лицо.

Он ещё говорил, когда всю руку вплоть до плеча обожгла невыносимая боль. Лёха вскрикнул и ударил обидчика. Попал по груди вскользь, но этого хватило, чтобы Олега откинуло в сторону. Готовясь к новому нападению, богатырь раскалил лезвие топора.

«Всё серьёзно, — мелькнуло в голове юноши, — очень серьёзно».

Он старался пробудить магическую силу и во второй руке, а противник уже несся с ударом наготове. На сей раз Лёха блоку предпочёл уклон. Олег находчивость парня недооценил, слишком вложившись в удар, которым намеривался разбить барьер. Но топор с шипением рассёк только воздух. Сам Лёха после уклонения не зевал, а впечатал магический хук в рёбра словно бывалый боксёр. Ударной мощи хватило бы, чтоб сломать стену, однако противник непостижимым образом отделался ушибом.

Наконец волшебное сияние зажглось на втором кулаке, что придало юноше

уверенность. Воинственный вид Лёхи и боль в боку не остудили пыл Олега. Он опять наступал, но уже без наскоков, внимательно приглядываясь к сопернику. Иногда здоровяк совершал ложные движения, заставляя юношу дёргаться почём зря. Казалось бы, кулаки быстрее тяжёлого топора, но с Олегом привычные законы физики будто не работали — он махал топором как веточкой.

Лёхе надоело, что противник долго держит в напряжении обманными замахи, и сам двинулся в нападение. Теперь уже Олег увернулся от удара, и сразу наказал тычком обуха в плечо. Мучительная боль так сковала руку, что юноша не мог поднять её. А между тем здоровяк продолжал наступление...

— Достаточно! — послышался голос, для которого, кажется, было не в новинку звучать повелительно.

Олег встал как вкопанный, не добежав до Лёхи два метра. И погасил топор как ни в чём не бывало. Юноша повернулся в ту сторону, откуда прозвучал призыв.

Там светильником засиял магический шар, парящий над ладонью Ирины. Рядом с ней стоял игумен Назарий, опираясь на посох, а позади горой возвышалась Евдокия, которая с волнением теребила рубаху. Некоторое время Лёха недоверчиво переглядывался с доселе скрытой троицей, стараясь при этом не упускать из виду Олега. Через минуту свидетели боя двинулись в монастырь.

— Силу твою хотел узреть — и узрел, — сказал Назарий, поравнявшись с Лёхой. — Добро. Ступай к себе. Завтра можешь спать подольше и за послушаниями не поднатуживаться.

Больше игумен ничего не произнёс.

— Извиняй, — буркнул Олег, тоже затопав к монастырю.

— Да иди ты, — едва слышно промолвил Лёха.

Ирина приблизилась, шепча молитвы, и протянула к юноше светящиеся ладони. «Что? — размяк Лёха. — Неужели обнимет?» Но монахиня ограничилась лёгким прикосновением к лицу, после которого боль от ссадин и ожогов ушла, а тело согрел неведомый источник тепла, хотя Лёха и не чувствовал холода после боя и стресса.

— Молись за обидчика, ежели испытываешь гнев к нему, — наставила Ирина перед уходом.

— Молодчина, — а это уже ободрила Евдокия. — Токмо шутихи свои погаси. А то зря силёнки расточаешь.

Только сейчас юноша заметил, что его кулаки всё ещё охвачены голубым сиянием. Он хотел было спросить, как «выключить» магию, но все удалились достаточно далеко. Встряхнул руками — не помогло. Переведя дух, Лёха поплёлся обратно в комнату, которую так невзлюбил за бедное убранство, но которая сейчас ему виделась самым желанным местом спокойствия и тишины.

— Вот отстой! — вернувшись, Лёха обнаружил, что лежак всё ещё мокрый. — Этот засранец должен был мне простыню высушить. Как спать прикажете?

Юноша перевернул тряпьё, улёгся, и быстро забылся крепким богатырским сном не заметив, как погасла магия. По слову игумена никто не прерывал отдых аж до самой трапезы. А в следующие два дня Лёха всё ломал голову над тем, что за проверку ему устроили Назарий и борцы. Заодно напрягал все волевые и физические силы, пробуя вызвать магию.

— Как же я тогда это сделал? — досадовал Лёха, когда усилия не увенчались

успехом. — Оно только под сильным стрессом проявляется? Ну, или там мана у меня исчерпалась в бою и до сих пор не восполнилась?.. Эх, разобраться бы с этим, и тогда больше никому не позволю доматываться до меня — сразу огребуть!

На третий день после боя Евдокия бесцеремонно вломившись в комнатушку.

— Как здоровье?! — сотрясла стены голосистая женщина. — А я не просто так в гости заглянула. Тут ажно целый совет был по поводу твоей силы. Долго судили-рядили, и в конце концов порешали, что не помешает тебе быть в Церковной службе борцов с нечистью, да трудиться под началом Олега. Хочешь такого?

Нельзя сказать, что предложение застало Лёху врасплох. И всё же он не спешил соглашаться.

— Я ведь до сих пор не понимаю, как магией пользоваться.

— Научим. Токмо знай, что учиться предстоит поспешно, ибо нечисти как никогда много и ведёт она себя как никогда осатанело. Раньше не было подобного. Посему нам и надобны новые люди.

Попросив день на размышления, Лёха пытался понять мотивы, побудившие игумена и борцов пойти на этот шаг. «Более чем уверен, что я для них всё ещё какой-то подозрительный чел. И тут вдруг они зовут таким важным делом заниматься. Да, у меня сила обнаружилась; да, по словам Дуни, нечисть озверела. Но едва ли только в этом причины. Наверное, хотят, чтобы раскрыл свою суть в действии, и так понять, откуда я».

При любом раскладе Лёха не собирался отказываться. Как бы ни было опасно и тяжело ремесло борца с нечистью, всяко лучше оно, чем невесть сколько времени являться монастырским насельником в подвешенном состоянии.

А потому юноша дал согласие.

Глава 6 — Прекрасная дева

Перед сном воображение Лёхи не на шутку разыгралось: он предвкушал, как будет листать бестиарии, в которых описываются все виды нечисти и её слабые места; как освоит силу, из потерянного пацана превратившись в грозного мага; как станет уважаем в обществе, так что никакие тиуны больше не посмеют наглеть. Однако вхождение в ряды службы началось с быстрого заучивания основ веры, а закончилось крещением.

— Меня ж в детстве крестили, хоть я этого не помню! — вяло протестовал Лёха. — Вы же сами у меня крестик нашли.

Юноша предусмотрительно умолчал о своём неверии.

— Кто знает, в каком обряде тебя крестили, — возразил игумен Назарий. — Лишним не буде. А ежели истинно православный христианин, то чего страшиться тебе?

Вскоре Лёха согласился, про себя решив, что воспримет обряды как формальность. «Спасибо хоть, что крёстного мне не навязали, — думал Лёха перед тем, как окунуться в холодную монастырскую купель. — А то могли подсунуть в этом качестве какого-нибудь Олега. Ещё не хватало его наставления слушать».

Наконец началось что-то интересное для Лёхи. Каждый божий день допускали в тайную книгохранительницу, откуда потом юношу приходилось выгонять чуть ли не бранью и розгами — настолько захватывало чтение рукописей о чудовищах, пускай даже церковнославянский давался с трудом. Оказавшись счастливым, что имеет право держать в руках редкие книги с тайным знанием, Лёха только здесь по-настоящему понял, какое это великое благо — Интернет, ведь поразительно, когда у тебя есть лёгкий доступ к невообразимо гигантским пластам информации, накопленной человечеством за тысячелетия, и открыть её ты можешь всего за пару нажатий. Да величайшие умы прошлого всё бы отдали, чтоб хоть на денёк прикоснуться к такому сокровищу! «Только тратил я ту возможность на всякую хрень, — с горечью подумал Лёха. — Теперь вот стопке книг радуюсь до невозможности».

Весьма занятно было разглядывать на страницах красочные миниатюры — вот изображение волколака, разрывающего жертву на куски. А вот безкровельный — домовый, которого выгнали из освящённого попами жилища, так что ничего иного не осталось, как только скитаться и вредить обитателям других домов поджогами, порчей посевов и разорением курятников. На следующей странице леший засовывал в пасть кричащего охотника, и в эту иллюстрацию Лёха вглядывался особенно долго. «Совсем забылся, — вздрогнул парень, — смотрю на это, как на развлекательную книжку. А ведь такова реальность этого мира. Монстры — существуют. И я сам недавно чуть не стал жратвой для одного из них». Осознание это было особенно пугающим в полумраке того подземелья, где читал книгу; здесь лишь тусклый огонёк свечи удерживал тьму. Лёха с мелкой дрожью невольно бросал взгляды на затенённые углы, будто ожидая, что оттуда волной исторгнутся те самые монстры, о которых только что прочитал. Он даже впервые искреннее перекрестился. «И ведь это значит, что безопасных мест нет, — чем больше юноша обретал знаний о нечисти, тем больше возрастала тревога, которая не притуплялась и при свете дня. — В монастыре твари тоже могут достать. И мне в любом случае придётся с ними сталкиваться! Я ж ведь могу разделить судьбу Бельчонка и Глеба. Это совсем не игра. Блин, зря, наверное, подписался на такую фигню...»

Пораженческие настроения несколько рассеялись, когда дело дошло до боевых тренировок. Первая из них проходила на поляне недалеко от монастыря. Подгоняемый нетерпением, Лёха шёл впереди команды борцов, а потому прежде других достиг полянки. Борцы, наоборот, задержались, затеяв спор о чём-то.

Не в силах без движения дожидаться их прихода, Лёха запрыгал как боксёр, с сопением молотя кулаками по воздуху и совершая уклоны «маятником» от незримых атак нечисти. «Всё равно размяться надо, — юноша поднырнул под лапу воображаемого волколака, и всадил сокрушающий апперкот по зубастой челюсти». Только Лёха собирался мощным хуком уничтожить очередного лешего, как вдруг замер, услышав пение.

Тонкий девичий голос будто обволакивал поляну мягкими переливами.

— Ирина?.. — прошептал Лёха. — Не... Не похоже на церковное пение. Да и не слышал я ранее, чтоб она...

К тому же слова приглушённо доносились с противоположной стороны поляны. Зачарованный щемяще сладким мотивом песни, юноша сам не заметил, как ноги несут его туда, откуда звучит голос. Вот Лёха подступает к краю поляны, а вот уже крадётся по роще, затаив дыхание, чтобы ни один лишний звук не нарушал прекрасного пения. Удивительное дело, вроде бы певица всё ближе, но слух не разбирает её слова чётче, они всё ещё словно обрывочно просачивались сквозь стену. Лёха дополз до берега озерца, и спрятался за пышной порослью.

Из укрытия юноша разглядел девушку, что стояла в воде почти по пояс. Влажная рубаша прильнула к её бледноватой коже, — отражающей солнечный свет как снег — так что можно было в полной мере восхититься изящными изгибами бёдер и стройной талией. Незнакомка чуть поглаживала чёрные как безлунная ночь волосы, которые ниспадали почти до поясницы. Природа вокруг будто входила в неспешный ритм с дивным пением: ветер не решался тревожить зеркальную гладь воды и шуршать листвой; даже самые непоседливые и крикливые птицы затихли и только изредка встряхивали крылья.

Но девушка вдруг сама смолкла, а через несколько мгновений обернулась и посмотрела туда, где затаился Лёха. Её стан оказался не менее прекрасным, чем вид со спины: сквозь полупрозрачную ткань виднелись очертания соразмерной груди и соски. Юное лицо с гармоничным сочетанием черт и зелёные глаза, блестящие подобно изумрудам... Вдобавок взирающие прямоком на Лёху.

Осознав, что его раскрыли, юноша встрепенулся и отпрянул. Однако сделал это столь неловко, что перекатился через голову, хрустя ветками как пьяный медведь. Поднявшись, Лёха ожидал услышать испуганный девичий вопль или ругательства. Но бросив смущённый взгляд к озерцу, юноша увидел, как девица усмехается и отнюдь не пробует прикрыться. Наоборот, Лёха уверился, что в её лукавой улыбке и чуть сощуренных глазах читается приглашение. Юноша скованно ступил к берегу. Девушка шаловливо повела пальцем по озёрной глади, как бы подбадривая парня.

Нога погрузилась в воду, однако он почему-то не чувствовал того неприятного холода, что непременно бывает, когда заливает башмаки. Лёха зашёл по колено и где-то на периферии разума промелькнула мысль: происходящее как-то неестественно, будто похоже на сон. Заметив колебания парня, девушка негромко рассмеялась, а затем игриво обрызгала его. Это простое действие не позволило подозрениям укорениться, их словно унесло быстрым речным потоком и потянуло ко дну водоворотом как обессиленного человека, не умеющего плавать.

— Холодно, — томно прошептала девица, — согрей меня.

Она вынула из его растрёпанных волос веточку с листом, которая застряла там после неуклюжего переката, а потом положила ладони на Лёхины плечи, а его пальцы коснулись стройной талии. Такой обжигающе холодной — слишком холодной даже для мокрой одежды.

— Вот так русалка приманивает к себе, и топит беспечных молодцев, — озорство девушки сменилось серьёзным выражением.

Не успел Лёха опомниться, как черты её лица чудовищно исказились, а глаза почернели. Девушка с шипением раскрыла рот, показав ряд треугольных, как у пираньи, зубов.

От испуга Лёха плюхнулся спиной в воду. Вынырнув, он панически заспешил к берегу, то и дело спотыкаясь и окунаясь лицом. Добравшись до суши, парень на четвереньках засеменил в сторону поляны, но вдруг врезался в чьи-то ноги. Подняв взор, он узрел Олега. Позади него стояли Ирина и Евдокия.

— Слава Богу! — выкрикнул Лёха и повернулся к озеру. — Тут монстр!

Только сейчас юноша обнаружил, что русалка не преследует его, а только заливисто смеётся. Её лицо вновь приняло человеческий облик.

— Ну, теперь мы тебе зададим, — пробубнил Лёха, поднимаясь, — борцы, приготовьтесь!

— Ну-ну, распушил перья, мокрый петух! — хохотнула Евдокия.

— Чё? — бросив взгляд через плечо, Лёха обнаружил, что в отличии от него борцы не спешат принимать боевые стойки. — Чё вы?..

— Целыми днями за книжками сидишь, а про русалок не узнал, — проворчал Олег, уходя к поляне.

— Вот посему борцам и надобно взращивать в себе христианские добродетели — чтоб так бестолково не угодить в беду, — осуждающе проговорила Ирина, и последовала за Олегом. — Срам какой.

Монахиня была одета в ту самую обтягивающую форму, которую Лёха наблюдал в бою с лешим.

— Ты, кажись, помыться не успел, — протянула русалка, выходя из озера так легко и грациозно, будто вода не стесняла движений. — Рано вылез. А спинку потереть?

Взойдя на берег, девушка вытянула губы для поцелуя, но Лёха отступил — отчётливо сохранился в памяти образ чудовищной русалки.

— Звать меня Весняна, — промолвила она, шутливо поводя пальцами у носа Лёхи. — Дуняша, чего ж не сказала, что новый борец будет эким красавцем?

— Евдокия, хоть ты мне объясни, как это понимать, — обидчиво попросил Лёха, наблюдая за стройной фигурой уходящей русалки. — Вы же борцы с нечистью! Почему здесь так спокойно ходит русалка?

— Ну, не всяка нечисть для нас вражина, — пояснила Евдокия. — Токмо та вражина, кто людям вредит и козни строит. А ежели помогает, то даже соратником назваться может. Но надобно тут честно признать, что не всяк в народе или ажно в службе согласен с сим. Иные мыслят, что всякую нечисть с белого света изжить надобно. Ирина, вот, недолюбливает Весняну, скажу я тебе, хучь от русалки польза нам немалая... Да ты не горюнься так! Ну, попался, бывает. Потопали обучаться, заодно согреешься и подсохнешь. А может статься, что и моя новая игрушка в сём поможет.

Когда все собрались на поляне, Евдокия извлекла из мешка ту самую «игрушку» —

медный ручной сифон с какими-то механизмами и мехами. Штука эта смотрелась громоздкой, но могучая женщина легко вертела её в руках.

— Пряником из мастерской, — гордо провозгласила Евдокия, дёргая за рычажки. — Надобно токмо здесь щёлкнуть... тут надавить... послать силушку сюда... да как же оно... ух... называется сие мудрёно... Сифоно...

Поделиться названием Евдокия не успела — оружие опередило. Из медной трубы вырвался поток пламени. Лёха успел пригнуться, так что отделался слегка подпаленными волосами. Огненная струя полетела в Ирину, но та отпрыгнула, лихо перевернувшись прямо в воздухе. Твёрдо приземлившись на ноги, монахиня приняла свой обычный невозмутимый вид, словно и не грозил только что несчастный случай.

— ...фор, — ошарашенно закончила Евдокия. — Ой... простите...

— Не сожги лес, — устало вздохнул Олег под смех Весняны, раскачивающейся на ветке у края поляны.

Видно, повторять это ему приходилось нередко.

Тренировка, однако, началась не с отработки рукопашных приёмов или магии, а со стрельбы из мушкетов и длинноствольных пистолетов с колесцовыми замками. Сперва Лёха сильно увлёкся старыми огнестрелами, но потом испытал расстройство. Точность и дальность оружия оставляла желать лучшего, к тому же после каждого выстрела приходилось долго возиться с перезарядкой. «Короче, неудивительно, что когда я драпал из посада, то по мне бахнули только разок, — думал Лёха, засыпая порох в ствол. — Попробуй попади из такого». Большую часть времени занимала не столько тренировка точности, сколько отработка скорости перезарядки и утомительная постановка стрелковых позиций по команде Олега. Ирина умудрялась палить прямо в головокружительных прыжках или с перекатов.

«Вот отстой, — Лёха проталкивал шомпол в ствол. — Сейчас бы сюда нормальную пушку, дробовик там или “калаш”. Никакой магии тогда не нужно, любую нечисть можно пострелять. Так, стоп... Я же ведь опережаю местных лет на четыреста с лишним, а значит, могу донести до них что-то из современных технологий. Блин, я могу рассказать им про автоматическое оружие, взрывчатку и всё такое! Устроить настоящий технологический прорыв. И создать какую-нибудь вундервафлю, что переломит ход истории!»

Воображение Лёхи рисовало картины, в которых он разворачивает перед изумлёнными государем и боярами обширные свитки с детальными чертежами боевых механизмов. Юноша видел, как царь делает его вторым лицом в государстве — конечное же, завалив роскошью — и назначает главным по строительству секретных оружейных мастерских. А вот Лёха прохаживается мимо стройного ряда стрельцов, прижимающих к себе автоматы Калашникова... или, вернее, автоматы Лёшникова! В следующей сцене юноша гнал верхом уже на танке, стреляющем по разбегающимся в ужасе врагам, а над головой небо пересекали баллистические ракеты...

Хотя пока над головой пролетел только подзатыльник Олега.

— Шомпол погнёшь! — крикнул мужик. — Не пихай его как разгорячённый пёс!

«Да-а, и впрямь разбежался, — спустился Лёха с небес на землю. — Чего я им расскажу и передам, если сам даже приблизительно не знаю принцип работы всяких механизмов? Только на смех поднимут. А если бы даже оказался я настоящим конструктором, то просто знаний мало, чтоб в производство пустить линейку оружия. Для этого надо ещё целую современную инфраструктуру создавать, для чего, в свою очередь, нужен обширный круг

специалистов, а не один только хитрожопый гений. Едва ли у государства, только недавно вылезшего из Средневековья, найдутся на это ресурсы. Но, допустим, создал бы я современное оружие, окей. Как долго оно продержится только в руках моих соратников? Кто-нибудь за золотишко и другие ништяки продаст на сторону кучу пушек или принцип их работы. Рано или поздно вундервафля распространится за пределы одной страны, и тогда первоначальное преимущество нивелируется. Или смута однажды случится, так что братья будут убивать друг друга из этого оружия... В общем, надо не фантазировать, а работать с тем, что есть».

Лёха выставил мушкет в стрелковую позицию, и сосредоточился на мишени...

На каждом занятии так или иначе учились пользоваться магической силой. Следуя указаниям Олега, Лёха фокусировался на своём внутреннем состоянии, то учащал дыхание, то наоборот замедлял вплоть до сильных задержек.

— Не буде ведь всякий раз себя до гнева доводить, чтоб силу призвать, — наставлял Олег. — Надобно, чтоб она не по случаю приходила, а подчиняясь твоей воле.

Лёхиной воле сила подчиняться не спешила, только спустя несколько дней тренировок удалось ненадолго осветить синим руку.

«У меня и в родном мире хватало стрессовых ситуаций, но магия не проявлялась, — размышлял юноша, пробуя повторить трюк. — Получается, дар силы раскрывается только в этом мире. Однако не совсем верно называть это магией, представляя, как нечто сверхъестественное. Я призываю силу определённым настроением и волевыми манипуляциями, то есть мозг отдаёт телу команды, регулируя физические процессы. Именно на физическое состояние отзывается магия. Значит, её природа тоже материальна и действует по строгим законам».

Впрочем, у других на этот счёт имелись иные взгляды.

— Добродетели! — убеждённо заявила Ирина. — Именно добродетели дают силу. Посему их надобно воспитывать в себе. Смирение, бескорыстие, честность, целомудрие...

Она пустилась в длинный перечень, уже в начале которого Лёха заскучал, понимая, что если сила и впрямь зависит от этих качеств, то ему нескольких жизней не хватит, чтобы достичь вершин магического мастерства. «Если бы я мог открыть менюшку персонажа со всеми параметрами добродетели, — усмехнулся юноша, вполуха слушая неутихающую монахиню, — то многое у меня было бы на единичках и нулях, а то и вообще в минусе».

— Сестра, я вроде как слышал, как Дуня однажды назвала тебя Дарьей, — вдруг перебил Лёха. — Это почему?

— А?.. — Ирина смутилась. — Ах, да... Так меня родители нарекли при рождении. Моё мирское имя. Но ты меня так не называй. И Евдокию я уж сколько раз увещевала не произносить сие имя.

— Значит, только по церковному обращаться. Ла-адно. Слушай, а ведь то новое имя, ну, которое с принятием обета даётся, оно ведь в честь кого-то, да? Святого там...

— Истинно так. Имя моё в память о святой византийской императрице, коей я должна подражать.

— Ирина, которая императрица, — задумался Лёха, который отнюдь не был знатоком по истории Царьграда, но что-то когда-то слышал. — Я дико извиняюсь, если вдруг ошибусь, но это, случаем, не та императрица, что в борьбе за власть сына ослепила? А то если так, то подражание, хе-хе, получится таким себе. Мне даже немного страшно.

Хоть говорил он осторожным и невинным тоном, Ирина вздёрнула подбородок и

раздражённо сощурилась.

— Может, и ослепила! — вырвалось у монахини, хотя она быстро совладала с собой и опять приняла бесстрастный вид. — Но зато опосля дерево в честь сына посадила, и денно и ночью поливала его покаянными слезами. И в житии святой Ирины было много добродетельных подвигов. О сём помнить надобно, а не сказывать про...

Девушка отвернулась и ушла, громко щёлкая пистолетом.

— Тебя ежели не ослепит, то язык отрежет, — не без улыбки сказал Олег, слышавший обрывки разговора. — Хотя эт больше по части Весняны.

Магическим даром, как узнал Лёха, обладают очень немногие счастливчики. И чаще всего сила проявлялось среди благородных людей, например, тех же бояр. В любом знатном роде обязательно был хоть один человек, обладающий даром.

Постепенно овладение магией давалось Лёхе всё лучше, он уже мог контролируемо придавать своей силе различные формы, будь то сотканые из синего света короткий клинок или подобие щита, только пока не удавалось долго поддерживать их. Потому юноша с завистью смотрел на то, с какой лёгкостью Олег или Евдокия воспламеняют предметы непродолжительным прикосновением; на то, как Ирина рассекает чучела магическим светом или укрепляет тело, если требуется нанести удар. Одна только Весняна не показывала своих возможностей, да и вообще не всегда присутствовала на тренировках. «Нечисть помогает борцам с нечистью, — не переставал удивляться про себя Лёха, впрочем, не осуждая такой расклад. — Интересно, русалку они тоже креститься заставили?»

Бывало, не просто отрабатывали удары, а устраивали между собой тренировочные бои в игровой манере, когда надо только перехитрить соперника, взломав его защиту без нанесения удара. Все неизменно легко «побеждали» Лёху, тогда как он сам не мог попасть даже по Евдокии. Вскоре выяснилось, что в той ночной стычке за пределами монастыря Олег поддавался, позволяя противнику атаковать.

— У меня ж тогда не было поручения порубать тебя на куски, — ворчал мужик, подавая руку Лёхе, в сотый раз сбитому на землю. — Токмо пробудить в тебе магию и позволить ей выплеснуться.

На каждой тренировке с Лёхи сходило семь потов — так сильно гонял его лидер команды.

— Чай не хочешь закончить, как Глеб и Бельчонок, упокой Господь их души, — говорил Олег после громких требований к измождённому юноше двигаться резче и бить твёрже. — Не хочешь? Так работай!

В тренировочных перерывах юноша с большим интересом внимал байкам о столкновениях с нечистью. Особо словоохотливой по этой части оказалась Евдокия, по десять раз болтающая об одном и том же: как молотом разнесла на куски череп баламутеня, как сожгла жердя или кикомору болотную. Иногда, правда, Олег или Ирина поправляли женщину, уточняя, что чудище было не таким огромным и грозным, как рисуется на словах. Хоть Лёха прежде был свидетелем боя с нечистью, видел проявления магии и призывал её, однако до конца ему всё не верилось, что скоро он сам сможет рассказывать подобные истории. Не верилось и когда под конец лета вместо тренировки Олег объявил, что помощи борцов ждут в слободе неподалёку.

— По всему видно, что дело там серьёзное, — сказал он. — В ночное время мертвяки бродят окрест, а ещё говаривают, дескать, в сумерках на дорогах видели жуткие тени всадников. Несколько жителей изуверски убиты, их тела обезображены. Чуть позже

расскажу больше, а пока устраивайте сборы, ибо уже завтра буде выходить.

Глава 7 — Разорённое кладбище

Впервые за прошедшие месяцы Лёха выбрался за пределы монастырских владений. Моросил дождь.

— Смотри, чтоб порох не намок, — наказал Олег, когда повозка с борцами тронулась в путь. — И вот ещё что уразумей: взяли мы тебя с собой не потому, что ты готов с нечистью биться. Как по мне, плохо готов. Посему на рожон не лезь, держись позади — спину нам прикрывай. Взяли тебя, чтоб смотрел и учился — вот главное для тебя в сем походе. Уразумел?

— Уразумел, — кивнул Лёха. — Уж в этом меня убеждать не надо: геройствовать не собираюсь.

Только Весняны не было в повозке. Как сказала Евдокия, русалка может нарядиться по-человечески и ехать со всеми, но есть у неё свои пути к нужному месту, и движется она немногим медленнее конника.

— Евдокия...

— Можешь Дуняхой или Дуней звать, ежели хочется.

— Э-э, хорошо, учту. В общем, ты ранее говорила, что нечисть осатанела в последнее время и будто бы раньше так себя не вела. Из-за чего она так осмелела?

— Потому что живём в последние времена и близко Второе пришествие, — сказала Ирина.

— Ум-м, и сие тоже... Но ежели о приземлённых поводах сказывать, то живём во времена тяжёлой порухи. Войны опустошили царство. Люд забросил многие земли. А где пустошь и страдания, там и злобная нечисть.

Таким образом, через наводящие вопросы о местных делах, Лёха как бы невзначай узнал, что рядом с Белым озером — тем самым озером, рядом с которым случился переход из одного мира в другой — всё же имеется церковь. Вернее, не та большая церковь, которую юноша с друзьями застали заброшенной, а всего-навсего скромная деревянная часовня.

— Как дотошно любопытствуешь об этом крае, — подметила Евдокия. — Вспомнил чаго из забытого?

— Да нет, просто места эти кажутся знакомыми. Ну, вот, думаю, что если больше о них узнаю, то и память вернётся.

«Боже мой, они же ведь, скорее всего, ни единому моему слову о потере памяти не верят, — посчитал Лёха. — По глазам и лицам вижу... Что до часовни, то необходимо там побывать, осмотреться. Наверняка именно там однажды появится тот самый храм, которому в моём мире суждено быть заброшенным».

К сожалению для юноши, путь команды пролегал в стороне от упомянутой часовни. Однако помимо часовни Лёху интересовали другие детали, которые могли создать переход между мерами. Хоть та же старая иконка. «Вроде бы на ней три фигурки?» Взяв это на заметку, юноша расспросил Ирину о том, какие иконы бывают. Монахиня с готовностью и подробно отвечала. Лёха услышал о нескольких подходящих вариантах: «Святая Троица», когда к патриарху Аврааму явились странники; «Преображение Господне» — Христос с Илией и Моисеем на горе; Христос между «Апостолами Петром и Павлом», и другие менее известные библейские сюжеты. «Ох, до чего же непросто отыскать нужную, — вздыхал пришелец».

Наконец приехали в слободу. В поселении борцов принял у себя местный глава.

— Ну, рассказывай подробнее, что за напасть у вас, — ободряюще сказал Олег.

— Ох, Господи помилуй! — глава перекрестился. — Началась беда две седмицы назад.

Сперва чудаковатые одиночки появлялись на дорогах с приходом темноты. Никто из случайных свидетелей, коих поздний час застал в пути, во мраке не сумел полно разглядеть облик сих людей.

— А что в одиночках было чудаковатого? — осведомилась Евдокия.

— Вроде как оборванцы, смердит от них и клочки тряпья видны во тьме. Порой чуть в стороне от дороги топтались. Ежели к ним обращались, то в ответ одиночки молчали и стояли себе на месте. Так было первое время. Миновала пара-тройка дней и сии безумцы заладили нападать на ночных странников. Притом нападать не с оружием, а царапаясь и кусаясь. Израненные путешественники заговорили о появлении ночных всадников. С тех пор многие, кто задерживался на дорогах после полуночи — пропадали. Поначалу решили мы, что лихие люди промышляют. Охотников с собаками посылали днём прочесать местность, но собаки чуть сойдя с дороги сразу поджимали хвосты, начинали выть не своим голосом, и наотрез отказывались идти дальше, так что никакая брань или побои не помогали. Отрядили стрельцов, чтобы те ночную засаду устроили на разбойников. Да вот уж четвёртый день пошёл, как пропали стрельцы! Все разом! Никаких вестей. Ушли и как сквозь землю провалились. Ой, беда... Да, на кладбище у дороги страшные дела творятся. Могилы ночью кто-то раскапывает. Мы бы стражу там поставили, но кто ныне осмелится в потьмах сторожить рядом с дорогой?.. Ой, беда.

— Ясно, — промолвил Олег. — Вот что. Принеси-ка мне из церкви список людей, захороненных на том кладбище. Понял? Да побыстрее.

Глава побежал исполнять поручение, оставив команду дожидаться в доме.

— Ну, Алёшка, давай проверим твои познания, — сказал Олег. — Какие догадки есть по услышанному?

— Нападения совершаются ночью, — неуверенно начала Лёха, припоминая прочитанное в бестиариях, — при этом на кладбище разрыты могилы. Похоже на нежить. Она свет не любит и в дневное время малоподвижна. Те самые оборванцы могут оказаться восставшими мертвяками с кладбища.

— Верно, — кивнул Олег. — А почему им в могилах не лежитя?

— Разные причины возможны, — почувствовав уверенность, Лёха заговорил тоном академика, читающего лекцию. — Первое — колдун или ведьма. Кто-то чёрной магией поднимает мертвецов. Второе — тела людей, чьи души при жизни были отягощены неисполненным долгом или ещё каким важным незавершённым делом. Третье — тела людей, отличившихся особо злобными делами. Судя по тому, что глава твердит о каком-то всаднике, наиболее вероятной мне видится версия с колдуном. Тем более стрельцы наверняка справились бы с простыми мертвяками.

— В нашем опыте борьбы с нежитью бывало так, что первое, второе и третье сходилось в одном случае, — заметила Ирина.

Объявился глава со списком, и передал его Олегу. Под неутихающие жалобы главы он не менее получаса с задумчивым видом изучал написанное.

— Ладно, — Олег вернул документ. — Мы пойдём на разведку. Но избавления сей ночью не жди, глава. Нельзя очертя голову бросаться в бой, ежели не ведаешь, с кем дело имеешь. Посему возвратимся ближе к полуночи. По разные стороны дороги устроены

разъезды, чтоб людей ночью не пускать?

— Уже три дня так живём.

— Хорошо. Ну, тогда мы потопали на кладбище.

Когда команда вышла на улицу, Лёха, охваченный лёгким мандражом, задал интересовавший всех вопрос:

— Чего в списке увидел?

— Во многом обычный список, мало чем отличающийся от прочих, — сказал Олег. — По большей части на кладбище похоронены местные люди. Заурядные люди, что при жизни занимались заурядным же трудом. Токмо пять имён показались мне прелюбопытными. Вернее, не сами имена, а то, чем их носители занимались при жизни, и ещё время похорон. Были они не кем иными, как людьми государя, а захоронены в один день.

От Лёхи не укрылось, что при этом известии лица борцов помрачнели.

— От Крымского похода али московского пожара погибли? — нарушила затянувшееся молчания Ирина.

— Нет, головы сложили сильно позже, — ответил Олег.

— Казнены, стало быть, — прошептала Евдокия. — Ой, Господи...

Лёха недоумевал, с чем связан общий упадок настроения; догадывался только, что речь идёт о далеко не самых приятных событиях в истории царства. Хотелось расспросить борцов, но юноша решил повременить, видя, что сейчас они не особо расположены болтать об этом. «Поход. Пожар, — ломал голову Лёха. — Что за поход, о чём разговор? Эх, мне бы хоть на школьном уровне припомнить историю!».

Добрались до кладбища. Его деревянная ограда местами оказалась сбита, уже издалека там и сям была заметна разворошённая земля и обломки могильных колод. Разглядывая неравномерные земляные кучи, Лёха понял, что некто копал землю не лопатой. Скорее так себе роют норы дикие звери. Юноша держался чуть позади борцов, словно опасаясь, что прямо сейчас из ещё нетронутых могил повывлезают зомби.

А между тем некто притаился в зарослях неподалёку и, хрипло сопя, наблюдал за людьми, что осмелились сунуться на проклятое кладбище.

— Гляньте, следы копыт, — отметила Евдокия.

— Получается, бродили здесь те самые всадники, — отозвался Олег.

Некто покинул укрытие и неслышно пополз на кладбище, хищным взглядом высматривая самую слабую жертву. На её роль монстр избрал юнца, что с переменным успехом старался совладать с дрожью.

Олег прохаживался между могил, в которых были захоронены те самые государевы люди. Все пять колод, где некогда покоились тела, пустовали.

Никем незамеченное чудовище проползло мимо ограды, подобралось вплотную к юноше, и потянулось к его тонкой шее скрюченными пальцами...

— Бу!

— А-а!! — Лёха от испуга чуть не свалился в разорённую могилу.

Рядом хихикала Весняна.

— Зачем так делать?! — воскликнул обиженный Лёха.

— Брось смеяться у могил, окаянная! — потребовала Ирина.

— Так могилы всё равно пустые, не разбужу никого, — отшутилась Весняна, но хихикать прекратила.

— Вот тебе урок, Алёша, — сказал Олег, сдерживая улыбку. — По сторонам не забывай

поглядывать хучь одним глазком. Тем более русалка шебуршала как сердитый ёж.

Олег коротко пересказал Весняне жалобы главы.

— Походи ещё тут по округе, мож чаго увидишь, — повелел Олег. — Но зри в оба. Враг грозен.

— А чего ей опасаться? — заговорил Лёха, отойдя от испуга. — Ну, смотрите, Весняна же, э-э... как бы это сказать помягче... сама из этих как бы. Может, договоришься с ними, если встретишь?

Русалка уставилась на Лёху со снисходительно усталым выражением лица, за которым угадывался едва сдерживаемый возглас: «да что ты такое несёшь?!»

— Ты ведь человек? — холодно поинтересовалась Весняна.

— Э-э, конечно, да. А что, не похож?

— Если ты человек, то можешь вольно гулять по любым людским владениям, заходить куда вздумается, и всюду среди рода людского встречать добрый приём? Особливо ежели твои соратники желают убить того, к кому заглянул.

— Ах, да, понял, — смущённо улыбнулся Лёха, почёсывая затылок, — всё, как обычно, сложнее.

— Заглянем в лес, — когда Весняна ушла, Олег посмотрел на показавшееся из-за туч вечернее солнце. — До темноты ещё далеко. Успеем воротиться в слободу до полуночи.

Учитывая, что недавно прошёл дождь, блуждание по лесу оказалось занятием не из приятных. Из-за влажного подлеска Лёхины ноги промокли до колен, так что он мечтал поскорее закончить прогулку и перебраться в избу, где можно растянуться сохнуть на тёплой печке. К тому же никаких следов борцы не находили.

«Крымский поход... — думал парень, периодически посматривая через плечо, чтобы в очередной раз не попасться на розыгрыши Весняны. — Московский пожар... Государевы люди... Не, сам не разберусь».

Только Лёха хотел задать вопрос, как врезался в спину резко остановившегося Олега.

— Всем замереть, — бросил мужик. — Не шуршать.

Борцы вслушивались в лесную тишь. Слух не улавливал иных звуков, кроме стука капель, падающих на листья.

— Зверь лесной? — шепнула Евдокия?

— Не-е-т, — в тон ей протянул Олег. — Человеческие шаги... Идущий будто под хмелем.

Вскоре все услышали шелест листьев и такое шуршание, словно кто-то волочил ноги. Меж древесных стволов показались человеческие фигуры. Только жизнь в них была нечеловеческая. За обнажёнными рёбрами не бились сердца; в глазницах либо белели мутные глаза, либо чернела пустота; на костлявых плечах обрывками болталась обветшалая одежда. Оказалось, что зомби подступали к группе с разных сторон. Олег взялся за топор, а Евдокия достала кувалду.

— Как так? — севшим голосом выдавил Лёха. — Мертвяки же день не любят! Должны попрыгаться и всё такое.

— Не любят, должны попрыгаться... «и всё такое», — Ирина приняла боевую стойку. — Ежели токмо тёмной силы не набрались. Но времени миновало всего ничего. Восставшие правда не должны так скоро окрепнуть, чтоб под солнцем блуждают.

— Если только колдун не вольёт в мертвецов много силы, — Евдокия указала на одного зомби. — Олег, глянь.

Но Олег и сам заметил, что некоторые мертвецы были одеты в стрелецкие кафтаны.

— А вот и пропащие, — спокойно сказала Ирина.

Собранный и невозмутимый вид борцов ободрил Лёху. Он широко расставил ноги и растопырил пальцы, призывая магическую силу.

Зомби, как и полагается мертвякам, передвигались заторможено, но отнюдь не вяло. Довольно быстро они приблизились на расстояние удара. Первым его нанесла Евдокия: кувалда так лихо врезалась в череп, что он слетела с шеи. Отдача бросила обезглавленное тело на землю, и больше оно не шевелилось. Олег с рыком располовинил зомби от плеча до пояса. Подпрыгнув, Ирина ударом ноги с разворота переломила шею восставшего стрельца.

В глубине души Лёха надеялся, что борцы так быстро перебьют всех зомби, что ему не придётся вступать в бой. Однако хоть соратники с лёгкостью крошили мертвяков, всё же один подобрался близко к юноше. Он бросил взгляд направо, ожидая, что монахиня разберётся вместо него. Но та вступила в схватку с парой зомби и оказалась ещё дальше, чем ранее. Осознав, что грязной работы не избежать, Лёха сосредоточился на правой руке, и ощутил в ней уже ставшее привычным течение силы. Синий свет сорвался с пальцев, складываясь в прозрачный короткий клинок.

Лёха собирался рассечь зомби подобно Олегу, но в момент удара рука дрогнула, ибо разум всё ещё отказывался принимать, что нападает ходячий труп, а не живой человек, и казалось невыносимым, что можно вот так жестоко рубануть по двигающемуся телу. Потому юноша вместо смертельного удара только срезал небольшую часть черепа мертвяка. Это его даже не пошатнуло, и зомби продолжил наступление как ни в чём не бывало. Лёха запаниковал и, пятясь, беспорядочно замахал перед собой магическим клинком. Упали на землю отсечённые пальцы, кисть, шмат гнилой плоти с плеча, затем кусок черепа. Но мертвяк настойчиво пёр вперёд, тесня парня. Пока он не упёрся в широкую спину Евдокии.

— Не дури!

Женщина коротким движением подтолкнула Лёху, однако этого хватило, чтобы он полетел прямо в объятия зомби, раскрывшего рот с обломками чёрных зубов. Тут уж отчаявшийся юноша рубанул от души. Зомби распался на две части, так что Лёху с головы до ног обрызгало чёрной кровью и вонючими потрохами.

Несколько мгновений он стоял без движений, потрясённо разглядывая изрубленное тело под ногами.

— Да... — Прошептал Лёха. И уже громче: — Да-а-а... Да!.. Ха-ха-ха!..

Его охватила эйфория. С истеричным смехом юноша набросился на других мертвяков. Одному Лёха съел голову; второму подрубил колени, и раздавил голову пяткой; третьему поломал кости световым магическим щитом. Парень рубил с боевым ражем, чувствуя себя святым паладином, на счету которого уже тысячи зомби. Куражась, Лёха атаковал витиеватыми движениями, словно боец из фильма про ушу, хотя все эти кинематографические развороты и прыжки не несли в себе практического смысла. Когда пал последний зомби, разгорячённый юноша даже испытал разочарование.

— Как мы их, а!? — он молодецки взмахнул магическим клинком.

Однако борцы не разделяли триумфа.

— Мертвяки одновременно зашли со всех сторон, — предостерегающим тоном сказал Олег. — Сами они так собранно не смогли бы. Их направляет чья-то воля. Нас ждали. Засада.

— Чё?.. — Лёха завертелся на месте, оглядываясь.

Его взор приковал к себе всадник, объявившийся в полусотне метров от группы. Он восседал на коне, а лицо скрывал в тени капюшона, только длинная чёрная борода видна.

— Нет нашей вины перед государем, — демоническим эхом зазвучал бесстрастный голос, доносившийся будто из преисподней. — Нет за нами бесчестия. Делом докажем государю, что и поныне верны ему. И ради него вражью кровь прольём.

Опускались сумерки, переплетённые кроны деревьев отбрасывали на землю тени, сгущая полумрак. Но Лёха получше разглядел всадника, и тогда молнией ударило шокирующее озарение. Юноша понял, кто перед ним.

Война, пожар, казни... Во время похода крымского хана на Москву государевы люди плохо показали себя в бою. Потому после опустошающей войны Иван Грозный упразднил их сообщество. Сообщество, одно только название которого оставило в народной памяти ужасающий образ.

Сверкнули красным глаза чёрного коня, из его разлагающейся глотки вырвалось рокочущее ржание. С одной стороны седла покачивалась метла, а с другой — скалила пасть собачья голова. Бледной рукой всадник стянул капюшон, и борцы узрели истлевшее лицо.

В смерти измученные бесчестием, опричники явились с того света, стремясь кровавыми деяниями исполнить проваленный долг. Ещё четыре тёмных всадника неспешно подошли к первому, и встали ровным строем. А напротив них стояли вровень борцы с нечистью, готовясь к тяжёлой схватке.

Глава 8 — Опричники

— Дуня, жги, — сказал Олег, не сводя глаз с опричников. — Жги всё хучь вместе с лесом.

Евдокия медленно потянулась к чехлу с огнём. Но как только она начала вытаскивать оружие, всадники сорвались с места. Одни разошлись, обходя борцов с флангов, а пара опричников ринулась атаковать в лоб. Откуда-то взялись у них сабли, занесённые клинки тускло мелькнули в сумерках.

Олег отразил удар топором, но некому было заблокировать атаку второго опричника. Так бы и срубил голову с плеч Евдокии, однако опередила монахиня, подпрыгнув выше седла и выстрелив из пистолета прямо в лицо нежити. Шапка слетела с головы опричника, он отклонился назад, но с коня не слетел. Лёха едва успел прыгнуть в сторону, чтобы не оказаться под копытами. Для человека выстрел Ирины стал бы смертельным, но мёртвый всадник только встряхнул головой и, пробежав дальше, уже разворачивал коня для новой атаки.

— Гады, поймали нас там, где коням хватит простору, — выругался Олег. — Деревьев мало, кустов почти нет.

А про себя пожалел, что взял Лёху на разведку, обернувшуюся засадой.

Всадники носились вокруг борцов, выжидая удобного момента для одновременного наскока. Кроме того, показались новые мертвяки и двинулись на группу.

— Берегись! — крикнула Ирина.

Опричники устремились во вторую атаку. У Олега получилось повторно заблокировать удар, да не полностью — лезвие слегка рассекло плечо. Евдокия всё ещё возилась с рычагами сифонофора. А Лёха, который при виде опричников растерял весь боевой настрой, — это ж ведь не то, что неуклюжих зомби рубить — смог кое-как взять себя в руки. «Надо подсесть ноги лошади! — мелькнула идея среди спутанных мыслей». Так он и сделал с ближайшим всадником. Но вместо удара световым клинком только махнул ладонью по воздуху, в то время как рядом с ухом просвистела сабля опричника. Набегала ещё тройка всадников, чьи удары отразить не хватало ни времени, ни сил.

Однако Ирина и не собиралась отражать или уклоняться. Когда опричники занесли сабли, монахиня сотворила вспышку, направив свет в мёртвые глаза. Это привело нежить в короткое смятение: один всадник рванул в сторону; у второго встал на дыбы конь, отказываясь бросаться на источник волшебного света; лучше всего получилось с третьим — его скакун так взбрыкнулся, что сбросил седока. Упавший опричник поднял с земли голову — чтобы её отрубил Олег раскалённым топором.

Тем временем Лёха безуспешно пытался вызвать магический клинок, но получалось сотворить только скудное сияние.

— Что, слишком много сил потратил на слабеньких мертвяков? — язвительно спросила Ирина. — Благоразумнее надобно быть!

— Мертвяки подходят, — прохрипел Олег. — Ежели они под ногами будут мешаться, то придётся тяжко.

Опричников потеря сородника не смутила — они продолжали кружить и наверняка задумали наскок в тот момент, когда борцы отвлекутся на зомби. Один из них был уже всего в нескольких шагах от Ирины и плотоядно тянул к ней руки.

— А ну посторонись!

Евдокия выставила сифонофор и дёрнула за спусковой рычаг. Огненная струя выплеснулась прямо на ближайшего опричника. Пламя охватило нежить от копыт и до макушки всадника. Огромным факелом он понёсся в глубь леса, не разбирая дороги и сшибая мертвецов, пока не врезался в дерево. Евдокия не удовлетворилась этим и залила огнём всё внешнее пространство вокруг группы, насколько хватало дальности оружия. Вздыбилось пламя, огораживая борцов огненным кольцом.

— Всё, кончилась смесь, — Евдокия бросила сифонофор под ноги, и взялась за кувалду.

Троица опричников топталась около пожара, а вот зомби шли напрямиком в огонь, не замечая пламени, что обвивало гниющую плоть.

— Самим бы не обжечься! — Ирина всадила прямой удар ногой в грудь горящего мертвяка, отбросив его.

— Пожара быть не должно, — посчитал Олег. — Дождь недавно лил.

— При любом раскладе получили чуть времени подготовиться, — Евдокия полезла за горшками с «греческим огнём». — Уж теперича дадим достойный отпор!

Однако опричники не планировали просто наблюдать, как враг готовится ко второму раунду. Всадник достал метлу, и широко взмахнул ею раз-другой-третий. С прутьев полетела ледяная пыль, которая быстро распространилась по роще и вспучилась большими клубами. В сумерках засверкали оледеневшие дождевые капли. Холодный туман подавлял огонь, так что пламя уже не представляло угрозы для нежити.

Пока опричник колдовал с метлой, его соратники вернулись к старой тактике — окружению и наскоку. И хоть атаковали только два всадника, им теперь помогали зомби, принимая на себя большую часть внимания и ударов.

Снося головы мертвяков, Ирина бдительнее прочих следила за скакунами. Но даже она при всей своей юркости не могла всегда держать всадников в поле зрения. Тем более если оба избрали монахиню целью. От одного клинка Ирина увернулась, а второй... Второй отбил Лёха, сотворив магический щит.

— Молодчина! — крикнула Евдокия.

Перед этим она бросила в опричника горящий горшок, но промахнулась.

— Только на большее меня не хватит, — Лёха схватился за кисть — сабля разбила волшебный щит, так что отдача отозвалась в руке сильной болью.

Ирина не расщедрилась на благодарности, однако в её коротком взгляде юноша заметил что-то похожее на уважение.

После очередного наскока Евдокия и Олег получили раны — к счастью, не глубокие, но сильно кровоточащие. К тому же брали своё усталость и холод, нагнанный опричником, так что движения борцов замедлились. А вот нежить не страдала от усталости.

— Да откуда стокмо мертвяков? — выкрикнула Евдокия после того, как раздробила голову зомби. — Разорили явно поболее одного кладбища!

Улучшив момент, Ирина сотворила луч света. Он прожёт ходячего мертвеца насквозь и ударил во всадника. Опричник тоже умел колдовать и попросту отразил атаку полупрозрачным магическим щитом.

Пока соратники с трудом отбивались, всё больше уходя в глухую оборону, Лёха занял место между ними. Надеясь, что так его прикроют, юноша снял со спины мушкет, и достал пенальчики с порохом. Одна рука до сих пор не отошла после болезненной отдачи, другая дрожала от волнения; вдобавок плохо слушались пальцы, онемевшие от магического

хлада. Суетливо заряжая мушкет, Лёха рассыпал порох.

— Дерьмо, — выругался парень к тому же обнаружив, что часть пороха промокла...

Новый забег опричников. Пока один метил в монахиню, второй задумал рубануть по юноше, что лихорадочно заряжал мушкет. Но едва занёс саблю и чуть склонился в седле, как некто прыгнул на спину всадника откуда-то сверху. Худенькие ручки обвили шею опричника, и разорвали её с такой лёгкостью, словно вместо костей, связок и мышц была обветшалаая ткань. Тело всадника рухнуло около Лёхи, заставив его вздрогнуть, а следом на землю плавно приземлилась девушка.

— Ишь, спровадили меня подальше, а сами веселуху начали! — пропела Весняна.

Для другого опричника налёт тоже не закончился добром: Ирина и Олег сбили его с седла, а Евдокия довершила дело кувалдой по голове. Остался только один серьёзный враг. Он не пустился в бегство и даже не показывал страха или нерешительности. И не кинулся в самоубийственную кавалеристскую атаку по примеру павших соратников. Вместо этого последний опричник отбросил метлу, и снял с седла голову собаки. Он вытянул её вперёд, и тогда пёсьи глаза загорелись магическим огнём. Непонятно как, учитывая отсутствие тела и лёгких, но собачья голова залаяла, клацая зубами. Её пасть исторгла зелёную энергию, что потоком обрушилась на борцов.

У всех виски будто сдавило тисками, а ноги сковали незримые цепи.

— До чего крепкое колдовство! — взвизгнула Весняна. — Жизнь высасывает.

Олег сделал только шаг, на большее сил не хватило. В суставы словно иглы вонзились, так что руки с трудом слушались. У Евдокии получилось взять горшок со смесью, но не зажечь тряпицу — колдовство опричника рассеивало даже простенькую магию борцов. Свет больше не подчинялся обездвиженной Ирине, она могла лишь горячо молиться, уповая на чудо. Русалка раненым ужом отползала от группы. А вот мертвякам магия опричника никак не мешала. Они уже тянули руки к ослабленным борцам...

По слуху ударил грохот выстрела. Лёха пальнул не целясь и вообще сильном сомневаясь, что получится выстрелить после той корявой зарядки. Да и как целиться в наступившей темноте, когда всадник возвышается расплывчатым силуэтом, а тяжёлое оружие нелегко твёрдо удерживать руками, скованными болью?

Пуля угодила в опричника, не причинив ему почти никакого вреда. Однако этого хватило, чтобы всадник покачнулся, отведя собачью голову в сторону. На несколько мгновений давление тёмных чар спало с борцов. Ощувив лёгкость, Ирина бросилась к опричнику, и на пути уклонилась от ходячего мертвеца. Всадник пришёл в себя и вновь поднял руку с собачьей головой. В этот миг Ирина прыгнула на дерево рядом с конём, оттолкнулась от ствола, и всадила амплитудный хай-кик в скулу опричника. Всего секунда прошла с того момента, как он свалился на землю, а монахиня уже уселась поверх мертвеца. Серия молниеносных ударов кулаками обрушилась на лицо опричника, превращая его в кашу из гнилой плоти и костей.

С окончательной смертью проклятого воина мёртвым грузом пали конь и все зомби.

— Ай да молодчина! — Евдокия хлопнула Лёху по плечу так, что тот задёргался как болванчик. — Не зря гоняли тебя с огнестрелом. Вот и ответ тебе, на кой борцам надобно простое оружие. Может статься, что магию лучше поберечь али она бессильной оказывается. Тогда в бой идём с доброй сталью и порохом.

— Враг был страшен, но мы легко отделались, — Олег коснулся перевязанной раны на плече. — Слава Господу, что никто не погиб.

— С боевым крещением тебя, — промолвила Ирина Лёхе, на сей раз не поскупившись на милую улыбку.

И видит бог, это скромное выражение молодой монахини заставило юношу зардеться сильнее, чем похвалы Евдокии или Олега.

В монастырь возвращались иным маршрутом, чем на пути в слободу. Как раз неподалёку от Белого озера и той часовни, что интересовала Лёху. Потому когда остановились пополнить запасы в одной деревне, он свалил от группы под пустяковым предлогом, хотя Евдокия поначалу не хотела отпускать юношу.

— Ты ж до сих пор не разумеешь, что к чему! — говорила она. — Заблудишься или ещё в какую беду попадёшь. Выручай тебя опять из лап лешего или какого тиуна.

Однако, к удивлению Лёхи, от Ирины или Олега возражений не последовало.

Так что вскоре парень прогуливался по берегу Белого, с нарастающим возбуждением отмечая сходства с озером из родного мира.

— Оно это, никаких сомнений, — повторял шёпотом Лёха. — Боже, а вот здесь... да, именно здесь мы палатки ставили!

Только сейчас вместо короткой травки до самого пояса поднимались заросли.

— Так, ежели здесь палатки, то вон там роща с храмом, — Лёха усмехнулся. — «Ежели»... Начинаю говорить как они.

Пробираться через кусты и валежник не пришлось — в рощу вела узкая, но вполне удобная тропка. Следуя по ней, Лёха добрёл до искомого здания. Как и говорили ему, никаких храмов, только скромная деревянная часовня. Преодолевая нахлынувшую робость, юноша осторожно пошёл ко входу. Вокруг ни души.

Дверь со скрипом отворилась, когда Лёха потянул её на себя. Он стоял у порога, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте — прямо как однажды у разбитого порога заброшенного храма. С тех пор миновало несколько месяцев, но казалось, что прошли годы, и вообще то было в какой-то иной жизни.

Никого не было и внутри крохотного помещения, где от одной стены несколько шагов сделаешь, и упрёшься в противоположную стену. Но Лёху интересовали не размеры, убранство или стены, а то, что на них — иконы. У каждой он останавливался, в каждую всматривался.

— Помолиться заглянул?

Обернувшись, Лёха увидел в дверном проёме пожилого мужчину в зипуне.

— А?.. Я-я, да, помолиться, — закивал юноша. — А вы?..

— А я тоже молюсь и присматриваю за местом, — приветливо ответил мужчина. — Извиняй, ежели отвлék.

— Да ничего. Я уже закончил, в общем-то.

— Ладно. Не стесняйся, заходи ещё. Храни тебя Бог!

Ступая обратно по тропе Лёха с тоской подвёл итог: «судя по всему, нет там похожей иконки. Ни по образу, ни по размеру... Неужели я в этом мире безвозвратно? И больше никогда не увижу родных и старых друзей? Больше никогда не испытаю всех тех радостей привычной цивилизации?»

Был Лёха так погружён в горестные размышления, что не заметил слезки. Впрочем, он не заметил бы её даже будучи предельно внимательным, ибо из-за деревьев за ним пристально наблюдала мастерица скрытности: русалка Весняна.

Потекло дальше размеренное и ставшее привычным житие в монастыре, состоящее из череды тренировок и служб. Этот уклад постепенно размывал тоску по дому; всё реже вспоминались «цивилизованная» жизнь, друзья и мама. С каждым днём пришелец впитывал здешние порядки и манеры, иногда подумывая, что однажды это выветрит без следа того старого Лёху. «Если попаду-таки домой, то буду уже там смотреться чужаковато, — фантазировал юноша. — В странной одежде, со странным поведением и говором, так что в дурку упекут».

Притёрся Лёха к борцам с нечистью: спокойно воспринимал по-отечески суровые замечания Олега и даже редкие поучительные тумачи больше не казались дикостью; посмеивался над шутками Евдокии и малость подыгрывал озорным выходкам Весняны; с должным уважением относился к наставлениям Ирины, хотя не упускал случая как бы нечаянно поддеть монахиню каверзным словом, чтобы потом не без симпатии наблюдать за проблесками раздражения в блаженных голубых глазах. При этом юноша всё ещё показывал себя беспамятным. Впрочем, то было взаимным: если кого из борцов спросить об их прошлом, то ответ дают с неохотой, сразу сводя разговор на нет.

Со дня боя против опричников прохлаждались в монастыре недолго. Ранней осенью, когда листья только окрашивались позолотой, Олег созвал всех, чтобы рассказать о новом задании.

— Работёнка предстоит иная, нежели многое из того, что делали ранее, — начал Олег. — Отправиться надобно в Нижегородский уезд. Есть там поместное владение боярина Воротинского Михаила Андреевича.

— Знакомое имя, — сказал Лёха, каждый день изучающий устройство страны. — Важный человек — из приближённых государя.

— Правильно. Токмо важно для нас не это, а тамошнее поселение — Залесное, что недалече от Волги, хучь и не вблизи большой торговой дороги. Дурные дела там творятся...

— А я понадеялась было, шо хоть разок нас позовут из-за праздных дел, — усмехнулась Евдокия.

— Во-первых, в тамошней округе часто разная нечисть показывается. Стрельцы или городовые казаки справляются с ней. Вроде всё затихает, да вскоре нечисть опять объявляется. Что само по себе весьма чудно. Нечисть ведь не вся глупая; ежели её задавишь, так она уходит в другое место, где можно безнаказанно охотиться. У Залесного не так. Сколько там, согласно донесениям, чудовищ не бьют из года в год, а всё равно они вылезают.

Во-вторых, немало людей пропадает...

— Так немудрено, раз нечисть свирепствует, — сказала Ирина.

— Вроде как да, но исчезают они по иным причинам. Кто-то утонул или заблудился в лесу и пропал. Заурядно, вроде как, такое всюду происходит. Однако в Залесном чаще, нежели где-то ещё.

— Что странно сие, оно, конечно, так, — Евдокия дёрнула свою толстую косу. — Однако зачем нас позвали, раз местные всё же нечисть усмиряют, хучь и на время? Мы то что делать там должны?

— Нас никто не звал, — ответил Олег. — Более того, любые предложения о помощи

отвергнуты. Наказ посетить Залесное дан от самого Высокопреподобия Назария. И сделать это мы должны притворно, под чужими личинами.

— Стало быть, есть подозрения, что в Залесном нечисть прячется среди людей. — поняла Ирина. — Так ведь?

— Это нам и предстоит выяснить. Что ещё по Залесному... Само собой, есть там церковь. Но мы не будем раскрывать себя как борцы перед её настоятелем.

— Вот так уровень секретности, — присвистнул Лёха.

Для него эта была всего вторая операция, но по рассказам о предыдущих заданиях борцов пришелец знал, что они нередко сотрудничали с поместными церквями. И если уж не напрямую, то косвенно. Перед тем же походом, закончившимся боем с восставшими опричниками, Олег просматривал список о захороненных на кладбище, взятый у настоятеля прихода.

— Церковь Залесного интересна тем, что есть там мощи святого Амвросия, — продолжал Олег. — Пару лет назад в Нижегородском уезде разошлась хворь, с которой лекари плохо справлялись. Так поговаривали, что мощи избавляют от этой болезни. Ну, со всего уезда за чудесным исцелением в Залесное стекался люд. И нынче туда паломники ходят. Всё бы ничего в сей истории, да вот токмо... Был и святой Амвросий, и мощи остались, но по церковным документам нигде не значится, что хоть часть их попала в церковь Залесного. Вроде есть чудодейственная сила, да её подлинный источник неизвестен, и будто тамошний настоятель самовольно приписал его Амвросию. Надобно сие проверить на месте. Так, что ещё... В глуши Залесного есть холмы, а в них пещеры, где старцы в полном отречении от мира молятся Богу. Опять же, что любопытно, от нечисти они вроде как не страдают.

— Стороной обходит святых людей, — решила Ирина.

— Может оно и так, но при любом раскладе самостоятельно проверить не помешает, — сказал Олег. — Посему и в пещеры заглянем.

Отправляясь в Залесное, отряд борцов разделился. Весняна, как обычно, пошла своими неведомыми путями. По задумке русалка не должна заходить в поселение, а только разведать территории вокруг него. Ирина и Евдокия прикидывались дочерью и матерью, которые совершали паломничество к так называемым мощам Амвросия, чтобы помолиться за здоровье безнадежно заболевшего главы крестьянского семейства.

— Ирина, это получается, что ты лицедействовать будешь? — не удержался от вопроса Лёха, когда составлялся план. — Это ж вроде как грех. Не противоречит обету?

— Не грех, ежели во благо Господа и людей! — предсказуемо вспыхнула монахиня. — Была такая Феодора Александрийская, что ради святых подвигов отправилась в мужской монастырь, где многие годы выдавала себя за мужа, ибо к тому вынуждало положение. Вот и я иной облик принимаю из благих и богоугодных побуждений. Не грех!

— Гм-м!.. А если мужика вынудит положение пойти в женский монастырь — можно так?

— Чт... Нет, сие другое!

— Согласен-согласен, — смиренно закивал юноша, хотя в его глазах мелькнул лукавый огонёк. — Но если можно так притворяться, то почему бы нам не придумать более правдоподобные роли? Например, мы будем семейной парой — мужем и женой, которые...

— Чаго? — покраснела Ирина — Глупость какая!

— А что, задумка хороша, — Евдокия положила ладонь на плечо Лёхи и как бы шутливо

прижала его к себе. — Можем и с тобой семейной парой прикинуться.

Вжимаясь лицом в бок Евдокии, парень забурчал что-то нечленораздельное — пытался возражать, судя по тону и попыткам отстраниться.

— Родство нашего молодца уже определено, — сказал Олег. — Буде моим сыном. Слухай, сыне, с тобой мы в Залесное явимся как торговцы малой руки. Овощи привезём и всякий скарб. В Нижнем торжища намечаются, трудовой люд в уезд заглядывает. Проведём там денёк-другой. В сем виде не вызовем подозрения. Ежели только ты не будешь себя по чудному вести.

— Не буду, — Лёха, наконец, вырвался из железных объятий Евдокии. — Батя...

Названные отцом и сыном ехали в Залесное первыми. За несколько часов до приезда в поселение Лёха обратил внимание, насколько в здешних краях обширные и дикие леса. Вернее, они везде являлись таковыми, ведь Средневековье миновало совсем недавно, хватало необжитых земель. Но даже с учётом этого житель иной эпохи поражался видом густых дремучих зарослей вблизи Залесного. Казалось, сделай всего шаг в сторону от дороги, и непроглядная чаща поглотит тебя словно зелёное море; потянет в беспредельную глубь иного мира, так что уже не воротишься обратно. Лёгкую тревогу у Лёхи вызывали мысли о том, что из затенённой пущи за повозкой могут наблюдать глаза, не принадлежащие человеку или зверю. Когда редкие встречные попадались на дороге, то юноша дивился: «откуда у них смелость путешествовать? Ладно я и борцы — мы силой обладаем. Но простой-то люд куда?»

Олег не был расположен к пустым разговорам.

— Не болтай лишнего, — шёпотом предостерёг он. — А то услышит кто не надо.

Наконец леса разошлись, огибая луг, на котором и располагалось Залесное. На первый взгляд — непримечательное поселение, какие Лёха за время пребывания в этом мире наблюдал уже несколько раз. По видимой ширине Залесного юноша грубо прикинул, что жителей в нём чуть больше тысячи. Народ занимался своими обычными делами: вон городовые стрельцы несут службу, крестьяне трудятся в поле, мужики рубят дрова и мастерят что-нибудь, снуют бабы с бельём или кадками, бродят куры и гуси. У края Залесного виднеется деревянная церковь. Ничего выдающегося.

Но иного мнения придерживался Олег как уроженец этого мира. Бывалый воин отметил непривычную тишину для поселения таких размеров. Собаки не встречают гостей беспорядочным лаем, хотя он должен слышаться за версту до Залесного. Не попадаются привязи с лошадьми, будто жители стараются не оставлять их на виду под открытым небом. Да и сами люди ведут себя не в пример тихо, переговариваясь пониженным голосом, будто стараясь не разбудить кого. На гостей смотрят искоса или, наоборот, уж слишком пристально, однако без любопытства и вообще без явного выражения.

«Отец» и «сын» уплатили пошину, чтобы получить право продавать привезённое, и заехали в центр Залесного — на торг. Здесь помимо новоприбывших было ещё несколько приезжих купцов.

— Перекусим, а потом разложим товар, — сказал Олег, когда выбрал место.

С ними соседствовал словоохотливый купец, торговавший разными инструментами. Он сразу завёл разговор с новой компанией, представившись Еремеем. Олег, имевший до этого хмурый вид, оживился и поддерживал болтовню расспросами.

— Частенько торгую в Нижегородском уезде! — сообщил Еремей. — И под конец пути всегда сюда заезжаю. Народ здесь не сказать, что радушный, но что-нибудь да покупает.

— Мы вот с сыном первый раз заглянули. Хотя запугивали нас не ехать той дорогой. Дескать, лихие люди и нечисть там хозяйничают.

— Брехня! — отрезал Еремей. — Я сколько лет хожу, а никто на меня не нападал. Благо люди Михаила Воротинского со всякой тварью справляются. Неча бояться. Ну, как сказать... не хуже здесь, чем где-либо ещё!

Интересовался Олег и многими другими вещами, к делу отношения не имеющим: большой политикой, погодой, семьёй и так далее. А между прочим как бы невзначай спрашивал о творящемся в Залесном. Входящий во вкус Лёха подыгрывал, добавляя малозначительные комментарии. Получалось не очень — судя по короткому строгому взгляду Олега, будто призывающему помалкивать.

Иногда кто-нибудь из местных подходил к торговым рядам и тогда Олег показывал такую деловую хватку, какую Лёха никак не ожидал обнаружить в обычно немногословном суровом мужике. Певучим залихватским голосом он расхваливал перед покупателем плоды огородного труда, сопровождая это размашистыми жестами. «Его бы в магаз, где я работал продавцом-консультантом, — восхитился Лёха. — Если в мой мир попадёт, то не пропадёт».

Пока Олег «сидел» на ушах у покупателя, Лёха заметил, как по краю торгового ряда в сторону церкви шла пара женщин. Они были одеты в крестьянские платья, а лица скрывали за платками. Юноша не обратил бы на пару особого внимания, не показись походки знакомыми. К тому же одна женщина имела могучее телосложение, так что одежда большого размера обтягивала крупные формы, тогда как другая женщина отличалась стройностью, которую не могло скрыть длинное широкое платье.

— Не зевай, сыне! — Олег пихнул Лёху, боковым зрением следящего за Ириной и Евдокией. — Подай вон ту капусту.

Когда начало смеркаться, «отец» и «сын» свернули торговлю, — мало что продав несмотря на старания Олега — и отправились на постоялый двор.

На полпути перед повозкой выскочил сгорбленный человек, напугав коня.

— Пр-р-р! Куда прёшь! — крикнул Олег.

Облачённый в грязные лохмотья человек с хохотом то ползал перед лошадью на четвереньках, то неистово отплясывал.

— Это, как его, юродивый что ли? — изумился Лёха.

— Игла! Игла! Игла! — повторял безумец, смеясь и дёргая себя за включенную бороду.

— Уйди с дороги! — Олег пригрозил плетью. — Тьфу, чуть не раздавил.

— Игла! — человек вытаращил глаза, что контрастно смотрелось на измазанном грязью лице. — Кто вошёл — не уйдёт!

— Василий, отстань от добрых людей! — к повозке поспешила тётка, похоже, из местных. — Вы уж простите его, умом тронутый. Давай-давай, отходи!

Она схватилась безумца за шиворот и потянула с дороги.

— Адописные иконы! — взвизгнул Василий напоследок.

Отъезжая, «отец» и «сын» ещё долго слышали обрывочные фразы безумца.

На постоялом дворе оплатили ночлег, и отправились в корчму. Там Олег рассчитывал выведать что-нибудь полезное у местных пьяниц. Однако народа здесь собралось немного и обстановка невесёлая для питейного заведения: несколько человек сидят поодиночке у стен и вовсе не имеют того общительного настроения, который приходит с кружкой-другой пива. Напротив, все мужики смотрелись замкнутыми и погружёнными в свои мысли больше, чем в хмель.

Когда Олег принёс на стол снедь, Лёха первым делом схватился за кружку, предвкушая пробу алкоголя иной эпохи.

— Особо не налегай. Не забывай, зачем мы тут, — сказал Олег. — Хватит с тебя и одной кружки кваса.

Тем временем Ирина и Евдокия ставили свечи за хворавшего главу семейства. Помимо гостей в церкви был только один служка, протирающий пол. Сперва «мать» и «дочь» прошлись вдоль стен, подолгу с молитвой останавливаясь у каждой иконы. А когда дошли до алтаря, Евдокия плюхнулась на колени, — громыхнуло так, что аж, наверное, купол дрогнул — и запричитала, выдавливая слёзы. Сторонний слушатель различил бы в её смазанном бормотании мольбы о выздоровлении.

Ирина являла поведением полную противоположность: молчаливо взирала на алтарь, иногда крестясь и кланяясь. Сторонний свидетель мог бы решить, что девушка тоже молится, однако на деле она пристально изучала позолоченный ковчег, в котором хранились мощи якобы святого Амвросия. И волей целиком погрузилась в своё магическое чутьё, предельно обостряя его. Ирина настолько преуспела в этом, что не заметила, как некто приблизился со спины. Прежде чем заговорить, он несколько минут нависал над парой неслышимой тенью.

— Дочери мои, молитесь за здоровье ближнего?..

Евдокия вздрогнула, Ирина же про себя досчитала до десяти, и только после обернулась. Перед ними стоял худой и высокий человек лет пятидесяти, облачённый в чёрную рясу. Как и все священнослужители, носил он длинную бороду — пожалуй, даже более длинную, чем у большинства коллег.

— Отец Лука, — монотонно представился священник. — Настоятель церкви.

— Ваше Преподобие! — Евдокия грузно поднялась с колен и протянула руки, испрашивая благословения.

Лука медленно осенил её крестным знаменем. Примеру Евдокии последовала Ирина, только в отличие от «матери» потупилась.

— Всё так, батюшка! — срывающимся голосом ответила Евдокия как старшая в «семье». — Муж мой который день тяжело болен! Ох, простите, что забываюсь, и так громко говорю на весь храм божий...

— Ничего, дочь моя, Господь простит, — сказал Лука, хотя прозвучало это не ободряюще, а как-то холодно, — продолжай.

— Ах, так занемог муж мой, отец дочки моей, — Евдокия положила руку на спину Ирины, — ажно подняться на ноги не может. А как ж мы без него, ежели... ох, случись с ним что. Пропадём! Нет других мужиков в семье.

— Ясно, — Лука ненадолго прикрыл глаза. — Если не хочешь овдоветь, то привози мужа сюда, чтобы он сам вознёс молитву пред мощами святого.

— Но как ж... он же встать не может, — изобразила растерянность Евдокия.

— Есть в Евангелие от Марка такая история. Однажды спаситель наш Христос проповедовал в доме, в котором собралось так много народу, что никто извне не мог пробиться через толпу. Тогда четверо людей, желая исцеления своим неподвижному другу, взобрались на кровлю и разобрали её. Опосля спустили друга на носилках напрямик ко Христу. И Он исцелил больного. Тот взял носилки и ушёл на своих ногах. Ибо на деле узрел Спаситель жертвенную веру сих людей, коих не смутила толпа или иные препятствия вроде кровли. Так и вы проявите усилие: последнее продайте, дабы нанять извозчика, и привезти

сюда, к мощам, больного мужа и отца. Тогда вера ваша буде вознаграждена чудесным исцелением, как сие случилось здесь уже со многими отчаявшимися. Токмо поспешайте, ибо колебание в вере обернётся погибелью тела и души.

— Ох, спасибо за научение, батюшка, — Евдокия всхлипнула.

— Не за что, — он протянул руку к Ирине.

Сухие костлявые пальцы коснулись девичьего подбородка. Иерей мягко приподнял голову Ирины, заставив её посмотреть в свои глубоко посаженные чёрные глаза.

— Лет сколько, дщерь? — спросила Лука.

— П... — открыла рот Евдокия, но священник остановил её резким жестом.

— Не тебя спрашиваю.

— П-пятнадцать... Ваше Преподобие, — промолвила Ирина.

— А с виду чуточку взрослее. Матушка твоя сказала, что нет больше мужчин в семье окромя отца. Так?

— Так, батюшка.

— И до сих пор отец и матушка не выдали тебя — такую красавицу — замуж? — Лука чуть повернул голову Ирины, внимательно разглядывая черты лица. — Стало быть, чиста?

Девушка промолчала.

— Хорошо, — иерей повернулся к паре спиной. — Вам надобно поспешать за отцом и мужем, но не сейчас срываться в путь. Темнеет и вы поди устали с дороги. Посему переночуйте в нашем доме паломников, что при церкви. Завтра посетите утреню. Опосля идите за больным, и возвращайтесь. Втроём.

Он затопал к выходу, при каждом шаге выбивая из половиц громкий стук. Не верилось, что совсем недавно этот же человек подходил со спины бесшумно. Ирина и Евдокия обменялись короткими многозначительными взглядами.

Глава 10 — Погладь хорошего мальчика

Евдокия ступила в длинное помещение, где проходил великосветский раут, созванный явно не в родном царстве. Такие просторные залы она прежде видела только в белокаменных городских церквях, но обширное помещение, где проходил званый вечер, конечно, не являлось частью храма. Стены местами украшали цветастые гобелены или лучшие картины эпохи Возрождения, а местами замысловатая золочёная лепнина. Нависали хрустальные люстры — словно облачные перины, на которых восседали ангелочки со свечами в руках. Слух ласкала утончённая музыка иной страны — Евдокия не понимала, что за инструменты и чьи мастерские руки рождают эти дивные звуки. Гости сидели по обе стороны длинного стола, ломившегося от богатых яств, до того красивых и стройно расположенных, что казалось кощунственным не то что есть их, а даже просто прикасаться, нарушая гармоничный порядок, словно это экспонаты на выставке или освящённая церковная утварь. Роскошные одежды и манеры присутствующих свидетельствовали о принадлежности к самому высшему обществу. Во главе же стола восседала дама, преисполненная особым достоинством и облачённая в платье такого экстравагантного вида, что оно — ушитое кружевами и драгоценными камнями — смотрелось вычурно даже на фоне гостей, будто соревнующихся в блеске нарядов. «Неужто английская царица? — оробела Евдокия. — Та самая, к коей — ежели верить слухам — однажды сватался наш царь-батюшка».

Она смутилась ещё больше, вспомнив, что сама разодета под стать банкету: в платье с бархатной пышной юбкой; дыхание стесняет не только волнение, но и тугой корсет; а ворот спереди с таким глубоким вырезом, что на всеобщее обозрение выставлен верх груди. Евдокия гордилась своими природными дарами, не считала нужным их особо накрывать или поджимать, хотя они могли создавать неудобства в бою при резких движениях. Однако сейчас непристойная женщина раскраснелась как маков цвет, не зная, как бы так извернуться, чтобы спрятаться от любопытных взглядов.

— Mesdames et messieurs! — Один из гостей встал и приподнял бокал. — Позвольте представить вам мою славную дочь — Евдокию Ивановну!

— Б-батя? — она с трудом узнала отца в господине благородного вида.

— Ну же, Евдокия Ивановна, вот твоё место — рядом со мной, — улыбнулся отец. — Присаживайся, моя дорогая!

«Какого лешего?! — Евдокия, на которую направили взгляды все присутствующие, еле заставила себя передвигать будто онемевшие ноги. — Чаго эт батя весь разэтакий? Когда успел бороду состричь и волосы пригладить? Где рублей набрал, чтоб такое одеяние купить? Дом продал и матушку в холопы отправил? Кто ему певучий голос поставил? Всегда ж два-три слова с трудом вязал...»

Евдокия коряво ходила на туфлях с приподнятыми каблуками; складки слоистой юбки при каждом широком шаге спутывали движения. Потому нет ничего удивительного в том, что бедная Евдокия подвернула ногу. Рослую женщину потянуло к столу как оползень с горы после размыва дождём. Евдокия инстинктивно замахала руками, пытаясь удержать равновесие, но вместо этого окончательно потеряла его. Гости ахнули, когда она каменным истуканом плюхнулась прямо на кушанья, часть из которых из-за этого разлетелась по сторонам, забрызгивая лица и костюмы аристократов. Скатываясь на пол, Евдокия цеплялась так отчаянно, будто падала со скалы, под которой разверзлась бездонная

пропасть. Одной рукой схватила за волосы соседней дамы, — отчего та завизжала — а второй рукой — за скатерть. Тяжёлая Евдокия увлекла и даму, и скатерть, вслед за коей с оглушительным звоном посыпалась посуда.

Поднималась Евдокия медленно, слушая возгласы и перешёптывания, хотя ничего не понимала — фразы произносились на незнакомом языке.

— Простите... Так... получилось, — выдавила Евдокия. — Я всё приберу. Всё отстираю. Наварю новых борщей и мёда. Сделаю си...

Она осеклась, заметив, что после всех кувыркков грудь ещё больше вывалилась из корсета. Потеряв дар речи, женщина спрятала срам руками.

— Какой стыд, — услышала она отцовский голос, в котором перемешались гнев и скорбь. — Какой стыд! Быть первыми послами при дворе, представляя Русской царство — и так опозориться! Вечно всё семейство очерняешь, Евдокия! Отца и мать не слушаешь, ведёшь себя как гулящая девка. На весь свет опозорила. Что за бесчестье — иметь такую дочь!

— Бесчестье? — ответная злость и обида захлестнули Евдокию, топя стыд. — Бесчестье, говоришь? Сейчас покажу, что есмь подлинное бесчестье. Всем покажу!

С последним словом она сжала корсет... и после секундной паузы дёрнула его со всей мощью и резкостью могучих рук. В зале начался сущий кошмар. Кто-то заорал, ошарашенный как полностью вырвавшимся наружу «бесчестьями», так и их размерами; иные крестились на католический манер, а другие упали в обморок.

— Гляньте на доброе послание нашего царства иностранному двору, бояре и боярыни! — злорадно громынула Евдокия, вытаращив глаза как одержимая.

Она взобралась на стол, распрямляясь, чтобы каждый мог рассмотреть покачивающиеся прелести, и продолжила дёргать рваное платье. Сейчас Евдокия чувствовала себя точь-в-точь как в сражении с опричниками, когда торжествуяще поливала нечисть горячей смесью из сифонофора, только теперь оружие другое, а вместо нечисти оно жжёт благородных снобов. Лишившись чувств, сполз под стол отец.

— Гля... нте, — слышала Ирина бормотание спящей Дуняхи.

Когда «мать» и «дочь» на ночёвку заселили в келью, они решили, что не стоит спать одновременно. Вроде и явно придраться не к чему, но всё равно многое в Залесном настораживает — так рассуждала монахиня. А потому договорилась с «матушкой» поочерёдно нести ночной дозор. Пока Евдокия говорила во сне, Ирина сидела на лежанке у закрытого окна, прислушиваясь к звукам ночи. Иногда девушка напрягалась, когда различала за ставнями шорохи. Однако мало ли таких звуков еженочно? Ветер дует, шурша ветвями и листьями; мыши скребутся, сторож совершает обход... Не из-за всех же звуков вскакивать яко ужаленный — рассуждала Ирина.

Борцам нередко приходилось бывать в длительных походах и ночевать вместе, а потому о повадках друг друга были осведомлены. Раньше Ирина никогда не замечала, чтобы её сорагница болтала во сне. Так что невольно прислушивалась к отдельным словам.

— Простите... Так... получилось... Срам...

Будучи монахиней Ирина хорошо переносила лишения. В длительных постах и молитвах она стойко и безропотно претерпевала голод, холод, бытовые неудобства и отсутствие сна. Как борец с нечистью монахиня научилась справляться с изматывающими нагрузками, сравнимыми с тем, что переносит солдат на переднем крае войны; научилась преодолевать боль и страх. Словом, Ирина была готова ко множеству испытаний, и ночной дозор в келье вовсе не относился к самым сложным из них. Однако сонное ворчание Евдокии убаюкивало,

словно магическая колыбельная песнь. Монахиня сомкнула веки, обещая себе, что откроет глаза через несколько мгновений. И провалилась в забытье.

Но не в тёмное забытье, а с яркими и осязаемыми как сама реальность картинами. Ирина обнаружила себя на тропе у реки. Вместо монашеской рясы девушка носила поясной передник, в каком обычно трудятся крестьянки. Рядом же ожидала полная воды кадка. Пожав плечами, Ирина подняла её, и заковыляла по тропе в сторону от реки.

— Мама! — навстречу вприпрыжку бежал светловолосый мальчишка лет пяти. — Дай помогу!

— Мал ещё, чтоб тяжести носить, — сказала Ирина. Сказала без тех холода и отстранённости, что часто пронизывали голос. Сказала с теплотой и весёлостью. — Но скоро чуть подрастёшь и во всём добрым помощником будешь!

«Забавно, — думала Ирина, сдувая с лица прядь волос, — голова целиком не покрыта. Токмо мирской платок...»

Сопровождаемая мальчишкой, скачущим вокруг, Ирина дошла до одинокой избы. Там во дворе колот дрова мужчина. Муж и отец ребёнка. Вернее, отец детей — пролетела в голове мысль. Но пролетела не как озарение, а как нечто обыденное. Только лица мужа не разглядеть — у его головы вуалью сгустилась серая дымка. Однако было в его росте, телосложении и манерах движения что-то смутно знакомое.

У калитки Ирина поставила кадку на землю, и обернулась к реке. С той стороны клонилось к горизонту солнце, придавая облакам сказочно-розовые цвета.

«А ведь когда-то рвалась в монашки, — вздохнула Ирина, любуясь закатной далью. — Изю дня в день молилась бы в келье и ничего другого не знала. Какие же глупости по молодости в голову приходят, прости Господи! Нет, не моё. Хорошо, что дома вразумили уговорами. Пушай другие за грешную землю молятся днём и ночью, а мой крест здесь — с семьёй».

Муж подошёл со спины и нежно обхватил руками талию, отчего Ирина вся разомлела, а на её щеках в тон закатному солнцу вспыхнул румянец. Словно это были первые любовные объятия в её жизни.

— Дарьюшка, — ласково произнёс муж.

Точнее, Ирина просто умом понимала, что это сказано мужем, и именно что ласково, хотя голос и его интонации не слышала...

Всё в той же стране снов к семейному очагу вернулся с войны другой человек. Но встретил он там не детский смех, а воронье карканье. Узрел не цветущий сад и аккуратный огород, а заросший бурьяном двор, чьи границы частично угадывались по остаткам покосившейся изгороди. Обнаружил не родную избу, но пепелище и обгоревшие остовы.

Олег долго бродил среди руин, вспоминая, как перед его уходом здесь кипела жизнь, как родные хлопотали по дому, на огороде и в поле. И чувствовал, как в сердце приходит такое же опустошение, как на развалинах. Олега разрывали противоречивые стремления, когда одна часть души отказывалась признавать, что семейное гнездо разорено, что все домашние погибли, и что больше нечего тут делать, тогда как другая часть изнывала, желая уйти отсюда как можно дальше. Просидев у пепелища ещё с полчаса, Олег побрёл прочь.

Он шёл глядя под ноги и не разбирая дороги. Шёл до тех пор, пока не наткнулся на труп. Взглянув на его лицо, Олег узнал Бельчонка. Обойдя тело, мужчина пошёл дальше, но через несколько шагов наткнулся на второго мертвеца. Остекленевшим взором на серое небо взирал Глеб. Только тогда Олег осмотрелся и обнаружил, что поле усеяно телами боевых

товарищей, что пали в боях с нечистью. Он забегал туда-сюда, вглядываясь в лицо каждого трупа. И с нарастающим ужасом обнаружил Евдокию, затем Ирину, и... Лёху.

Только тела Весняны не сыскалось...

Долго ворочался Лёха, затыкал уши, фантазировал, но ничто не помогало отвлечься настолько, чтобы не слышать ураганного храпа Олега. Потеряв терпение, юноша пробовал дозваться до мужика — бесполезно. Рыскал у лежака, ища мелочи, которые можно запустить в нарушителя сна — ничего не нашёл. «Водой бы облить, как он меня в монастыре, — зло подумал Лёха». Но, в конце концов, вожделенный сон сошёл на измученного юношу.

Когда же он пробудился, то потянувшись чесать ухо вдруг осознал, что делает это ногой. Вдобавок нечеловеческой. Испугавшись, Лёха сбросил одеяло и заметался на лежаке, а затем спрыгнул на пол. Приземлился на четвереньки, причём ощутил себя в этом положении настолько удобно, будто оно являлось самым подходящим для тела. Кружась волчком, Лёха обнаружил на теле много шерстяных лохмотьев, да ещё пушистый хвост. Частые выдохи вырывались через открытый рот, из которого свисал длинный язык. «Матерь Божья! — с ужасом подумал Лёха. — Да я же пёс!».

За окном было светло, а лежанка Олега пустовала. Обнюхав её, Лёха почуял след. К счастью, дверь комнаты не закрывалась на крючок и отворялась наружу, так что пёс легко покинул комнату. Он пронёсся по коридору, напугав тётку из служанок, и выскочил на крыльцо постоянного двора. Благодаря обострённому обонянию Лёха запросто нашёл Олега — тот почему-то бродил по торгу. Юноша бросился к мужику, выкрикивая: «это я, Лёха! Помоги выбраться из собаки!» Но вместо человеческих слов из глотки вырвался жалобный лай, на который Олег не обратил внимания — мало ли барбосов гавкает среди человеческих жилищ? Только когда Лёха запрыгал вокруг, вставая на задние лапы, чтобы толкать передними, мужик соизволил пойти на контакт. Правда, не совсем на тот, что ожидал пёс.

— Пшёл отсюда! — рявкнул Олег, пнув Лёху под хвост сапогом. — Нет у меня харчей для тебя! Эх, беспорядок какой. Нельзя собак на базар пускать. А ну пошёл, говорю!

Скуля, Лёха побежал по улицам, сам не зная, что ищет. Быть может, его вели знакомые запахи или случайность, но блуждания закончились у церкви Залесного. На крыльце стояла Ирина в монашеском одеянии. «Как знать, может, хоть в таком виде получу от неё ласку, — Лёха завил хвостом и засеменил к девушке. — Я же как-никак теперь хороший мальчик!»

Однако, как и в случае с Олегом, ожидал холодный приём.

— Уйди, блохастый! — замахала рукой Ирина.

Сконфуженный Лёха сел и скорчил самую жалобную морду, на какую только способны собаки.

— Мяу! — к Ирине подошла кошка, и теперь ластилась у ног, задрвав хвост.

Черты лица монахини смягчились. Она взяла кошку на руки, переступила порог церкви и захлопнула дверь.

— Как же так?! — выкрикнул Лёха на собачьем языке. — Почему?

— Недоля тебе выпала, друг, — пролаял некто рядом.

Повернувшись, Лёха увидел безумца Василия. Он покачивался на четвереньках, но взгляд имел осмысленный и вполне здравый.

— Собаки ж ведь по Писанию — нечистые животные, — произнёс Василий. — Род ваш издревле в храм Божий не пускают. Ажно от порога и то гонят.

— Ты... меня... понимаешь? — пробрехал пёс.

— Ежели будешь долго в сём проклятом месте, то во всём поймём друг друга, —

улыбнулся Василий.

Юноша хотел задать больше вопросов, но вдруг откуда ни возьмись появился тот самый тиун, который устроил допрос в первый день пребывания в этом мире. Да не один появился, а с толпой стрельцов.

— Вон он, чужак! — тиун указал на Лёху. — Хватай его!

Толпа устремилась на пса, так что ему ничего иного не оставалось, как только пуститься бежать со всей скоростью собачьих ног. Раздались выстрелы и свист пуль. А Лёха на ходу лаем бранил судьбу, занёсшую его не просто в иную эпоху иного мира, но ещё и в тело уличного кабысдоха — потерянного и всеми презируемого...

Утром пары скрытых борцов вышли из Залесного точно так же, как и зашли — по отдельности. Только пребывали в раздражённом состоянии из-за того, что не получилось как следует выспаться. У окраинных домов повозку с Олегом и Лёхой сопровождал Василий.

— Чего это он лопочет? — заинтересовался юноша.

— Не знаю, всё равно мне, — огрызнулся Олег. — Лишь бы только под копыта сызнава не прыгал.

Василий не прыгал. И, вопреки своему обыкновению ходить сторбленным или на четвереньках, старался шествовать прямо. При этом совершал странные движения руками и будто что-то читал нараспев. Следя за безумцем, Лёха предположил, что тот вроде как изображает церковную службу: то машет воображаемым кадиллом, то «несёт» что-то вроде шеста, и в любом случае без умолку тараторит. С потрескавшихся губ Василия слетала полная бессмыслица, но иногда среди неё проскальзывали знакомые Лёхе фразы. Отстояв множество служб в монастыре, юноша невольно стал разбираться в молитвах, и понял сейчас, что безумец читает обрывки акафиста. «Точно, да так здорово и складно, — восхитился Лёха. — Но с перерывами».

Путь из Залесного прошёл для борцов без происшествий. Однако они не вернулись обратно в Московский уезд. Все, включая Весняну, собрались в часовне, что находилась в нескольких днях пути от Залесного. Убедившись, что вокруг нет лишних ушей, соратники поведали друг другу о своих исследованиях. Только опустив подробности одного эпизода.

— Сны глупые беспокоили в этом поселении, — пожаловался Лёха.

— Чаго? И тебя дурные сновидения посетили? — удивилась Евдокия. — Скажешь, чегс в них было?

— Да так, ерунда всякая, — отмахнулся юноша. — Не стоит внимания.

— Ага, верно, ничего стоящего, — буркнул Олег и все понурились, избегая встречаться взглядами. — Гхм... Проклятье. По сути, нам не удалось разузнать нового. Да, место подозрительное. Да, священник уж слишком навязчиво нахваливает святыню. Да, есть в церкви некая сила. Но всё это было известно и до нашего посещения.

— Мне б ваши трудности, вроде дурных сновидений, — Весняна широко зевнула, складывая ладони за головой. — Ибо мне было вовсе не до нежной дрёмы.

— Выкладывай, что у тебя, — сказал Олег.

— Хотела я безмятежной прогулки вокруг поселения, да не тут-то было. Леса там и впрямь кишат нечистью. И все такие недружелюбные, несговорчивые. Чуть что, так сразу бросаются на тебя с когтями и клыками. Пришлось шибко осторожничать, дабы не стать пищей или ещё какой забавой для тамошних тварей. Но особенно много чудищ бродит у одного места. А именно — речного островка на Волге. Мне удалось одним глазком взглянуть на остров — ничего приметного. Но заплыть туда не решилась — сцапали бы.

— Хм. Что-то притягивает нечисть к островку. Однако, по твоим словам, ничего на нём нет, — призадумался Олег. — Буде на заметке держать сей остров. Но пока пойдём в иное место. Пора посетить старцев, что молятся в пещерах. Завтра выступаем. В Залесное заглядывать не надобно, так что готовьтесь не к слежке, а к боевому походу. Только ты, Евдокия, уже под другой личиной буде в поселении. Просто смотри за тамошними делами, но лишний раз никому на глаза не попадайся. Особливо отцу Луке...

Когда все выходили из часовни, Олег с подозрением посмотрел в спину Весняне, вспоминая жуткой сон, в котором все соратники мертвы, но нет свидетельств смерти русалки.

Глава 11 — Волчья царица

Вновь перед глазами потянулась уже знакомая дорога в Залесное, с тем лишь отличием, что теперь топали на своих двоих. Вернее, большую часть пути проехали за плату на повозке, а когда до поселения осталось полдня пути, слезли на первом попавшемся повороте. Как и было условлено, Евдокия раньше соратников отправилась в Залесное — на сей раз под видом торговли вместе с купеческим караваном. При этом женщина имела строгий наказ не появляться на торгу и вообще поменьше отсвечивать. «Везёт ей, — Лёха устало переставляя ноги, — сидит себе сейчас в телеге, наверняка с кем-нибудь болтает весело. А нам дофига ещё тащиться. Отстой». Пришелец всё реже употреблял в разговорах привычные для своего мира слова, и потому решил подчёркнуто «произносить» их в мысленных монологах, чтоб хоть так напоминать себе о родном доме.

Троица приближалась к перекрёстку, одна дорога с которого вела к Залесному, а другая — к Нижнему Новгороду. Ни один из этих путей сегодня не нужен борцам. Задумывалось неподалёку от перекрёстка сразу свернуть на тропку, что ведёт к пещерам в холмах. Однако какое путешествие обходится без незапланированных задержек?

В этот раз на перекрёстке задержка предстала под видом изрядно потрёпанной девицы. Сутулясь, она озиралась по сторонам и прижимала руки к груди, удерживая сползающее с плеч рваное платье. Его изодранный подол болтался лохмотьями, обнажая ноги до колен.

— Страсти какие, — промолвила Евдокия. — Волки подрали?

— Нет, что-то другое приключилось, — потемнел лицом Лёха, отметив, что местами одежда не порвана, а обрезана. И тихо прошептал: — Изнасилование?

Олег если имел догадки, то пока держал их при себе. Завидев троицу, девушка, прихрамывая, пошла навстречу — сперва неуверенно, но с каждым шагом прибавляя темп.

— Помогите, люди добрые! — крикнула она, срываясь на плачь. — Помогите Христа ради!

— Что за напасть с тобой сделалась? — спросил Олег, когда девица мало что не бросилась ему на грудь. — Успокойся. Вздохни... Хорошо, вот так. Что случилось?

Она отвела с лица растрёпанные русые волосы и Лёха, несмотря на неуместную для любования ситуацию, восхитился юной красотой, каковую не исказил заплаканный и помятый вид. Более того, этот диковатый образ возбуждал неудержимое желание не только немедленно помочь, но и обнять, прижать к себе — не ради того, чтобы отгородить от всех напастей.

— Как хорошо, что Бог послал вас ко мне. Лихие люди напали... На меня и брата! Ограбили нас, его побили, а меня... меня...

На полминуты она потеряла последние остатки самообладания, тело сотрясло от новой волны рыданий. Лёха подскочил к девушке и утешающе положил ладонь на плечо. Шагнула вперёд Ирина, протягивая руки к несчастной. Только Олег стоял без движений.

— Дура я! — девушка встряхнулась. — Слезы лью, а брат мой тяжко ранен! Лежит в стороне от дороги, там!

Она ткнула пальцем в сторону лесной чащи.

— Сам встать не может... А у меня силёнок не хватает перенести к дороге. Помогите ему! Раны перевяжите, ежели есть чем, и перенесите сюда.

— Алёшка, что делать надобно нам? — вдруг спросил Олег.

— Как «что»? — юноша дёрнулся в сторону леса, но тормознулся, когда Олег невозмутимо сложил руки на поясе. — Ну, там, первую помощь брату... и... и...

— Какую ещё «первую помощь»? Что за зверь такой?.. Эх, зелено, — вздохнул Олег. — Надо было тогда позволить Весняне тебя не просто припугнуть, а ещё окунуть раз-другой-третий, чтоб воды нахлебался. Глядишь, разумения прибавилось бы.

Он повернулся к девице.

— Ты чаго, не понимаешь, что сия уловка устарела? — а затем Олег вновь обратился к Лёхе, поучительно подняв указательный палец: — Не должно поддаваться первому побуждению и сразу верить тому, что зреют очи.

— О чём вы? — всхлипнула девушка. — Брату помогите!

— Суть твоя какова? — снисходительно поинтересовался Олег. — Русалка? Нет, водоёмов вблизи нет. Упырица? Точно нет, ибо рановато сему племени на охоту вылазить. Али из людского рода, но ведьма? Вроде душком от тебя несёт знакомым, да всё не соображу, где я встречал его ранее. Впрочем, не важно. Чем бы ты ни было, втроём легко одолеем одиночку...

Пока Олег говорил, выражение лица девушки менялось от испуга и жалостливости к удивлению, затем любопытству и, наконец, надменности. Перед троицей стояла уже не сгорбленная жертва, а чуть напряжённый и готовый к прыжку боец. И пока непонятно, будет ли это скачок в сторону, чтобы скрыться от не в меру проницательных путников, или же яростная атака.

— Не угадал, — медленно произнесла девица голосом, в котором не осталось и следа былой жалостливости.

Она осторожными шагами отступала назад.

— Не русалка.

Девушка взъерошила волосы и встряхнула головой.

— Не упырица.

Её пальцы сжали ворот.

— Не человек!

Она одним махом сорвала платье, и лихо отбросила его далеко в сторону от дороги.

— Дитя Луны! — с торжествующей усмешкой выкрикнула девушка, не стесняясь наготы.

На руках и ногах вздулись жилы, тело стремительно обрастало мышечной массой.

— Ужас ночи и хозяйка лесов!

Густая шерсть скрыла светлую кожу.

— Волчья царица я!

На последний ноте крик перешёл в чудовищный вой. Вытянулось лицо, обретая звериные черты; показались острые зубы, а на пальцах приступили когти.

— Волколак? По своей воле обратился?! — изумилась Ирина.

Борцы встали боевым порядком.

— Не пугаться, — сказал Олег, выхватывая топор. Сказал больше для Лёхи, потрясённого обращением. — С разных сторон бьём.

Припав к земле, волколак с рычанием наблюдал за тем, как борцы обступают его. Но хищник не собиралась дожидаться атаки врага. Он лишь выбирал жертву. И лучше всего в глазах волколака для этого подходил мальчишка: заметно, как он дрожит, как неуверенно ступает, в отличие от здоровяка и девки. Улавливая обострённым нюхом запах вспотевшего

парня, чудовище явственно распознавало в нём страх и чрезмерную напряжённость.

Одним рывком волколак за миг преодолел десяток метров, отделявших от Лёхи, и нанёс удар лапой. Невооружённый юноша поднял руки, и когти полоснули по магической защите, вспыхнувшей прозрачным синим щитом. Одной атакой дело не ограничилось, монстр яростно заколотил по волшебной преграде. Хоть ни один удар не доходил до Лёхи, он частично испытывал отдачу, которая онемением расползалась по мышцам рук. Натиск волколака был до того неистовым, что магическая преграда жалобно затрещала, а то и вовсе рассыпалась бы осколками — не подоспей на помощь соратники.

Ирина всадила с ноги по животу оборотня, Олег рубанул по спине раскалённым топором. Но ранил несильно: монстр вовремя отскочил, отделавшись чуть подпаленной шкурой и неглубоким порезом. Оказавшись в центре перекрёстка, оборотень вытянулся, запрокинул голову и протяжно завыл.

Олег насторожился, ибо звериная песнь для него прозвучала как боевой клич хозяина здешних охотничьих угодий, а не молитва к волчьим богам с призывом о помощи. Волколаки были свирепы и самоотверженны в битве, но отнюдь не глупы. И если встречались с превосходящим противником, то чаще предпочитали отступать. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы разуметь, что попавшаяся троица из добычи стала хищником — думал Олег. Этот волколак, скорее всего, понимает, что в одиночку наткнулся на борцов с нечистью. Ему полагается нырнуть в заросли и бежать без оглядки, поджав хвост. Однако вместо этого воет, опять когти выпустил и скалится, будто схватка на равных идёт. Самонадеянность? Или же...

Зашуршали листья и заскрипели ветви кустов. Из зарослей, что за спинами борцов, вылез ещё один волколак. Захрустела пожухлая трава с противоположной стороны дороги — там показался третий оборотень. Очередная пара чудищ выпрыгнула на перекрёсток. Не успели борцы опомниться, как обнаружили себя в окружении пятёрки голодных волколаков.

— Откуда их столько? — вздрогнул Лёха. — В бестиарии же написано, что оборотни — одиночки. А если сходится парочка, то ненадолго. К-как это понимать?

— Соберись, — промолвил Олег. — И тогда после драки дополнишь бестиарий.

Он ободрял парня, но сам уже не очень верил, что получится выбраться из такой передрыги без потерь.

Борцы встали спиной к спине, стараясь отслеживать передвижения каждого волколака. «Блин, как не хватает огнемёта Дуни, — Лёха сотворил магический клинок, хотя не имел понятия, когда и как успеет ударить им, учитывая, с какой скоростью бьют оборотни, тем более если навалятся всей стаей.

Так они и сделали.

Ирина встретила чудовищ вспышкой, которая выручала в любой схватке, заставляя противника врасплох. У оборотней были такие же глаза, как и у многих живых существ — слепли от яркого света. Однако, даже будучи ослеплёнными на несколько мгновений, волколаки не замедлили хода и с рычанием замахали лапами перед собой. Не разбирая направления ударов, один оборотень полоснул когтями сородича, хотя тот будто и не заметил страшной раны на боку. Монахиня отклонилась, избежав атаки монстра, а затем подпрыгнула и всадила коленом по вытянутой челюсти. Громко клацнули волчьи зубы, прокусив длинный язык.

Олег рубанул встречным ударом, не заботясь о защите. Шипящее от жара лезвие посекло руку волколака. Самому Олегу пока посчастливилось избежать ран, только порвали

зипун у плеча.

Если соратники умудрялись бить, то Лёха при виде несущихся на него взбешённых оборотней мог помыслить только о глухой защите. Позабыв про только что призванный клинок, юноша воссоздал щит и влил в него всю магическую силу, какую только мог собрать. Пара волколаков навалилась на полупрозрачную преграду, деря её и кусая. Лёха болезненно захрипел, испытывая такое ощущение, как будто пытается из последних сил удержать непосильную тяжесть, которая выскользывает из потных рук. На магической полусфере зазмеились трещины. Юноша отчаянно надеялся, что вот-вот подоспеют соратники и отбросят монстров, как это было в первом столкновении с одиночкой. Но Ирина и Олег сами были целиком поглощены боем, и могли в лучшем случае прикрывать друг другу спину. Опустившись на колени под неустанным напором, Лёха закричал, сознавая, что ещё несколько таких ударов, и щит окончательно сломается. И тогда быть разорванным на куски за считанные мгновения!

Действуя чисто инстинктивно, Лёха усилием воли послал остатки магической силы вперёд, как бы желая оттолкнуть угрозу. Потрескавшийся щит наконец лопнул, но осколки не развеялись и не посыпались на землю словно битое стекло, а полетели вперёд. Поток волшебной силы отбросил волколаков, тогда как осколки посекали их шкуры. Чудовища откатились, а когда поднялись на ноги, то их шерсть там и сям пропиталась кровью.

«Ничего себе! — поразился Лёха. — Оказывается, могу преобразовать защитную магию в боевую».

Получив короткую передышку, юноша оглянулся. У Олега вся одежда изодрана, но Лёха не видел у него открытых ран или кровавых пятен. Ирина избежала всех ударов, однако, судя по тяжёлому дыханию и дрожащим рукам, стычка далась ей весьма нелегко. Все волколаки потрёпаны, у одного лапа болтается как тряпка. И всё ж непохоже, что неудачное нападение охладило пыл оборотней. Их глаза по-прежнему горят яростью, а движения свидетельствуют о решительном настрое.

«Дерьмо! — запаниковал Лёха. — Хоть бы одного-двух прикончили. Я не переживу ещё нападение. Сил нет на щит».

Только волколаки сделали первые шаги, чтобы вновь окружить троицу, как вдруг остановились и наострили уши. Обладая слухом, мало уступающим звериному, Олег тоже разобрал стук копыт — приближался отряд всадников. Он переглянулся с Ириной, и борцы поняли друг друга без слов. Если появился шанс напасть, пока противник в замешательстве — нападай! Перехватывай инициативу!

Монахиня вытянула руку, и с освящённой ладони выплеснулся луч обжигающего света. Он ударил в грудь волколака, заставив его взвыть от боли. Ярким пламенем вспыхнула шерсть, так что оборотень заметался, пытаясь сбить огонь. Кинулся вперёд Олег, надеясь не столько зарубить кого-то из чудищ, сколько внести в стаю неразбериху. Что и получилось: волколаки рассеялись, чтобы не столкнуться с горящим сородичем или не попасть под не менее горячую руку мужика. Лёха с магическим клинком запоздало и нерешительно последовал за Олегом, вроде как тоже поддерживая атаку, но не осмеливаясь бросаться на тварей.

Подпаленный волколак быстро сбил пламя, другие оборотни столь же быстро пришли в себя и приготовились возобновить атаку, когда к перекрёстку выехала группа всадников. Не похоже, что для них схватка стала полностью неожиданной. Каждый из передовых конников с саблей наголо. Они слышали вой и звуки боя, а потому поспешили сюда. Только всадники

думали увидеть стаю обычных волков, а не оборотней. Поражённый видом чудовищ, отряд притормозил. Но ненадолго, ибо главарь всадников — парень такой же молодой, как и Лёха, — крикнул, направляя клинок на стаю:

— Братцы! Да не дрогнем пред лицом сей нечисти! Вперёд и с Богом!

Он первым погнал коня на оборотней. «Дурень! — мелькнуло в голове Лёхи. — Выбьют из седла и порвут». Видимо, волколаки думали точно также, потому как один из них прыгнул навстречу беспечному всаднику. Но когти не коснулись молодца, как и сабля не рассекла волколака. Вместо этого главарь отряда умудрился в трясущемся седле сотворить ударную магию, которая сбила чудище прямо в воздухе, и прижало его к земле. Тут уже все конники устремились в атаку, вдохновлённые храбростью и силушкой предводителя.

— Идём и мы, — выдохнул Олег.

За несколько секунд все перемешались в ожесточённой схватке. Всадники рубили сверху вниз по волколакам. Те, в свою очередь, стаскивали или сбивали седоков. Пара воинов вообще не смогла вступить в бой из-за того, что взбрыкнулись их кони, поражённые природным страхом перед волками. Оранжевым всполохом мелькал топор Олега. Ирина уклонялась от когтей столь своевременно и ловко, что любой боксёр позавидовал бы, а потом контратаковала, превращаясь в ураган из серии ударов.

Увлекаемый бесстрашным напором как соратников, так и предводителя всадников, Лёха храбро пошёл вперёд, выставив магический клинок. Однако весь первоначальный запал разом улетучился, как только перед юношей вырос окровавленный с ног до головы волколак. Лёха был бы рад отступить, для вида помахав руками и покричав, — типа, побился вместе со всеми — но чудище заметило его и восприняло как нового полноценного противника. Отбросив спешенного воина, этот оборотень двинулся на юношу. И ударил. Лёха отпрыгнул назад и отмахнулся клинком. Волшебное лезвие столкнулось с лапой волколака и с лёгкостью рассекло её на две части. Чудовище будто не заметило раны и вновь попёрло на юношу. Прежде чем противники сошлись повторно, в сражение вмешалась новая сила.

Хоть погода выдалась безоблачной, прогремел гром. Молнии прорезали воздух над головами, изогнулись дугой и ударили по тройке волколаков. Они сразу пали замертво. Другого оборотня зарубили Олег и всадники. Только один монстр остался — тот самый, с которым схлестнулся Лёха. Поняв, что все сородичи пали, раненый волколак сиганул на край перекрёстка, и скрылся среди зарослей.

— Ушёл, ирод! — крикнул предводитель всадников. — Да след кровавый за ним тянется. Надобно нагнать и добить тварь!

— Не надобно, — послышался голос, обладатель которого, судя по тону, привык повелевать. — У нас есть тяжело раненые. Позаботиться о них — вот наш долг прежде всего.

К месту боя на коне подъехал мужчина с длинной опрятной бородой, и одетый в богатый охабень.

— Кто ты, почтенный? — Олег слегка поклонился, понимая, что перед ним знатный человек.

По его руке до сих пробегали синие разряды — остатки силы после громового заклятья.

— Боярин, — холодно, но без надменности ответил мужчина. — Покровительствую здешним землям. Звать меня Воротинский Михаил Андреевич.

Глава 12 — Отшельники

«Сам Воротинский Михаил Андреевич! — Олег повторно поклонился и ниже, чем и первый раз. — Эко его понесло сейчас в Залесное?»

Лёха находился чуть в стороне и почти не слышал диалога боярина и Олега. Зато успел завести собственный разговор с предводителем всадников, который стоял у трупы своего коня, сражённого когтями.

— Ну ты задал им, а! — весело сказал Лёха, чей боевой кураж не только не остыл, а ещё больше вскипел, смешавшись с победной эйфорией. — И силой обладаешь! Как ты бахнул того волчару и прижал к земле. Красава! Ух, не успеи вы вовремя, была б нам крышка... Кстати, звать меня Лёха! А тебя?..

Он панибратски хлопнул парня по плечу.

— Обожди чуть, пожалуйста, — в тон Лёхе сказал предводитель всадников, оглядываясь, — У вас никто не ранен?

— Да нет, вроде. Все целёхонькие, только чуть одежду подпортили, — хохотнул Лёха.

— Надо же... А у нас один пал и трое раненых. Ефрем, помоги Ивану, ему всю ногу разодрали. Отец!

Парень повернулся к Михаилу Андреевичу.

— Отец, надобно погоню послать за тем волком, пока далеко не убёг! Позволь мне взять кого-нибудь, чтоб добить чудище!

— Не стоит, сын, — откликнулся боярин. — Малым отрядом волколака не нагоните, потому как он наверняка знает сей лес как свою пятерню. Тут надобно много загонщиков али борцов с нечистью звать. Лучше позаботься о раненых.

— Ой, как неловко получилось, — смутился Лёха, переминаясь с ноги на ногу. — Получается, я так некрасиво с боярским сыном говорю. Простите Бога ради.

— Да брось, не кланяйся! — широко улыбнулся предводитель всадников, в свою очередь, хлопнув Лёху по спине. — Звать меня Захаром. Будем знакомы!

Трупы волколаков заволокло дымкой, а когда она рассеялась, взорам открылись бездыханные и обнажённые человеческие тела. Только сейчас, когда показались многочисленные порезы, синяки и ожоги, что покрывали кожу, становилось понятно, сколь много ран получили волколаки. Среди мертвецов была и назвавшаяся волчьей царицей. Глядя на неё, Лёха до сих пор не мог поверить, что такое прекрасное создание всего несколько минут назад было чудовищем, способным кровожадно разрывать на куски людей.

— А вы не обделены силой, раз выстояли супротив стаи оборотней, — отметил Михаил Андреевич.

— Времена нынче непростые, — пожал плечами Олег. — Ежели путешествуешь далече, то надобно уметь постоять за себя. Но только на себя рассчитывать нельзя, слава Богу, что послал вас на помощь!

— А кем будете и куда путь держите? — поинтересовался боярин.

— Странствуем мы, поклоняемся у разных святынь. Вот, теперь, с позволения Господня, в Нижегородский уезд пришли.

— Добро. Раз так, зову в Залесное, куда сам нынче еду. У нас там тоже есть, чему поклониться — мощи святого Амвросия. Место найдётся, там обоз сейчас подъедет. Мы как услышали вой чудищ, так пришпорили коней и телеги оставили, дабы на помощь вам успеть.

Предоставим и пищу, и кров, и никому в обиду не дадим моих гостей.

— Вот здорово, Захар! — забывшись, Лёха обрадовался, что вместо пешего хода можно прокатиться на повозке. — Батюшка твой в гости зовёт.

— Ага. Можно и выпить вместе, ежели вы на себя никакого обета не брали, — подмигнул Захар.

— Да ты что, я только з... ай!

Оказывается, Ирина всё это время стояла позади, и сейчас незаметно ткнула локтем не в меру разошедшегося болтуна. Вдобавок, как мастер боевых искусств, попала в болевую точку, и послала туда магический импульс. Лёха только чуть дёрнулся, но тело на пару секунд парализовало, а из головы вылетели все мысли.

— Обета, запрещающего выпивку, нет, — продолжил Олег. — Однако ж есть у нас договорённость весь путь преодолевать шагом, как сие делал Господь наш Христос, когда нёс людям спасительное слово. Так и мы решили ступать как бедняки, дабы сносить все тягости пути — таков наш крест! А помолиться у мощей святого непременно заглянем.

— Хм, что ж, воля ваша, — сказал Михаил Андреевич. — Токмо помните, что один волколак убёг и ещё может рыскать поблизости. Нам потребуется время, чтоб сыскать его и добить. Берегитесь!

— Ничего, Господь сбережёт нас.

Подъехал обоз. Боярские слуги перевязывали раненых и грузили на телеги трупы волколаков. Лёха всё никак не мог наговориться с Захаром, почуяв в нём что-то родственное, быть может, потому, что давно не общался с парнями-сверстниками. К тому же сын Михаила Андреевича охотно и непосредственно поддерживал разговор, ничуть не выпячивая своё знатное происхождение. Но болтали под присмотром Ирины, которая всё также молчаливой тенью затаилась позади Лёхи. Вроде стоит она за спиной смиренно и тихо, как полагается монахине и вообще бабе, однако пришелец из иного мира не мог отделаться от скверного ощущения, будто за ним пристально следит гадюка, что готова больно куснуть за одно неосторожное полуслово.

Борцам дали новую верхнюю одежду взамен испорченной волколаками, и тогда, наконец, боярский обоз тронулся дальше. Обождав, когда он скроется из виду, троица пошла следом. И через полчаса свернула на тропку, ведущую к пещерам отшельников.

— Круто они уделали волков, — сказал Лёха, пригибаясь, чтобы не задевать низкие ветви. — Что сын, что папаша со своими молниями.

— Не забывайся, — отозвался впереди идущий Олег. — Хучь последнему волколаку подпалили хвост, он всё ещё бродит где-то. Да тут и без волколаков нечисти хватает, как говаривала Весняна.

— Мне больше любопытно, чего это боярин вдруг в Залесное явился, — произнесла Ирина.

— Да, любопытно, — ответил Олег. — И ведь никто из осведомителей не предупредил об этом. Стало быть, Воротинский отправился внезапно али скрывал от многих своё намерение. Чует моё сердце, что неспроста он сюда наведалься. Хорошо, что Евдокия уже в Залесном и наверняка проследит за делами боярина, там глаз да глаз надобен.

Тропа, по которой шагала троица, хоть была узкой и заросшей, но не звериной, по ней изредка хаживали люди. А если точнее, то кто-нибудь из церковников или мирян раз в неделю приносил пещерным старцам запасы пищи. Под охраной стрельцов, конечно же, учитывая, сколько голодных тварей шастает в здешних лесах.

Вот и сейчас одна из них кралась вдоль тропки, присматриваясь к людям, что по глупости и беспечности осмелились сунуться в пущу втроём. Чудовище оценило каждого из компании: здоровенный мужик, топающий во главе, выглядит матёрым, лучше с таким не связываться; второй мягко шагает девица — с виду хрупкая, однако сокрыта в её плавных движениях будто неуловимая угроза и полное владение телом, ибо ни листика, ни травинки не задевает, проскальзывая через заросли как рыбка. Нет, лучше девку не трогать. Нечеловеческий взгляд сосредоточился на парне. А вот этот раздолбай пойдёт на закуску в самый раз! Видно, что лес ему непривычен, да ещё бредёт последним — удобно схватить и утащить в заросли. Определившись, монстр невидимкой пополз вдоль тропы, постепенно нагоняя троицу. Вот уже юноша совсем рядом, достаточно только протянуть лапы к его тонкой шее, обхватить её скрюченными пальцами и...

— Бу!

— Ай!

На сей раз Лёха опередил русалку, резко развернувшись со скорченной гримасой.

— Ишь ты! — ухмыльнулась Весняна, показав острые зубы. — Головастик наш в лягушку превращается. Уже так просто не слопаешь.

— Ну и сравнения у тебя, — Лёха тоже показал зубы. — А признайся, получилось ведь напугать тебя, когда я развернулся, а? Ну, не отбрыкивайся, по глазам видел, что напугалась.

— Русалку так просто не напугать, человеке, — босоногая Весняна ступила на тропу.

— Игры свои прекращайте, — нахмурилась Ирина. — Мы сюда не ради баловства пришли.

— Не волнуйся, святоша, вокруг всё спокойно, — русалка по-озорному посматривала на монахиню из-за Лёхиного плеча. — Нечисти нет, кроме меня. Так чего бы и не повеселиться?

Ирина открыла рот, чтобы высказать что-то, несомненно, осуждающее, но Олег опередил:

— Раз всё спокойно, то продолжаем путь. До пещер ведь недалеко осталось, да, Весняна?.. А волколака раненого не замечала поблизости? Нет?.. Хорошо, ступаем дальше.

Упоминание Олегом волколака вызвало вопросы уже со стороны Весняны, так что пришлось рассказать о сражении на перекрёстке.

— Ох, мой богатырь, ты бился та-ак храбро! — Весняна положила невесть почему влажные пальцы на шею Лёхи, заставив его вздрогнуть и смутиться.

Ирина при этом бросила короткий взгляд назад и хоть юноша не успел заметить выражения её лица, он был уверен, что добром оно не светилось.

— Чудненько, — задумчиво промолвила Весняна, когда Олег закончил рассказ. — Я ранее не слыхивала, чтоб волколаки такой стаей собирались. И что их вынудило охотиться вместе? Так тяжело жилось и отовсюду гнали, что потребовалось кучковаться? Али ещё что?..

Группа вышла на поляну, на противоположном краю которой круто возвышался холм. А на нём там и сям темнели узкие зевы пещер. По земляным лестницам и натоптанным у входов площадкам было заметно, какие именно кельи пУстыни заселены. Кроме борцов на поляне не было ни души.

— Весняна, подожди у краешка, — попросил Олег. — Едва ли отшельники обрадуются появлению русалки.

— Как знать, — невинно пропела Весняна. — Когда от лета до лета сидишь в землянке, да видишь токмо бородатые лица братьев, то может статься, что наоборот возрадуешься от

вида очаровательной русалки... Но как пожелаете, не буде вводить во искушение сподвижников.

— Что ж, потоптали узнаем у отшельников, замечали ли они чего странного за последнее время, — сказал Олег.

Первой он выбрал самую нижнюю пещеру.

— Ау, есть кто? Можно войти?

Тишина. Потоптавшись немного у входа, борцы вошли в пещеру. Она оказалась неглубокой, пройдя несколько метров упёрлись даже не в дверь, а во что-то вроде плетня, увешенного тряпками — защита от сквозняка и диких зверей. Олег постучал по деревяшке и повторил вопросы. Вновь ответило безмолвие. Тогда Олег отодвинул плетень, и борцы вошли в тесную келью. Ирина зажгла магический огонёк, чтобы разогнать темноту. Келья пустовала, но не выглядела заброшенной: в углу иконки покоятся на уступах, на импровизированном земляном столике лучина и свечка; лежанка накрыта плащом.

— Наверное, вышел отшельник, — высказал очевидное предположение Лёха. — Ну, мало ли дел снаружи, может, бытовуха какая.

Заглянули в соседнюю пещеру. Здесь в келье царили всё те же тьма и тишина. Однако борцы обнаружили отшельника, который просто сидел с закрытыми глазами и ни на что не обращал внимания. Незваных гостей не удостоил взглядом и даже не шелохнулся, чтобы хоть показать, что заметил посетителей.

— Здрав буде, божий человек, — промолвил Олег.

Длиннобородый старец не ответил. Было заметно только, что под седыми усами чуть шевелятся губы.

— Молится, — шепнула Ирина. — Обождём немного, тревожить не будем.

— Нет, не молится, — сказал Олег после короткой паузы. — Я разбираю часть речи. На молитву непохоже. Станный набор слов. Юродивый?.. Ладно, заглянем ещё куда.

Едва Олег сделал шаг к выходу, как Ирина схватилась его и Лёху за рукава и дёрнула. В ответ на вопросительные взгляды монахиня кивнула в сторону земляного столика.

— И что там? — недоумевал Лёха?

Ирина медленно протянула руку, взяла лежащую лицевой стороной вниз иконку, и поставила её как полагается. Только тогда Лёха заметил, что все иконы сложены аналогичным образом. От этой странности у юноши заходили мурашки по телу, хотя он не мог сказать, что именно его напугало. Захотел поскорее выскочить наружу, где свежий воздух и солнечный свет. Когда Ирина поставила иконки, борцы покинули келью, чтобы посетить следующую.

В третьей пещере нашёлся отшельник, идущий на контакт, но совсем не на тот, что ожидался.

— А-а, изыди вон, сатана! Изыди! — заорал старик, вжимаясь в угол и семеня ногами так, словно пытался заползти на стену. — Пришли за мной, за мной пришли!

— Тихо-тихо, успокойся старче! — примирительно поднял руки Олег. — Кто за тобой пришёл?

— Забрать пришли, антихристы! Нет, не, не прикасайтесь ко мне, а-а! Не дамся на закляние!.. Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет... Оставьте, оставьте мя!.. «Если пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что». Прочь, прочь от меня, окаянные!.. «Боже мой! Для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения слова вопля моего». Не дамся на закляние, ироды!..

Любые заверения и уговоры не утихомиривали старика. Тогда вместо воззваний к разуму Ирина сотворила успокаивающее заклятье. Кричать отшельник перестал, но всё также наотрез отказывался говорить с посетителями, и всё также непрестанно бормотал о том, что его хотят забрать.

— Чё делать будем? — Лёха ковырялся в ухе, заглушённом воплями старика. — Что, если все здесь, как ты говоришь, юридивые?

— К юродству сие не относится, — покачала головой Ирина, следя за трясущимся отшельником.

— Топаем дальше, — решил Олег.

В четвёртой келье отшельник подобно другому духовному собрату никак не реагировал на борцов. Но и не бормотал молитв или бессмыслицы. Просто неподвижно сидел, пряча лицо под низко накинутым капюшоном, так что лишь бороду и нос видно. Однако на сей раз куда больше внимание гостей привлёк столик, освещаемый магическим огоньком Ирины. Как и должно, стояли там иконки. Только вид они имели весьма потрёпанный: исцарапанные, испачканные и гнутые, словно кто-то в порыве бесовской злобы бросал их на пол и топтал.

Насмотревшись на осквернённые иконы, Ирина схватила капюшон, и сорвала его с отшельника. Тогда старик резко задрал голову, открыл веки и вперил в монахиню взгляд. Целиком чёрных глаз.

Прежде чем кто-то из борцов опомнился, отшельник запрокинул голову так, что затылком прижался к спине, словно шея была сломана. Борода вздыбилась, как если бы её поддувало снизу мощным ветром. Длинная прорезь появилась под кадыком, будто некто полоснул невидимым лезвием. В следующий миг рана на шее открылась, и стало понятно, что никакая это не прорезь, а широченная пасть, усеянная зубами. Из-под власяницы показались многочисленные щупальца, одни из которых усеяны присосками, а другие — когтями.

Чудовище прыгнуло на борцов прежде, чем Олег успел выхватить топор. Да что там, даже потянуться к нему времени не было, как не хватало и пространства в келье, чтобы отпрянуть или увернуться от щупалец. Ирина замолотила руками по монстру, Олег же схватил его за грудки и пустил к ладоням магический пал, прожигая кожу твари. Замахал волшебным клинком Лёха, рубя щупальца и кромсая «отшельника».

Отбрасывая тени, колебался и мерцал магический светоч Ирины, словно огонёк свечи от ветра. Иногда на несколько мгновений он почти затухал, так что келья погружалась во мрак. В такие моменты Лёха старался — несмотря на охвативший его ужас — рубить особенно осторожно, чтобы ненароком не задеть соратников.

Вскоре у ног борцов валялись только изрубленные и обожжённые потроха — всё, что осталось от монстра.

— Лять! — выпалил Лёха. — Это что ещё за нахер?! Другие деды, которых видели, они тут что, все такие же?..

— Не похоже, — сказал Олег. — Как бы то ни было, оставлять эту тварь в сем виде нельзя. Надобно притащить хворост и сжечь останки. Прям в келье.

Вышли под открытое небо.

— Ирина? — взволновался Олег, видя, что монахиня чуть пошатывается. — Ты здорова?

— Мелочь, — отмахнулась девушка. — Всё со мной ладно.

Сделав ещё пару неверных шагов, Ирина свалилась как подкошенная. Олег и Лёха

подбежали к девушке, и склонились над ней. Монахиня пребывала в сознании, однако побледнела как смерть.

— Даша, что случилось? — дрожащим голосом спросил Лёха.

— Н-не называй м-меня так, — выдохнула Ирина, с трудом удерживая глаза открытыми.

— Вот что случилось, — Олег кивнул на живот.

Там одежда была прорезана и пропитана кровью, которая расплзлась по ткани круглым пятном. Демонический отшельник сумел когтистым щупальцем полоснуть монахиню.

— Священные воды! — Весняна подбежала к троице. — Неужто святошу задело? Ой-ой!

— Мелочь, — слабеющим голосом выдохнула Ирина. — Сейчас встану.

— Не шевелись, лежи спокойно. Надобно взглянуть на рану, — сказал Олег и потянулся за своим нож.

Но когда мужчина стиснул окровавленную ткань и приготовился резать её, Ирина закрыла рану дрожащей ладонью.

— Не положено... монахине... так смотреться, — даже в столь опасном положении девушку заботили обеты и благообразность.

— Нашла, о чём переживать! — негодовал Лёха. — Беззастенчиво врала в Залесном, а тут вдруг заботишься, что по необходимости надо чуть кожу показать. Фигня какая!

Олег начал аккуратно резать ткань.

— Смотри, Иринушка, сие совсем не страшно! Хочешь, тоже так сделаю, чтоб тебе в одиночку не смущаться? — Весняна задрала рубаху, обнажив свой живот. — Видишь? Ничего сложного! Ты держись, агнец, а то иначе кто ж меня, окаянную, обличать буде?..

Пока русалка забалтывала монахиню, удерживая её рассеянное внимание, Олег срезал достаточно одежды, чтобы получше разглядеть рану. На животе с выступающими кубиками пресса зиял порез, из которого толчками выбивалась кровь.

— Я-я... могла бы... п-пробовать... исцелить.

— Не смей! Нельзя тебе напрягаться и силы тратить, — Олег ковырялся в сумке. — Надо отваром залить и перевязать... Так, Алёшка! Вместе с Весняной сделай носилки, как тебя учили — из веток и одежды.

Олег стянул с себя зипун и бросил юноше. Он взял топорик, и побежал искать достаточно длинные и крепкие ветви, что будут пригодными как каркас носилок.

— Веснян, ты мне скажи, как она? — спросил Лёха, когда нашёл подходящую ветвь.

— Порезало неглубоко, — русалка повисла на ветке, чтобы юноше было легче рубить её. — И всё ж скверно дело. Там непростая рана, но с ядом. Что за зверь на вас напал в пещере?.. Хм, не знаю, не слыхивала о таком чудище. Ну, что сказать... Час точно выдюжит, а потом уж как боженька ваш решит.

Лёха взялся остервенело рубить ветку. К тому моменту, когда носилки были готовы, Олег обработал и перевязал рану, а ещё дал Ирине целительное снадобье, что должно замедлить яд.

— Весняна, посматривай по сторонам, пока идти буде, — попросил Олег, когда монахиню уложили на носилки. — Лёшка, готов? Взяли!

О первоначальном замысле сжечь тело монстра никто не вспоминал.

«И куда мы потащим её? — гадал Лёха. — Ну, выйдем на дорогу, а что дальше? В Залесное вроде как нежелательно. А другие места далеко. Если только кто на повозке попадётся и подвезёт... Блин, руки уже затекают. Только бы не уронить. Олегу-то легко тащит, он вон какой мощный. Дерьмо! Какого хрена я ною? Дотащу ради Ирины хоть куда!»

Они не прошли и полпути, как их остановила Весняна.

— По тропке навстречу ступает отряд из шестерых человек, — с серьёзным видом доложила русалка. — Скоро будут здесь. Все с саблями наголо, а кто-то с мушкетами. Главаря отряда видно сразу — одет богатенько.

— Аргх, проклятье, — не опуская носилок, Олег бросил взгляд на тихо стонущую Ирину. — Только этого ещё не хватало.

— Да, непонятно, чего ждать от них, — добавил Лёха. — И с носилками бесследно не спрячемся.

— Весняна, затаись и смотри за отрядом, — решил Олег. — Мы пойдём к нему. Ежели заметишь, что кто-то из них соберётся напасть или я сам дам знак — бей их со спины! А вот мой жест для удара. Поняла?

Подмигнув, русалка растворилась среди зарослей. Олег и Лёха опустили носилки, и встали чуть впереди, загораживая беззащитную Ирину. Юноша был полон решимости не только скорее доставить монахиню в безопасное место, где смогут помочь, но и настроился защищать её любой ценой: «Кто бы там не угрожал — рассеку на пополам! Хоть оборотня, хоть целую рать!»

Вооружённый отряд не заставил себя долго ждать. Только завидев его главу, Лёха открыл рот от удивления. Впереди шёл Захар — сын боярина Воротинского Михаила Андреевича. И, казалось, он искренне удивлён видом борцов ничуть не меньше.

— А вы что здесь делаете? — спросил Захар голосом, в котором не слышалось враждебных или подозрительных ноток.

— К затворникам пошли, — сказал Олег, следя за каждым движением боярского сына.

— Вот оно как. Не думал, что вы направились именно сюда.

— А вы? — поинтересовался Лёха.

— Ищем след сбежавшего волколака, — ответил Захар, глазом не моргнув.

Стоявшие позади боярского сына воины хоть и держали клинки обнажёнными, однако вроде не смотрелись напряжёнными, насколько мог судить Олег. И всё же его подозрительность только крепла.

— Разве раненый оборотень осмелится шастать по тропе? — спросил Олег. — Скорее, попытается зализать раны подальше от тех мест, где расхаживают люди. И, насколько помню, батюшка отговаривал тебя от поспешной охоты. Мол, загонщиков надобно больше.

— Для паломников вы неплохо разбираетесь в повадках нечисти, — улыбнулся Захар. — Но твоя правда, отец посчитал это неразумным. И всё же я не могу просто ждать, зная, что поблизости бродит озлобленный волколак. Нет, надобно добивать подранка!

«Брешет, — решил Олег, готовый в любой миг выхватить топор. — Поди папка приказал проследить за странными путниками. Может, и не только проследить, а даже прирезать при удобном случае».

— Кстати, насколько помню, вас было трое. А где?..

Захар подошёл ближе, ничуть не опасаясь Олега. Тот не сдвинулся, чтобы освободить проход, и тогда боярский сын заглянул за широкую спину.

— Господи, — ахнул Захар. — Что случилось?

— Напали на нас на полпути к пУстыни, — ответил Олег. — Девица ранена.

— Оборотень напал? — встревожился Захар. Или только изображая тревожность.

— Нет. Какая-то иная тварь. Не знаю о таковых.

— Позволь, — Захар протиснулся к носилкам.

Ирина лежала с закрытыми глазами и шептала молитвы. О присутствии боярского сына она, кажется, не догадывалась. Захар поднял саблю. Олег приготовился отпихнуть его и одновременно дать знак Весняне. Лёха уже ощущал на пальцах холодок вызванного магического клинка, но ещё пока не напоённого силой.

Однако боярский сын вовсе не собирался колоть Ирину, как почудилось борцам в первую секунду. Он поднял саблю лишь для того, чтобы вложить в ножны. А затем присел у изголовья монахини.

— Здесь ранили? — осведомился Захар. — Укус?

— Порез, — ответил Лёха.

— Мне надобно узреть рану, — сказал Захар.

— Зачем? — теперь помимо боярского сына Олегу приходилось с не самой удобной позиции следить ещё и за другими воинами.

Не дожидаясь чьего-либо разрешения Захар аккуратно сдвинул повязку. Рана больше не кровоточила.

— Отравлена, — промолвил Захар.

«Ишь ты, мигом распознал, — удивился Олег. — Ну и что дальше скажешь?»

Тратить слова попусту боярский сын не стал, а вместо этого закатал рукава, и сложил ладони над раной. Глубоко вздохнул и закрыл глаза. Между раной и руками Захара засиял золотистый свет. Сперва скудно, не ярче огонька свечи, но вскоре разгорелся так, что магические лучи заставили окружающих сощуриться. От боли Ирина скривилась, из её уст вырвался стон. Когда волшебный свет потух, на порозовевшем лице монахини появилось успокоение безмятежно спящего. Захар убрал дрожащие ладони, и все узрели, что края раны сошлись так, будто их удерживали невидимые нити.

— Я остановил яд и укрепил тело, — сказал Захар усталым голосом.

«Сильные чары исцеления, — оценил Олег. — Боярский сын весьма одарён».

— Спасибо, — искреннее поблагодарил Лёха.

— Но этого мало, — покачал головой Захар. — Зараза токмо временно прекратила распространяться. Девиче всё ещё поскорее надобна лекарская помощь.

— Так что ж делать? — спросил Лёха.

— Гадать тут нечего, — уверенно произнёс Захар, поднимаясь. — В Залесное её нести. Других мест лучше поблизости нет.

— Хм-м, — Олег и Лёха озадаченно переглянулись.

— Токмо не рассказывайте мне про обеты и тому подобное, — отмахнулся Захар. — Дескать, все тягости пути буде сносить как свой крест и посему помощь дальнейшую отвергаете. Слышать сего не хочу. Девиче помощь требуется, и я не позволю ей помереть.

Олег молчал с задумчивым видом, конечно же помня, что все они уже раз засветились в Залесном, и при повторном посещении без маскировки их могут узнать. С другой стороны, никаких иных путей спасения Ирины глава борцов измыслить не мог, да ещё под благовидным отказом для Захара.

— А ну-ка, молодцы, берите вчетвером, — приказал боярский сын своим людям, не считая нужным дожидаться чьего-либо согласия.

Он и Лёха нехотя отступили, и воины бодро подхватили носилки. Пришлось скорым шагом топтать в Залесное вместе с отрядом Захара.

В пути он предсказуемо спрашивал о монстре, напавшем на Ирину. Олег отвечал расплывчато, упирая на то, что всё произошло внезапно и в суматохе было трудно разглядеть тварь. Ещё раз подчеркнул, что до отшельников даже не добрались.

— Эх, скажу честно, стыдно мне! — схватился за шапку Захар. — Стыдно, что с добрыми людьми на земле, что находится под покровительством батюшки моего, такие непотребства творятся! Что дважды за день нечисть нападает на посвятивших себя божьему

делу! Вроде и бьём её в хвост и в гриву, а всё равно лезет. Сюда бы людей из Церковной службы борцов с нечистью, да батюшка пока думает своими силами справляться...

«Издаётся, собачий сын, — теперь помимо недоверия Олег испытал к Захару ещё и неприязнь. — И ведь заливает как, прям будто из сердца слова исходят! Поди уже догадываешься, что пред тобой осведомители из борцов. И мыслишь, как бы спровадить их без подозрений али вовсе похоронить в лесу».

Боярский сын пробовал разболтать Лёху, и тот отвечал, однако теперь с большей осторожностью подбирая слова, чтобы не сказануть лишнего.

Уже смеркалось, когда добрались до поселения. К сожалению для Лёхи и Олега, прячущих лица за капюшонами, как можно тише в Залесное заехать не получилось. Всё-таки сын боярина прибыл, да ещё девку какую-то приволокли! Целое событие для народа, который бросал дела, чтобы поглазеть на шествие. Вдобавок как назло безумец Василий увязался следом, похоже, вообразив себя частью крестного хода — пытался торжественно шагать и читать молитвы, хотя с губ слетала полная околесица. Так отряд добрался до церкви.

«Только бы отец Лука не попался, — надеялись Олег и Лёха, когда Ирину доставили в дом для паломников».

Девушку перенесли на лежанку, и вместе с Захаром около раненой засуетилась пара лекарей. Они поили Ирину какими-то снадобьями и накладывали исцеляющие заклятья. Олег сидел на лавке подобно мрачному каменному изваянию, а встревоженный Лёха как заведённый бродил от стены к стене. Но резко замер словно пригвождённый, когда в комнату вошёл боярин Воротинский Михаил Андреевич. Вместе с отцом Лукой.

— Какая досада! — сокрушался боярин, будто посылая Олегу упрёк. — Говорил же вам, что надобно вместе идти. Тогда бы в беду не попали.

— Твоя правда, — кивал Олег. — Но должно нам стойко сносить все испытания, что посылает Господь.

— Ну, хорошо хоть, что девица жива. Лекари говорят, что отраву обезвредили. Скоро голубка в себя придёт.

Пока он на разный манер повторяли одно и то же, отец Лука подошёл к лежанке и всматривался в лицо Ирины.

«Лишь бы не узнал! — мысленно вопил Лёха».

«Как пить дать, узнает, — Олег продолжал непринуждённую беседу с боярином, косясь на священника».

— Ладно, час поздний, вы два нападения выдержали за сегодня, и поди отдохнуть желаете. Сейчас покажут вам, где переночевать, — сказал Михаил Андреевич, поворачиваясь к выходу.

— Мы уж здесь покукуем, — поклонился Олег. — Спасибо вам от всей души за то, что исцелили девицу. Но сердце болит за неё, побудем рядом с ней, молитвы вознося за здоровье.

— Воля ваша, — согласился Михаил Андреевич. — Токмо не трогайте и не беспокойте больную.

Отец Лука осенил Ирину крестным знаменем, и вышел вслед за боярином и Захаром. Через несколько минут комнату покинули лекари.

Только тогда Ирина открыла глаза и присела без видимых усилий.

— Ты в порядке, — обрадовался Лёха, — в сознании.

Обрадовался и Олег, но сразу опомнился и приложил палец к губам, давая соратникам

знак впредь говорить исключительно шёпотом на случай, если кто-то затаился у двери или ещё где снаружи и подслушивает.

— Пришла в себя ещё на дороге в Залесное, — сказала Ирина, морщась. — Побаливает. Но не суть. Надобно сваливать отсюда, а то совсем кринж — так, кажется, ты говоришь?

Она чуть насмешливо взглянула на Лёху.

— Ого, не только я учусь у вас людской речи, — улыбнулся он. — Подожди ещё, и не таких словечек нахватаешься от меня.

«Надо же, она способна шутить. Всё же не ангел небесный, просачивается сквозь набожность что-то мирское, — усмешка сошла с лица юноши. — Жаль только, что шутить изволишь в дурной ситуации, когда смеяться совсем не хочется».

— Согласен, — Олег оценивающе присматривался к движениям монахини. — Я про то, что надобно выбираться из Залесного. Подняться сможешь?

— Куда ж денусь...

Ирина опустила ноги на пол, аккуратно привстала, но пошатнулась, так что Лёха и Олег с готовностью дёрнулись к ней с протянутыми руками. Стоять монахиня могла, вот только шаги давались ей нелегко, не говоря уже о чём-то большем — если предстоит драться.

— Уверены, что надо вот так сразу бежать? — засомневался юноша, воображая, насколько сложно уходить с раненой девушкой, тем более скрытно, пускай даже она отличается завидной стойкостью. — Всё же Ирину исцелили, вроде относятся к нам гостеприимно, намёков на враждебность нет. Быть может, пронесло и поп её не узнал?

— Дай Бог, чтобы твои догадки оказались правдивыми, а мы — ошиблись, — промолвил Олег. — Однако не верится мне, что боярский сын наткнулся на нас случайно. Да, сейчас Ирине помогли, но сие не значит, что все дальнейшие поступки будут благими. Стоит готовиться к худшему и мыслить, что нас уличили и считают угрозой. Помогли... хм, не удивлюсь, ежели происходящее здесь как-то связано с пропажей отшельников или их обращением в чудовищ. Посему надобно уходить, не дожидаясь рассвета.

Олег погасил лучину, подошёл к одному из окон, едва-едва приоткрыл ставни, и теперь всматривался в ночь сквозь узкую щель.

— Получается, миссия провалена, — развёл руками Лёха. — Если мы благополучно слиняем, то так точно распишемся перед местными властями, что шпионили. И впредь в Залесном будут внимательнее к приезжим, уже не последишь. А всех ответов по поводу загадочной силы в церкви мы так и не получили.

— Хватит и того, что нечисть неведомым образом поразила пустынь, — пояснил Олег. — Сего знания уже достаточно, дабы открыто прислать сюда и стрельцов, и другие отряды борцов с нечистью. Тогда вместе с отшельниками хорошенько перетрясут и всё Залесное. Невзирая на возражения боярина, ежели осмелится перечить. И надобно, чтобы с полным правом расследования сюда явились до того, как некто успеет замести все следы, что могут указывать на злодеяния. Вот почему нам необходимо уйти без задержки: чем раньше принесём весть главам нашей службы, тем быстрее они перейдут к открытому прямому действию.

— А как же Евдокия? — взволновался Лёха.

— Ежели ты запамятовал, по замыслу Дуня в любом случае должна покинуть Залесное без нас и под утро нового дня. — сказала Ирина. — За неё не переживай, она хоть и косая сажень в плечах, а, как ни дивно, буде незаметнее нашего.

— Токмо с лицевой стороны дома кто-то маячит в темноте, — Олег закончил осмотр

через окна. — Стало быть, полезем на задний двор.

Поддерживая Ирину под руки, они подошли к окну, и Олег начал медленно и аккуратно открывать ставни, стараясь избежать скрипов. Ещё раз убедившись, что снаружи никого, он первым перелез через подоконник, затем помог перебраться монахине. И вот троица, низко пригибаясь, ковыляла от дома к дому, останавливаясь у каждого угла, дабы убедиться, что путь впереди чист, а позади — нет слежки.

«Раньше я желал вот так свободно прикасаться к тебе, прижиматься, приобнимать, — подумалось Лёхе, пока он стискивал руку Ирины, лежащую на его плече, и поддерживал её за талию. Точно так же с другого бока помогал Олег. — Но когда это случилось, отчаянно желаю, чтобы ты ходила самостоятельно, не нуждаясь в опоре на меня, ведь тогда мы могли бы быстрее свалить из этого стрёмного села. Как иронична и несправедлива судьба...»

Они были близки к окраине Залесного, когда изменилось освещение, хотя перемена эта была столь плавной, что поначалу Лёха, сосредоточенный на множестве иных мелочей, её не заметил. Вот вроде ночь, темень всюду, и полагается ей тянуться ещё долгие часы, пока рассвет не начнёт окрашивать небо в зеленоватые тона. Однако сейчас будто наступили сумерки, стало светлее, правда, видимость сохранялась только на несколько десятков метров. А за чертой зримого полумрак словно сгущался, походя на тёмно-серый туман, что закрывал обзор не только у земли, но и смыкался над головами столь же непроглядным куполом, в котором тонуло мерцание звёзд и Луны.

Троица продолжала идти, надеясь, что причудливый морок развеется, как только окраинные дома останутся позади. Но одни избы поглощал туманный сумрак, впереди появлялись другие, чтобы через полминуты тоже затеряться в пелене, а улица всё тянулась и тянулась.

— Проклятье, мы уже должны оказаться на проселище, — Олег остановился и завертел головой. — Нас будто по кругу водит.

Всюду тишина, словно неестественный сумрак пожирал многие звуки, будь то шелест ветра, крик ночной птицы или собачий лай. Зато в мёртвом безмолвии борцы до дрожи отчётливо слышали своё прерывистое дыхание.

— Так и куда дальше двигать? — беспокойно топтался Лёха. — Блин, я уже даже не помню, с какой стороны мы топали!.. Эй, а там ещё что?..

На фоне тумана троица разглядела человеческий силуэт. Неподвижный, так что Лёха через несколько секунд решил, что это пугало огородное или ещё какой столб с тряпкой, а мгла, искажающая очертания, лишь придала неодушевлённому предмету сходство с людской фигурой. Но сумрак отодвинулся подобно морской волне после наката на берег. Больше не возникало сомнений, что впереди именно человек: женщина в переднике и с платком на голове. Борцы переглянулись, не зная, как действовать дальше. Пройти мимо как ни в чём не бывало? Тоже стоять и молча смотреть? Хвататься за оружие?

— Эй, прости! — окликнул Олег хриплым голосом, изображая пьяного. — Эта, значит, подвыпили на постоялом... и заплутали! Торговцы мы. Из местных будешь, а? Скажи, где двор-то постоялый, в какой стороне?

Женщина не ответила. И не шелохнулась, хотя Лёха пристально и не моргая наблюдал за ней. Через несколько вдохов и выдохов томительного ожидания женщина упала на четвереньки подобно зверю. И беззвучно побежала на троицу.

Глава 14 — Жертвенник

Если бы она рычала или вопила, корчила злобную гримасу, то её нападение не выглядело бы столь пугающе. Но женщина бежала как волк, молча и с неизменно равнодушным выражением лица, а её передвижения смотрелись будто механически, как у робота, и почему-то именно такая безмолвная целеустремлённость куда больше страшила Лёху. Олег спихнул монахиню на юношу и вцепился в топор. Однако Ирина не осталась висеть на Лёхе; наоборот, она отстранилась и, невзирая на рану, приняла неустойчивое подобие боевой стойки.

Подбежав к троице, женщина прыгнула, вытянув руки. И натолкнулась на прямой удар ногой — Олег держал топор наготове, но пока ограничился мощным пинком. Баба отлетела на пару метров, и беспорядочно покатилась по земле. Попади обычный человек под такой встречный удар, — нанесённый противником, раза в два превосходящим по массе, в довесок усугублённый неконтролируемым падением — корчился бы в мучениях. Но женщина сразу поднялась на четвереньки, только платок слетел. Когда она прыгнула повторно, Олег больше не церемонился — попросту рассёк тело напополам.

Не успели борцы перевести дух, как в клубящемся сумраке замаячили новые силуэты. Чудовища подступались с разных сторон.

— Алексей, прикрывай Ирину, — повелел Олег.

— Есть! — твёрдо ответил Лёха, будто ощутив большую ответственность из-за того, что к нему не обратились как обычно — уменьшительно-ласкательным.

— Я буду зачищать путь, — добавил Олег. — А ты, Ирина, береги себя, на рожон не лезь. Не время для мученической смерти. За мной!

Он неторопливо пошёл вперёд, а монахиня и Лёха — следом, надеясь, что почти звериная чуткость Олега поведёт в правильном направлении.

И он же первым сцепился с чудовищем, чей вид Лёха затруднялся описать: какая-то пульсирующая мешанина с щупальцами и лапами, как у насекомых. Раскалённое лезвие топора ярко мелькнуло в серой пелене, и то ли чудовище зашипело, то ли вскипевшие от жара жидкости его рассечённого тела. Недолго довелось наблюдать, как Олег прорубается:

— Берегись! — Ирина указала Лёхе на приблизившегося врага.

Облик он имел человеческий, но, как и та баба, двигался не по-людски: настолько широко расставив руки и ноги, что пузо влачилось по земле; таким манером мужчина бодро подползал сбоку словно огромная ящерица. Атаковал он как и товарка до этого — лихим прыжком. Если в своей первой схватке с зомби в лесу Лёха колебался, видя перед собой человека и потому не решаясь наносить удар, то теперь рука не дрогнула. Отступив в сторону, юноша размашистым движением рубанул по нападающему. Синим сверкнул магический клинок. Тело и отделённая от него голова упали под ноги, только в последней ещё несколько секунд сохранялась жизнь или её подобие: клацали зубы и вращались выпученные глаза. Но особо не было времени размышлять, почему моторика до сих сохраняется: виной тому посмертные спазмы или же бесовская сила? Взамен убитой твари с другого фланга подступала новая.

Лёха пустил в ход весь арсенал приёмов, отработанных на тренировках. Иногда пришелец уклонялся и контратаковал волшебным лезвием, иногда колол или резал на упреждение; отбивал удары магическим щитом, а порой использовал его как оружие, чтобы

оглушить противника или выбить из равновесия. И вскоре обнаружил, что краями щита можно рассекать врага не хуже, чем лезвием. Изредка Лёха не брезгал ударом ногой, хотя весом будучи не тяжелее семидесяти килограмм, не мог похвастаться силой. После каждого взмаха клинком на землю падало щупальце или когтистая лапа какого-нибудь чудовища, голова или внутренности из рассечённого живота. При этом юноша не мог позволить себе целиком увлечься боем, то и дело приходилось как приглядывать за Ириной, так и своевременно ступать за Олегом. Мужик прорубался сквозь тварей словно огненный вихрь, оставляя после себя скользкую дорожку из шевелящихся конечностей монстров и дымящихся обожжённых потрохов.

Широким приставным шагом Лёха ушёл с линии атаки чудовища, но совсем удара не избежал: коготь вскользь задел плечо и прорвал одежду. Это вывело из равновесия, парень пошатнулся и уже не успевал отразить повторную атаку вражины. Однако в тот момент, когда монстр занёс когтистую руку, метя в шею, сам получил в голову световой луч. Её прожгло насквозь, так что в затылке осталась здоровенная дыра.

— Спасибо, Ирина, — сказал Лёха, наблюдая, как чудовище падает замертво.

— Ты славно бьёшься, — промолвила монахиня. — Но, боюсь, сызнова подсобить тебе так не смогу — сил нет. Токмо здесь немножко помогу...

Она провела светящейся ладонью по плечу Лёхи. Только тогда он обратил внимание на жгучую боль и как влажная ткань прилипает к коже — монстр всё-таки ранил. После касания Ирины жжение поутихло.

— Береги себя, — сказала монахиня. — Движемся за Олегом.

Таким порядком продолжили прорыв, не до конца понимая, в каком именно направлении идут и где граница колдовского морока. Как не пытался Лёха держать соратников в поле зрения, а всё равно отвлекался в бою. И когда получил очередную полминуты передышки, бросил взгляд туда, где шествовал Олег, но обнаружил только сумеречный туман.

— Отстали, надо нагонять его, Ири...

Монахиня тоже исчезла.

— Где вы? — запаниковал Лёха. — Ирина! Олег!

Юноша рванулся туда, где последний раз вроде бы мелькал Олега, но чуть пробежав — остановился. Озираясь, заметил пару силуэтов, по размерам как раз схожих с монахиней и мужиком. Когда Лёха поспешил туда, то обнаружил пару монстров. К счастью, недостаточно сильных и ловких, чтобы одолеть его или надолго задержать.

— Так, спокойно, — выдохнул юноша, смотря на трупы порубленных им чудовищ. — Олег оставлял за собой тела. Целую грёбанную дорогу трупаков. Надо её найти и шагать в правильном направлении.

Теперь в своих поисках Лёха глазел не только по сторонам, но и под ноги. Но сколько бы он не бегал, высматривая следы боя, ничего не находил. Монстры тоже будто испарились.

— Здесь, — услышал юноша где-то вдалеке голос Ирины. — Сюда...

Он побежал на звук, но его источник, как ни странно, только отдалялся. А возгласы Лёхи словно вязли в сумраке. Мчась и озираясь, парень не заметил, как прямо перед носом будто выросла сгорбленная фигура. Лёха врезался в неё на полном ходу, упал на спину, а когда вскочил, то занёс магический клинок. Но только чуть дёрнув руку, чтобы рассечь врага, застыл.

Перед ним кривлялся и бормотал человек. Плохо одетый, дёрганный и грязный, но всё

же человек. Его движения были хоть и странными, однако не такими противоестественными, как у монстров в людском облиии.

— Василий? — узнал Лёха местного безумца.

— Тихе-тише, мил человек, — бормотал Василий, сложив ладони у груди в молитвенном жесте. — За мной, за мной давай.

Лёха с недоверием уставился на безумца, не торопясь опускать клинок. Но Василий при всех своих суетливых беспорядочных дёрганьях не выглядел враждебно. «Если бы под его шкурой скрывался монстр, то он слопал бы меня, пока я валялся, — рассудил юноша».

— Куда ты хочешь меня отвести? — Лёха подвёл магический клинок близко к шее Василия. — И зачем? Ты не из этих? В ловушку ведёшь?

— За мной, за мной, — твердил Василий. — А то звери придут. Спрячемся в домик!

— Ладно. Веди. Но смотри у меня. Я за тобой слежу.

«Хрень какая-то, — думал Лёха. — Как он может ориентироваться в колдовском тумане? Хватит из меня доверчивого дурака делать. То Весняна заманила, потом волчица чуть не обманула. Не-ет, хоть намёк на фигню какую вредную сделает и тогда... Не посмотрю, что человек с виду».

Они шли вдоль какой-то избы, когда Василий вдруг прижал палец к губам и вжался в стену. «И чего испугался? — Лёха опустил рядом на одно колено. — Я ничего не вижу». Парень ещё не успел закончить мысль, как мимо избы прошествовала пара людей — на четвереньках и конвульсивно дёргаясь. Затаившихся безумца и юношу они не заметили.

«А вдруг они прут на Ирину и Олега? — забеспокоился Лёха». Он схватил Василия за плечо:

— Слушай, ты не видел моих друзей? Где они?

— Спрячемся в домик! За мной, — повторял Василий.

И Лёха продолжил красться вместе с безумцем, пока тот не привёл к сараю — заброшенному, если судить по ветхому виду.

— Ты мне в этой хрени предлагаешь прятаться? — Лёха присел у порога, за которым разверзлась крошечная темнота. — Как долго? Мне к друзьям нужно, понимаешь? К друзьям.

Лёха заговорил медленно, чётко выговаривая каждое слово, как будто пытался донести смысл до непонятливого ребёнка.

— Ещё раз, ты их видел?

Юноша разочарованно встряхнул головой, когда Василий юркнул внутрь сарая. Только Лёха пожалел, что не может зажечь магический огонёк подобно Ирине, как вспомнил про свой волшебный меч. И направил в него чуть больше силы. Лезвие засияло ярче — не настолько, чтобы осветить каждый угол, но достаточно, чтобы видеть обстановку на расстоянии вытянутой руки. Водя перед собой мечом, в его синем свете Лёха обнаружил Василия около спуска в подпол.

— Так это погреб, — сказал Лёха. — Что дальше?

— Не просто погреб, — ответил Василий с неожиданной осмысленностью, что живо напомнило Лёхе про разговор с ним во сне. — То ход в храм Господень. Служба там сейчас буде.

— Храм, говоришь, — юноша смотрел, как безумец опять взялся изображать священника, помахивающего кадилом, и бормотать молитвы. — Хочешь туда привести меня?

— Нет-нет-нет! — перепугался Василий, выпучив глаза. — Сам я туда не пойду! Ни за что не пойду!

— Тише ты, болван! — Лёха попытался заткнуть ему рот. — Не истери, а то уроды услышат... Тихо, успокойся... Вот так. Подожди немножко.

Убедившись, что безумец утихомирился, Лёха спустился в погреб, и обнаружил, что в нём имеется длинный подземный проход. А когда вернулся, то опять застал Василия за стройным чтением молитв.

— Значит, типа в церковь ведёт, да? — юноша с задумчивым видом прислушался к Василию. — Меня уже в который раз удивляет, как хорошо ты читаешь. Слишком хорошо для мирянина... Ты ведь не всегда был таким болваном, да? Кем ты был до того, как умом тронулся?

Не прекращая молиться, безумец сложил руки так, будто нёс... «Хоругвь или выносной подсвечник?»

— Дьякон! — выпалил Лёха. — Дьяконом был или пономарём?

Чтение Василия зазвучало быстрее и отчётливее.

— И служил в этой церкви, — гадал Лёха. — Почему же прекратил...

Безумец смолк, сжался и задрожал всем телом.

— Неужели ты увидел там что-то такое, из-за чего тронулся умом? — Лёха перевёл взор на тьму подземного прохода.

Юношу непрерывно терзали тревоги за соратников; опасения, что монстры обнаружат его, а одна только близость загадочного подземелья, что вела в храм, в котором могло скрываться нечто ужасающее до помешательства, вселяла животный страх и желание забиться в угол вместе с Василием. С другой стороны...

Лёха вновь ступил в подземный проход, для освещения выставив перед собой клинок. При каждом осторожном шаге парень мысленно говорил себе, что только посмотрит, насколько далеко тянется коридор и что при малейшем признаке опасности вернётся назад. И с каждой повторяющейся мыслью делал новый шаг, уходя всё дальше от погреба.

Так Лёха добрёл до пещеры достаточно просторной, чтобы можно было выпрямиться и широко вытянуть руки. На первый взгляд, здесь не было чего-то примечательного, кроме спёртого зловония. Когда юноша пошёл к центру пещеры, то под ногой что-то хрустнуло, как опавшие ветви в лесу.

Посвятив вниз, Лёха с ужасом обнаружил, что наступил на грудную клетку высушенного трупа и проломил её. Парень выдернул ногу, но рёбра зацепились за носок сапога, так что тело дёрнулось за ним. Отступя и встряхиваясь, Лёха споткнулся, и упал на другой труп. При этом лицом уткнулся в череп, в глазницах которого копошились черви. Ахнув, парень вскочил, и завертелся, размахивая клинком как факелом. Оказалось, что весь пол пещеры усеян человеческими останками. Лёха приготовился бежать, страшась, что колдовская сила поднимет тела, и придётся прорубать путь сквозь кучу зомби...

Трупы никак не отреагировали на появление незваного гостя и его неуклюжее топтание. Напряжённо всматриваясь в них, Лёха заметил у многих общие черты: длинные бороды, под головами капюшоны, а костяки обтягивают ветхие власяницы.

— Пора валить...

Крадучись перешагнул останки, нашёл выход, быстро двинулся по коридору, задаваясь вопросом, как бы вырваться из магического сумрака Залесного. Однако путь привёл его не к заброшенному погребу, а в какой-то чулан.

— Как так? — смутился Лёха. — Бли-ин... У той подземки было два прохода, а я сдуру сунулся не в тот. Если верить Василию, то я в церкви...

Возвращаться через заваленную трупами пещеру не хотелось, а потому Лёха решил выбираться наружу здесь. Он бесшумно подошёл к двери, приложил ухо и прислушался. Тишина. Тогда юноша начал миллиметр за миллиметром открывать дверь, стараясь не скрипеть. За порогом тянулся коридор без окон. Пробираясь по нему, Лёха повернул за угол, и наткнулся на боковой проход, из которого вырывались оранжевые отблески. Аккуратно заглянув туда, Лёха увидел среднюю часть церковного зала.

Кажется, там никого не было, но на кандилах мерно горели свечи, создавая уютный полумрак. Во многие тяжкие моменты гонимые укрывались в храмах, как в убежищах, как в местах последней надежды. Однако здесь Лёха наоборот чувствовал себя словно в западне, так что уже и пребывание в кошмарном сумраке снаружи воспринималось предпочтительнее. «Фух, лучше не нагнеть настолько, чтобы лезть через главный вход, — рассудил юноша. — Попробую выбраться через окно. Да, где алтарь, там должны окна выходить на задний двор. Ну, как во многих церквях».

Словно домашняя мышь, Лёха прислушивался, нет ли поблизости кого, а потом перебежал от одного укрытия к другому. Сперва он спрятался за амвоном. Затем юркнул к алтарю с позолоченным ковчегом — тем самым, в котором якобы хранились мощи святого. Затаился у жертвенника, рядом с высоко расположенным окном. Достаточно только прыгнуть, ухватиться за карниз и...

Со стороны притвора послышался ритмичный стук. Кто-то уверенным шагом топал в сторону алтаря. Лёха дёрнулся к окну, но страх быть обнаруженным заставил поколебаться. Момент был утерян, так что вместо безоглядного бегства юноша понадеялся отсидеться за жертвенником. Только разок выглянул, чтобы проследить за вошедшими.

Их было трое — отец Лука, боярин Воротинский Михаил Андреевич и, кого Лёхе меньше всего ожидал увидеть, Еремей. Тот самый купец, что наемдни живо болтал с Олегом на торгу. Все трое о чём-то переговаривались. Лёха вжался в алтарь, стараясь утихомирить бешеное биение сердца и своё шумное дыхание.

— Последние сомнения отпали, — с негодованием говорил боярин. — Они из службы, будь она неладна. Надобно было задержаться и позволить волколакам разорвать их на куски, да сын по горячности своей сызнова полез вперёд выяснять, что там за переполох. Теперича носятся по Залесному. Как некстати.

— Ничего, они не уйдут, — заверил Еремей. — Сумрак заставит их плутать, пока не ослабнут. Тогда-то и сцапаем.

Они подошли достаточно близко к алтарю, чтобы Лёха мог отчётливо слышать каждое слово. «Но ближе не надо! — взмолился юноша».

— Добро, — Воротинский посмотрел на алтарь. — Ибо остался лишь один шаг до получения новой силы. Так ведь?

— Истинно, — это, как понял Лёха, говорил отец Лука. — Кровью ещё одного агнца осталась окропить алтарь, дабы высвободить из мощей последний поток силы. И тогда уж никто во всём царстве и далеко за его пределами не сможет тягаться с тобой.

«Да уж, последние сомнения точно отпали, — поразился Лёха. — И поп, и боярин стоят за всей хренью в округе Залесного. Только вот что за силу они высвобождают из останков? А впрочем... если эти двое — первопричина местных проблем, и они не знают о моём присутствии, то-о... Я могу внезапно выпрыгнуть, и закончить всё двумя быстрыми ударами.

Они не должны успеть опомниться, нападение на главной базе будет неожиданностью. Убью их, и кошмар разом оборвётся».

Лёха сжал кулак и почувствовал между пальцами холод магической рукояти. Энергии ещё хватало, чтобы стабильно поддерживать волшебный клинок. От дерзкой идеи с таким трудом замедленное сердцебиение заколотилось так, будто сердце старалось прошибить грудную клетку.

— Тогда надобно поспешить, — хмуро сказал боярин. — Хучь мы и захватим борцов, в службе всё равно посматривают на Залесное, могут тут прятаться и другие ихние осведомители. Стало быть, вскоре они в открытую пошлют сюда новые отряды и привлекут государевых людей. Время поджигает и посему агнца в жертву приносим в эту седмицу.

«Боярин — сильный маг, — лихорадочно думал юноша, гадая, склоняется ли он к трезвой оценке своих возможностей или же оправдывает нерешительность под видом здравомыслия. — Если провалю первую попытку, то мне хана».

— Хорошо, буде как ты повелел, — сказал Лука.

— Борцы те оказались дюже крепкими, — судя по удаляющемуся голосу, Воротинский пошёл к притвору. — Придётся самим вмешаться. Идём, Еремей.

Лёха так и не осмелился. Разжал пальцы, магический клинок рассеялся. Послышались шаги, а потом и стук дверей. Только отец Лука всё ещё находился в зале. И зачем-то ходил туда-сюда.

«Проваливай... проваливай, блин... уходи! — беззвучно повторял Лёха, как заклинание».

Пока священник бродил по храму, взор юноши блуждал по стене у жертвенника. Сперва беспорядочно и ни за что не цепляясь, но постепенно взгляд всё чаще скользил по иконам, пока не застыл на одной из них. Небольшой, если сравнивать с другими, да и не самой примечательной, однако чем больше Лёха засматривался на неё, тем более знакомой она казалась.

«Блин, по размеру и очертаниям очень смахивает на ту иконку, которую в заброшенном храме отыскал! — пришло озарение. — Вроде «Троица». Но надо поближе посмотреть. А как это сделаешь сейчас? Не самое подходящее время...»

— Это чего ещё? — пробормотал Лука.

Он присел, разглядывая пол.

— Кровь, — флегматично отметил священник. — Дурни. Говорил же промывать полы и утварь лучше.

Лука уже начал было вставать, но вдруг на несколько секунд замер в полусогнутой позе, а затем вновь склонился. И коснулся пальцем пятна крови.

— Свежая, — промолвил священник.

Только сейчас Лёха запоздало сообразил, что исцеляющие раны монахини рассеялись, и рана на плече вновь открылась, а вместе с этим возобновилось кровотечение. Не настолько опасное, чтобы угрожать жизни или ослабить, но достаточно сильное, чтобы немного наследить.

Отцу Луке этого «немного» хватило с лихвой. Несмотря на полумрак, он заметил другие кровавые пятна, больше всего сосредоточив внимание на том, что темнело у жертвенника, за которым скорчился Лёха.

Глава 15 — Слабое место бычары

Если прежде Лёха молился всем силам небесным и земным, чтобы священник не подходил к жертвеннику, то сейчас, наоборот, желал как можно большего сближения. И отец Лука неспешно подходил, неотрывно смотря на Лёхино укрытие. Когда же до жертвенника осталось около десяти шагов, священник остановился. Последовало несколько долгих мгновений безмолвия, только колеблющиеся огоньки свечей напоминали о том, что течение времени продолжается. Лука всё вглядывался в жертвенник, будто пытаясь проникнуть взором сквозь его поверхность...

Лёха вскочил на него, и прыгнул на священника подобно кошке. Растянувшись в воздухе, юноша отвёл руку с магическим клинком, приготовившись колоть прямо в лицо священника. Это был головокружительный по своей скорости и длине прыжок, которым восхитилась бы даже Ирина, будь она здесь. Лезвие с шипением пронзало воздух, но когда оно оказалось в нескольких сантиметрах от глаза Луки, то столкнулось с невидимой преградой. Священник сотворил магический щит.

Лёху это не смутило: сразу после устойчивого приземления он кинулся в отчаянную атаку.

— Ар-р-р, ха! — рычал юноша, с разных сторон нанося серию ударов.

Лука пятился под натиском, защищаясь полупрозрачным серебристым куполом. А Лёха не ослабевал наступление, твёрдо вознамерившись пробить защиту и покончить со священником. Но Лука смог поймать момент, чтобы контратаковать мощным воздушным потоком.

Парня так отбросило, что он полетел вверх тормашками. Однако безжалостные тренировки с Олегом не прошли даром: Лёха словно акробат совладал с полётом и, сделав сальто, упал на ноги. Отдача от воздушного удара потрясла всё помещение, так что свечи погасли, со звоном попадали кандила и незакреплённые иконы.

Священник видел боевое пламя в глазах парня, и понял, что если тот получит короткую передышку, то непременно пойдёт в новую атаку. А потому Лука пустил «встречный пал». По команде священника на полу сгустилась чёрная пелена, из которой появились костлявые руки — столь длинные, что будучи вытянутыми доставали до Лёхиной макушки. Только они собирались не рост мерить, а схватить юношу и разорвать его на куски.

Пришлось отмахиваться от колдовских рук, что тянулись с разных сторон. Некоторые из них Лёха перерубал, но взамен каждой посечённой конечности вылезала пара новых. Ничего иного не оставалось, как отступить к жертвеннику, позабыв про Луку. Парень быстро сообразил, что продолжать схватку в этом месте, где мало пространства для манёвренности — смерти подобно. До священника-колдуна не добраться, а защитой бой не выиграть.

Срубив очередную руку, юноша кинулся к высокому окну. На мгновение он задержался, подумывая прихватить ту памятную иконку, однако там уже маячила лапа из преисподней. Пришлось сразу взбираться на подоконник. Уже спрыгивая наружу, Лёха почувствовал, как по спине скользят костлявые пальцы.

Он перемахнул через изгородь, и побежал куда-то в сумрак. Опять замелькали избы, силуэты монстров. Лёха оббегал чудовищ, ограничиваясь только ударами на ходу. «И как продержусь после всех боёв?! — мелькнула мысль, когда ноги предательски задрожали. — Вернулся к тому, с чего начал! Опять путающий сумрак!»

Ситуация живо напомнила ему первый день пребывания в этом мире, когда слепо удирал от тиуна и его загонщиков. «Только не знал я тогда о своём даре, — несмотря на усталость, безвыходное положение и смертельную опасность, Лёха неожиданно ощущал в себе прилив волевых сил. — Не дамся вам, сволочи. Порублю!»

На пути появился огромное чудище, которое по величине могло бы поспорить с лешим. А по своему облику походило то ли на минотавра, то ли на бескрылого демона. Рога у двуногого бычары были такими массивными, что на них свободно расселась бы вся команда Олега, включая широкоплечую Евдокию. На могучих же руках великана что-то поблескивало — чешуя, как подумалось Лёхе.

Тратить время и силы на такую громадину в планы беглеца не входило, а потому он попробовал обойти монстра точно так же, как делала это с другими встречными тварями. Однако масса бычары словно не сказывалась на его проворстве. Он одним скачком пресёк все Лёхины попытки свалить. И не менее быстро долбанул кулаком по юноше. Тот кувырнулся, избежав удара. Громыкнула земля и её ошмётки полетели в Лёху, как будто только что не кулак врезался в твердь, а взорвался артиллерийский снаряд.

Приняв неизбежность схватки, беглец контратаковал. Волшебный клинок, рассекающий многие препятствия, со звоном отскочил от чешуи на руке монстра. «Дерьмо! — Лёха нырнув в сторону, чтобы не попасть под таран гигантским рогом. — Чтоб порезать, надо искать незащищённые участки. Но если и смогу порезать бычару, то...»

Опять уклон, ответный выпад клинком, однако лезвие вновь скользнуло по чешуе.

«...то слишком задержусь. Сюда подоспеют другие уроды. Или вообще боярин с Лукой. Бздец мне тогда!»

И сюда действительно подоспели.

— Слабые места у твари ищешь? — услышал Лёха знакомый голос, казавшийся невозможным здесь. — А тут поискать забыл!

Прежде чем бычара опомнился, кто-то засадил босой ногой под хвост. Чудовище аж подпрыгнуло и заревело, а когда повернулось, чтобы раздавить подлеца, он уже улепётывал с задорным смехом. Вернее, она — Весняна. По слуху ударил молодецкий свист, отвлекая внимание от русалки и Лёхи. Шумно выдыхая здоровенными ноздрями, бычара повернулся к источнику нового звука.

— Н-на! — выскочила Евдокия.

Кувалда обрушилась на морду монстра. Он пошатнулся, будучи оглушённым на короткое время.

— Сейчас, Алексей! — дал знак Олег.

Топор рассёк шею бычары с одной стороны, а волшебный клинок пронзил с другой. Ещё несколько ударов потребовалось, чтобы добить упавшего великана.

— Ребята! — Лёха едва сдерживал слёзы. — Я уж боялся, что не увижу вас и сгину здесь. И мана почти кончилась.

— Чаго кончилось? — озадачилась Евдокия.

— Некогда нюни распускать, — строго сказал Олег. — Мы ещё не выбрались. Идём!

Здесь же со всеми была Ирина. Она взобралась на спину Евдокии, чтоб не бередить рану своей беготнёй.

— Рада, что ты цел, — промолвила монахиня. — Молилась за тебя всю разлуку.

Когда борцы боевым порядком двинулись сквозь сумрак, то на сей раз всех вела Весняна. Выяснилось, что она, не будучи человеком, способна ориентироваться в

колдовском мороке. Именно русалка сперва отыскала Евдокию, привела её к блуждающим Ирине и Олегу, а затем уже настал черёд Лёхи.

Юноша испытал небывалое воодушевление и сильную привязанность к каждому из команды. Ему казалось, что теперь, когда они все вместе, больше никакие силы не способны остановить их, будь то хоть колдовской морок, проклятый священник и боярин или же нечисть со всего мира. Раньше пугаясь перед лицом любой опасности, сейчас Лёха клялся себе, что готов насмерть стоять за каждого соратника, и был уверен, что любой из них отвечает ему той же преданностью. Чувство, которое рождается в совместной борьбе у края смерти.

— Чуть ещё пробежать и всё! — подбадривала Весняна.

Она повторяла, что нужен ещё один рывок; что они уже у границы сумрака. И где-то недалеко от черты борцы вновь столкнулись с препятствием. Но не в виде чудовищ. Перед ними стоял человек с саблей наголо.

— Захар! — удивился Лёха.

Боярский сын вроде как был один-одинёшенек и пока не в боевой стойке, однако борцы кожей чуяли исходящее от него напряжение. Обычно улыбочиво лицо Захара сейчас выглядело непроницаемым для чувств.

— С дороги! — прорычал Олег.

— Не могу, — сухо произнёс Захар. — Отец не велит вас выпускать.

— Мы попросту снесём тебя, — предупредил Олег.

— Ты силён, как и твои соратники, — Захар направил саблю в сторону группы. — Но зря такой самонадеянный.

— Пождите-подождите! — выступил вперёд Лёха, примирительно поднимая руки. — Захар, послушай! Ты же говорил, типа, стыдно тебе, что нечисть на твоих землях людей губит. Хоть и скрывал от нас, что здесь происходит, а искренне в тот момент говорил, уверен я!

— Алексей, не будь сызнова таким наивным, — Олег покрепче сжал топор и сделал шаг в сторону Захара.

Но Лёха встал между борцами и боярским сыном, всем своим видом моля не спешить с кровопролитием.

— Может, и правдиво говорил, — всё ещё бесчувственно произнёс Захар. — И что с того?

— Не хочешь ты драться с нами, вот что! — в сердцах выкрикнул Лёха. — И я не хочу поднимать оружие против тебя! Разойдёмся с миром. Пожалуйста.

Захар молчал.

— Ведь не для того ты нас от волколаков защитил, чтоб сейчас погубить, — не сдавался Лёха. — Не для того ты Ирину спас, чтобы вновь к смерти вести. Я всю жизнь буду благодарен за эту помощь. И верю, что противно тебе перечёркивать то добро, которое совершил для нас.

— Ему сподручно времечко тянуть, — забеспокоилась Евдокия. — Его нечисть поди тянется сюда. А может, ажно сейчас в обхват нас берёт. Потакаешь ему, Алёшка!

Затрепал топор Олега, нагреваясь; Евдокия потянулась к ёмкости с греческим огнём, а Ирина сунула руку за пазуху, чтобы достать пистолет; оскалила зубы Весняна. В тот миг, когда всеобщий порыв атаковать отяготил до предела нить Лёхиных уговоров, так что она уже рвалась под тяжестью, Захар вдруг опустил саблю и весь поник.

— Уходите, — промолвил боярский сын севшим голосом. — И больше не возвращайтесь.

Захар сделал несколько шагов в сторону, и сумрак поглотил его. Не веря, что боярский сын вот так просто отступил, борцы неторопливо тронулись, ожидая в любой миг засады. Но колдовской сумрак незаметно уступил сумеркам утренним, и борцы поняли, что находятся на просёлочной дороге. На небесах плотные складки облаков понемногу розовели от восходящего солнца.

Кошмар остался позади.

Грязные, уставшие и потрёпанные, они брели по тракту и часто озирались. Олег был уверен, что за ними пошлют погоню или подготовят засаду впереди. Борцы непозволительно многое узнали, чтобы отпускать их живыми. К тому же Лёха рассказал об увиденном в церкви.

— Итак, соберём всё в кучу, — вздохнул Олег. — Боярин и церковники Залесного, возможно, со всем приходом спутались с нечистой силой. Похоже, она сокрыта в святых мощах, которые вовсе и не мощи, скорее всего, ну, али не мощи святого. Согласно услышанному, боярин извлекает силу из них путём кровавых жертвоприношений.

Евдокия перекрестилась, пробормотав что-то.

— Может статься, что не токмо через жертвоприношения, — предположила Ирина. — Не забывайте, как лжесвященник Лука усердно зазывал поклоняться у мощей. Паломники за сим наведывались в Залесное, и хворь была, так что у ложной святыни народ приходил искать исцеление. Получается, мощи вдобавок могли подпитываться извне чрез веру обманутых людей.

— Очень даже может быть. Ещё говоря о жертвоприношениях, — продолжал Олег. — Здесь моя первая догадка: в жертву приносились как кто-то из якобы пропавших без вести, так и из отшельники пУстыни. Алёшка подслушал, будто жертва должна обладать особой душой. Невинностью, святостью там или ещё чем в подобном духе. Сим объясняется, куда пропали почти все отшельники, так что на их месте оказались чудовища. Видимо, те останки, что под храмом нашлись, как раз являются телами сподвижников.

— Немыслимо, — не переставала поражаться Ирина. — До чего ужасающие злодеяния совершил боярин — тот, кому должно стоять на защите Отечества и поддерживать порядок. Божьих людей убивать яко языческий гонитель, антихрист настоящий. И под боком у государя...

— Кстати, отшельники-то не все похищены, — вспомнил Лёха. — Мы же видели, как один тронулся умом, а другой — был охренеть как напуган. Он будто знал, что за ним придут. Но почему-то не покидал пещеру. Ну, или ему кто-то не позволял это сделать. Тот демонический монах, например.

— Слухай, а боярин был с виду в своём уме? — поинтересовался Олег.

— Вроде как, — неуверенно ответил Лёха. — Командовал, говорил логически... э-э, то есть связно и последовательно. Кажется, он вполне отдавал отчёт в том, что делает.

— Господи, помилуй, — прошептал Олег. — Сей сумрак, некоторые чудища и вообще престранная сила — ничего подобного не встречал за все годы борьбы с нечистью, от других борцов о сём не слыхивал, и в книгах не читывал. Что же за нечистая сила проявилась в Залесном? Какова её природа?

— Весьма древняя магия, — задумчиво и даже мечтательно сказала Весняна. — Древнее того дня, когда последователи вашего Христа впервые показали на сих землях. Может статься, что старше ажно первых больших поселений на Руси. Да само название страны ещё впервые не слетело с человеческих уст, когда эта сила проявлялась...

— Так с чем мы имеем дело? — Ирина прервала разглагольствования русалки.

— Неведомо мне, — пожалала плечами Весняна. — Чую токмо за всем тысячелетнюю глубину.

— Напомню, что поп болтал, что, типа, ещё один ритуал надо сделать, и высвободится вся мощь артефакта... э-э, ну, то есть мощей, — сказал Лёха. — Видно, для этого боярин сорвался в Залесное. И готов пойти на всё, чтобы довершить начатое. Кроме того, это имеет ещё и политический контекст...

— Чаго? — Едовкия потрясла кулаком. — Глаголь по-русски!

— Ох... Короче, Воротинскому сила нужна не просто так. Он намерен либо захватить власть в царстве, либо получить большее влияние на государя и других бояр. А учитывая, каким кровавым образом Воротинский получает эту силу, и что не брезгает прибегать к помощи чудовищ, вряд ли при обретении государственной власти его будет заботить благо людей. Нас всех ждёт что-то очень страшное.

«А есть ли разница? — возник в голове мысленный вопрос, сбив речь Лёхи. — Вот я рисую им жуткие картины будущего, но и сегодняшняя власть не из невинных овечек состоит и тоже много крови льёт. Разве что жертвоприношений не устраивают в привычном смысле слова».

— Беда, — Олег хлопнул в ладоши, — надобно как можно скорее остановить Воротинского. Токмо, боюсь, ежели мы и оторвёмся от погони, и пошлём государю весть быстрее ветра, то всё равно не успеем помешать нечистому умыслу. Когда царские стрельцы придут в Залесное, да хучь вся наша служба, к тому времени боярин осуществит свой замысел — принесёт последнюю жертву. Тогда али его уже не одолеть, али сразить получится ценой большой крови... Нельзя нам возвращаться в свою ставку.

— Как «нельзя»? — поразила Весняна. — А куда тогда? Назад в Залесное что ли?

— Возможно, — промолвил Олег.

— Ну, дела! — покачала головой Евдокия. — Себя со стороны видели? Все побитые, как с войны обернулись. У Ирины нашей рана. Отдых всем необходим.

— Многого мне не надобно, — зевнула монахиня. — Токмо поспать самую малость, а дальше своим светом рану залечу. И вскоре восстановлюсь так, что сызнава смогу дать бой.

Евдокия всё ещё несла Ирину на спине. Девушка уткнулась в могучее, но такое тёплое и мягкое плечо, и проваливалась в полудрёму.

— Нет, необязательно прямо сейчас поворачивать в Залесное, — пробурчал Олег. — Но-о...

Удивительное дело, однако группа беспрепятственно дошла до перекрёстка, где билась с волколаками, а проверившая округу Весняна сказала, что погони всё нет.

— Чудно, — дивилась Евдокия. — Быть сего не может.

— Думаю, не обошлось без помощи Захара, — сказал Лёха. — Упрекайте меня в доверчивости сколько хотите, но я считаю, что это с позволения боярского сына мы так спокойно уходим. Может, соврал папке и погоню по ложному следу послал.

— Ежели добрый такой он, то непонятно, почему нечестивому батюшке прислуживает, — проворчала Евдокия.

Миновали перекрёсток и двинулись в сторону Московского уезда.

— Значит так, помог нам боярский сын али нет, однако едва ли в Залесном ожидают нашего скорого возвращения, — уверенно заговорил Олег. — Стало быть, есть у нас... это... как ты, Алёшка говоришь?.. Ну, слово такое мудрёное...

— Фактор внезапности?

— Да! Посему в ставку не возвращаемся, но и в Залесное прямо сейчас не пойдём. Надобно дух перевести. И поразмыслить, поразмыслить...

Ещё раз убедившись, что слежки нет, борцы попросту свернули в лес.

Он молился. В сотый раз повторял одни и те же строки, так что разум уже перестал распознавать смысл сказанного, но губы продолжали двигаться будто сами собой, рождая новые слова. Молящийся был подобен последнему воину на поле брани, ибо все соратники либо пали, либо в страхе бежали, побросав оружие. Только рать была не мирской, а духовной. Он молился, исполняя священный долг, хотя рядом не осталось никого из братьев. И он знал, что та же ужасающая участь вскоре постигнет его.

Слух уловил эхо шагов. За ним пришли. Вот они уже вошли в келью и разглядывают его. Неважно. Начнись хоть Второе пришествие — молитва должна звучать непрестанно, а если нечистая сила насильственно закроет уста, то пускай обращение исходит из глубин сердца. Они схватили его с двух сторон, и грубо потащили наружу.

После пещерной тьмы по глазам больно ударил дневной свет. Вокруг замелькали ветки, пожухлые травы и опавшие листья. Впереди мучительная смерть. Да будет так. Он смиренно и мужественно снесёт последние испытания подобно тому, как Спаситель сносил тяготы пути на Голгофу, а затем и казнь распятием. Главное, до предсмертного вздоха не терять духовную связь и молиться.

«Голгофой» оказался храм в Залесном. На его улицах больше не расхаживал народ, занимаясь повседневными делами; на торгу не слышно зазываний или споров купцов; не звенит церковный колокол, возвещая о службе. Последняя видимость жизни исчезла с улиц, жители поселения будто в спешке оставили город, побросав всё хозяйство, как если бы пришла чума или война. Но даже при них не бывает такого запустенья: вороны деловито хозяйничают во дворах, снуют брошенные животные; встречаются одиночки, которые не пожелали или не смогли уйти из дому. Нет, в Залесном не так — всё живое словно мигом испарилось.

Молящегося приволокли внутрь храма, с грохотом захлопнулись входные двери. Проходила служба, только не та, которая известна во всех церквях страны: не по православному обряду. И не по католическому, не похоже даже на что-либо из многообразия новомодного протестантства. Сегодняшнее богослужение совершалось впервые за многие века и вообще не имело отношения к христианству.

Облачённые в чёрные мантии люди хором и певуче читали что-то на незнакомом языке, то понижая голос до шёпота, то возвышая его до крика. Молящийся не видел их лиц — спрятаны за низко надвинутыми капюшонами. По бокам от алтаря, в котором сокрыты мощи, стояли боярин Михаил Андреевич, отец Лука и ещё один служитель. У последнего на поясе висели ножны с кинжалом. Как и во время обычной литургии, в зале горели свечи, кружил голову аромат благовоний, а с икон на чуждый сему месту обряд молчаливо и беспристрастно взирали ангелы.

Молящийся ненадолго пал духом, когда его волокли мимо иконостаса — взбрыкнулся и закричал, прося всех святых о заступничестве. Тщетно, ибо похитители легко совладали с несчастным, и протащили его последние несколько шагов. Здесь молящегося поставили на колени, так что седая борода уткнулась в поверхность алтаря. Приблизились боярин, отец Лука и служитель с кинжалом — обнажённым.

Не переставая произносить какую-то зловещую тарабарщину, служитель направил лезвие на шею молящегося. Похитители крепче сжали жертву, потому как по опыту знали, что за мгновения до мученической смерти жажда жизни может вскипеть даже в самых блаженных старцах, побудив к отчаянному сопротивлению. Служитель занёс кинжал, чтобы

пронзить молящегося и окропить кровью жертвенник — в последний раз, необходимый для высвобождения древней силы. Капал пот со лба боярина, напряжённо следящего за судьбоносным моментом...

— Стой, — вдруг сказал отец Лука. — Подожди...

Служитель замер, не донеся кинжал до шеи молящегося. А лжесвященник подошёл к жертве, и сорвал с неё капюшон. Все увидели морщинистое лицо, на которое ниспадали спутанные белые волосы; помутневшие от почтенного возраста глаза, длинную седую бороду. Словом, настоящего отшельника узрели. И всё же Лука взволновался:

— Ты не из старцев! Кто... ты... такой?

Служитель, удерживающий «старца» за правую руку, охнул, закачался, и через пару секунд грохнулся на пол. Из-под неподвижного тела быстро растекалась лужа крови. А воздух у правой руки «старца» колебался как нагретый; можно было различить голубоватые отблески, скользящие вдоль незримого клинка. Одно движение молящегося левой рукой — и другой служитель отлетел к стене.

Быть боярину рассечённым магическим клинком, не успеет отец Лука прикрыть волшебным щитом. Голубоватое лезвие скользнуло по невидимой преграде, и тогда лжесвященник воздушным потоком отбросил «старца» на несколько метров.

— Спрашиваешь, кто я такой? — сказал он, распрямляясь.

Несколько секунд назад «старец» казался покорившимся судьбе, ну или воле Божьей, а теперь с прытью молодого принял боевую стойку.

— Я...

«Старец» повернулся полубоком, магическим клинком очертил в воздухе витиеватую фигуру, сделал необычайно суровое выражение лица и пафосно произнёс:

— Я — Виктор Корнеплод!

Последовала короткая пауза. Боярин и отец Лука обменялись озадаченными взглядами.

— Чего?.. — вырвалось у Воротинского.

Ответом ему послужил очередной взмах магическим клинком. Судя по шуму позади «старца», в притворе тоже завязался бой.

Отец Лука призвал то же заклятье, что и при первом столкновении с Лёхой. На полу заклубилась тьма, из которой полезли цепкие костлявые руки. От боярина Воротинского можно было ожидать сотворения молний, однако, судя по всему, он опасался разжечь пожар в деревянном храме, а потому избрал иную стихию: над раскрытой ладонью возник белёсый шар, источающий зимний хлад.

Между тем со «старца» слетели чары иллюзии, и теперь напротив жертвенника в боевой стойке как боксёр пританцовывал Лёха. Но что он мог сделать против пары сильных колдунов? Ничего, вступи юноша в схватку один.

Распахнулись входные ворота, и в притвор влетела Евдокия. Ближайшего кульгиста она угостила горшком с кислотной жидкостью, которая с лёгкостью разъедала одежду. Обожжённый противник покатился по полу, вопя и дымясь. Как и боярин, Евдокия пока не стремилась поджигать церковь, а потому предпочла «греческому огню» другую смесь. На пару с женщиной атаковал Олег — рубанул другого кульгиста. Тот успел сотворить магический щит, да только тонковат он оказался супротив зачарованного топора, направленного богатырской силой. Враг пал, рассечённый от плеча до пояса.

Тем временем в окне, через которое недавно бежал Лёха, появилась Ирина. Она прыгнула, крутанулась в воздухе и, проносясь над головой боярина, выстрелила в него из пистолета. Пуля угодила в магическую броню, созданную Воротинским, однако это не позволило ему закончить плетение ледяного заклятья. Монахиня ещё не успела приземлиться на ноги, а Лёха уже пошёл в атаку не менее яростную, чем при первом бою со лжесвященником. Юноша метил в боярина, но Лука отразил удар — на сей раз не щитом, а собственным колдовским клинком.

Кульгисты посылали магические разряды или отмахивались холодным оружием в попытках остановить Олега и Евдокию. Но пара отбивала любые наскоки, тоже показав способность к созданию защитных заклятий, и смертельно контратаковала. Ещё один кульгист испытал на себе остроту и жар топора Олега — кипящая кровь забрызгала иконы на стенах. Другому колдуну Евдокия кувалдой размозжила черепушку. На высоко расположенное оконце зала взобралась Весняна. Оценив обстановку, русалка спрыгнула на спину боярского прислужника, и впилась острыми зубами в шею. Разрывая плоть с яростью голодного волка, Весняна быстро расправилась с противником. А когда подняла голову, пока ещё живые кульгисты с ужасом узрели залитую кровью скалящуюся гримасу, в которой не осталось почти ничего человеческого. Рыча и стреляя хищным взглядом, русалка выбирала новую жертву.

Пока Лёха рубился с лжесвященником, попутно отбиваясь от вызванных им колдовских рук, Ирина пыталась достать Воротинского. Но тот, как и любой другой глава боярского рода, был первоклассным магом и фехтовальщиком, а потому удары руками и ногами замедлял или отбивал волшебной преградой, и порой молниеносными взмахами сабли вынуждал монахиню вместо атак уклоняться. До засады Ирина получила небольшой отдых и целительными чарами подлечила рану, так что можно было драться в полную силу не опасаясь кровотечения. Только сильная боль от резких движений напоминала о ранении и сбивала так необходимую сейчас концентрацию.

Олег, Евдокия и Весняна покончили со всеми кульгистами, однако лжесвященник

неслышимым велением призвал помощь. Снаружи постепенно усиливалась какофония из рёва, шипения, клёкота и воплей. Все чудовища округи побежали, поползли и поскакали к церкви.

— Я помогу дитятам! — Олег бросил взгляд на алтарь, у которого шёл ожесточённый бой. — А ты Евдокия вместе с Весняной задержите чудовищ!

— С Богом! — кивнула Евдокия.

Шевеля щупальцами, скрежеща когтями, кляца зубами и пуская ядовитые слюни, многообразные твари полезли через ворота и окна. Тут уж Евдокия не стала церемониться, и забросала паперть горшками с «греческим огнём». Вблизи порога вспыхнула стена пламени, однако монстры поёрли сквозь неё не считаясь с тяжёлыми ожогами. И когда обожжённые твари ступали за порог или пролезали через окна, здесь их встречали кувалда Евдокии или клыки и нечеловеческая сила Весняны.

Олег кинулся помогать Лёхе, но тот крикнул:

— Справлюсь! — он отбил светящийся красным волшебный клинок Луки. — Ирине!

Глава команды поколебался, однако увидев, что его уроки фехтования не прошли даром и юноша вполне справляется самостоятельно, поспешил к монахине. Её дела шли не в пример хуже. Иногда Ирина попадала по боярину ногой или кулаком. Мастерских ударов монахини, к тому же усиленных священной магией, хватило бы, чтоб крошить черепа, ломать деревяшки и раскалывать камни. Но волшебство Воротинского давало ему сверхчеловеческие выносливость и стойкость. Пропуская в голову с вертушки, боярин только чуть пошатывался и сразу продолжал бой как ни в чём не бывало. А саблей махал так, что походил на стальной ураган. Ирина получила несколько сечек — не опасных, однако показывающих, сколь близок Воротинский к нанесению серьёзного ранения. Прорубившись через призванные Лукой руки, Олег напал на боярина с другого фланга. Дело пошло легче, вдвоём борцы вынудили Воротинского больше времени уделять защите, а не нападению.

Что до Луки, то он оказался весьма достойным противником в бою на мечах, пускай и магических. Не раз красный клинок пролетал в опасной близости от лица или живота Лёхи. А сам юноша какие бы хитрости и обманные движения не применял, так и не нашёл прорехи в защите противника. И потому сменил тактику.

Лёха тяжело задышал, изображая усталость; чуть замедлился; косился на соратников слева и справа, будто показывая надежду на помощь со стороны; чаще предпочитал атаке защиту. Всё это, само собой, не укрылось от внимания Луки. Он пошёл в нападение смелее, сильнее вкладывался в удары. Лёха ушёл в глухую оборону, прикрываясь полупрозрачным волшебным куполом. Лжесвященник с рычанием усилил натиск, и зарубил ещё ожесточённое, когда на магической преграде соперника появились трещины, а сам он со стоном упал на одно колено. Когда в порыве атаки Лука чуть потерял бдительность, Лёха прибегнул к приёму, изобретённому в битве с волколаками.

Голубоватый купол взорвался, но не от ударов, а по воле своего хозяина. Большие и малые осколки полетели в лжесвященника, нанося ему множество ран от головы до ног. Однако немалую часть осколков Лука отбил и пока не получил достаточно тяжёлой травмы, из-за которой не мог продолжать схватку.

Теперь настал черёд Лёхи идти в атаку. Он набросился на окровавленного священника, и потеснил его в сторону алтаря. Кровь заливала глаза Луки, так что он с трудом успевал парировать выпады противника. Не оценивая пространство вокруг, потрёпанный лжесвященник уткнулся спиной в позолоченный ковчег с «мощами». И потому не смог

сделать шаг, чтобы уклониться от очередной атаки. Магический клинок Лёхи рассёк грудь Луки. Он зашатался, и упал на колени, уткнувшись лицом в ковчег и оказавшись спиной к противнику.

Лёха не стал играть в благородство, а попросту воткнул меч промеж лопаток врага. Лука захрипел, сплёвывая кровь на ковчег. «Готов, падла! — юноша поглядел на соратников, гадая, кому сейчас больше требуется помощь — Ирине и Олегу или же Евдокии и Весняне?». Наскоро рассудив, что боярин является более приоритетной целью, Лёха дёрнулся к жертвеннику. Но отец Лука ещё не погиб, хоть и получил смертельный удар.

— Древний! — выдохнул лжесвященник, размазывая кровь по ковчегу. — Вывает к тебе... твой верный раб... Душа моя... ничтожна и не годится... для полного возрождения... Но отдаю её без остатка... хватит на пробуждение... Пробудись!

С этим словом Лука испустил дух.

Лёха уже поднимался по амвону, когда ковчег вдруг задрожал, как если бы кто-то брыкался внутри. От его колебаний тело Луки сползло на пол. Лёха остановился у иконостаса и медленно повернулся. В этот момент крышка ковчега со страшным треском взметнулась с такой силой, что проломила крышу храма. Все прекратили бой: боярин, Олег, Ирина, Весняна, Евдокия и даже чудища замерли. Все уставились на ковчег.

Глава 18 — Перебежчик

В зале повисла такая тишина, что, казалось, будто она ощущается кожей. Первый звук, который отчётливо прорезал безмолвие — скрежет внутри открытого ковчега. Лёха надеялся, что его слуху это только чудится, однако скрежетание повторилось. А затем у боковых краёв ковчега показались фаланги пальцев, обтянутые сухожилиями и кусками тёмно-красной плоти. Пальцы вцепились в ковчег, и с этой опорой их хозяин приподнялся.

В каком-то смысле это действительно были нетленные мощи — частично разложившееся останки, высушенная плоть на костяке. Только зелёный огонь, мерцающий в глазницах ожившего трупа, едва ли имел святое происхождение. Он повернулся, обозревая собравшихся, опустил взор на бездыханное тело Луки, а затем взглянул на свои руки.

Всю эту паузу Лёха лихорадочно перебирал в памяти знания, почерпнутые из бестиариев: что за тварь подпадает под описание мертвеца, которому требуются кровавые жертвоприношения? Юноша находил варианты, мысленно цепляясь за них и ощупывая, чтобы вскоре отбросить, но так и не нашёл удовлетворительного ответа.

Мертвец медленно произнёс что-то на никому не знакомом языке, хотя слова, эхом разнёсшиеся в церкви, через несколько мгновений будто проникали в разум и преобразились там в понятную речь:

— Преображение не завершено. Я поднят раньше срока.

— Владыко! — подобострастно крикнул Воротинский. — Враги твои здесь и желают уничтожить тело твоё!

Оживший мертвец оторвался от созерцания высушенных рук, чтобы ещё раз осмотреть собравшихся. Приостановленная схватка возобновилась с новой силой. Боярин замахал саблей, отбиваясь от Ирины и Олега. Монстры пощёрили через угасающее у порога пламя, где их вновь встретила Евдокия — у её ног валялось несколько чудовищных тел с раздробленными лапами и головами.

Только Лёха избрал новую цель. Юноша метил магическим клинком в костлявую шею восставшего. Он не выставил руку, чтобы защититься; не попытался увернуться. Восставший только чуть взглянул на Лёху, и клинок увяз в незримой массе. А затем оживший мертвец чуть шевельнул пальцем, и дерзкого юношу кинуло назад, так что он сбил спиной подсвечник. Кем бы ни было это существо, даже в незавершённом и ослабленном виде оно обладало великой силой.

По мановению тонкой руки поднялись убитые культисты и отец Лука. Но воскресли не личности, а только тела стали ёмкостями для колдовской силы. Иными словами, трупы восстали как зомби. Одни пошли к Евдокии, а другие направились к алтарю.

— Что же ты наделал, ирод! — орал Олег, отбивая топором саблю Воротинского. — Хучь разумеешь, кого призвал из преисподней?!

Боярин мстительно усмехнулся и ткнул саблей в сторону Ирины. Ей же пришлось ненадолго отвлечься, чтобы встретить подступающих зомби.

У Евдокии осталось всего два горшка с «греческим огнём». И больше женщина не собиралась сдерживаться в его применении. Один полетел в стену — пламя охватило брёвна и быстро поползло к потолку. А второй горшок Евдокия бросила в существо, до сих пор стоящее в ковчеге. Ёмкость повисла в воздухе в полуметре от восставшего и пламя горящего платка потухло. Затем горшок упал, а когда разбился, то вместе с его осколками по полу

разлетелись куски заледеневшего «греческого огня». Столь же играючи восставший расправился с пожаром: призвал заклятье холода, которое так нещадно подавило пламя, что на обгоревшей стене заблестел иней.

Евдокия могла бы ещё долго сдерживать орду из чудовищ и зомби. Если бы восставший не послал в женщину импульс магической силы, который сбил её с ног. Монстры навалились на Евдокию со всех сторон, так что её уже не было видно за гурьбой.

— Дуня! — воскликнула Ирина.

Монахиня бросилась на вырубку, и поздно заметила, как восставший метнул зелёный магический шар. Угодив в Ирину, он парализовал её, и девушка кулем покатила с амвона, чуть не расшибив лоб. Подняться монахиня уже не смогла.

Воротинский не имел сил и времени для сотворения достаточно сильного боевого заклинания, чтобы сжечь врагов, как и не смел надеяться пронзить Олега одним ударом. Однако каким будет упущением не создать чего попроще, пока здоровяк с топором в замешательстве! — понимал боярин. Этим «попроще» стал громовой разряд. На Олега он произвёл тот же эффект, что и заклятье восставшего на Ирину. Глава команды борцов упал как тряпичная кукла.

Восставший воспарил над ковчегом, и медленно опустил костлявыми ногами на пол.

Против всего скопа нечисти остались только Лёха и Весняна. Парень быстро пришёл в себя после столкновения с подсвечником, и уже раздумывал, с какой бы стороны попытаться счастья в новой атаке. В воображении Лёха быстро наметил путь: как сделает обманный рывок влево, затем кувырок в противоположную сторону, если восставший или боярин запустят какое-нибудь подлое заклинание; далее прикрыться магическим щитом для подстраховки, решающий выпад — и клинок пронзает рёбра демона.

Только юноша рыпнулся, чтобы осуществить задумку, как получил по затылку нокаутирующий удар, что в зародыше обрубил всю стройную цепочку блестящего плана. Весняна встала над оглушённым Лёхой, потирая ладонь.

Борцы потерпели поражение. Чудовища прижимали Евдокию к земле, ожидая разрешения хозяина, чтобы вдоволь насытиться сочной плотью здоровенной тётки. Зомби вознамерились растерзать беспомощную Ирину. Боярин с надменным видом подходил к обездвиженному Олегу; готовился произнести несколько прощальных фраз, в которых будут как насмешка, так и похвала за дерзкую попытку. А затем можно заколоть врага как собаку...

Весняна пала ниц перед восставшим и страстно завопила, привлекая всеобщее внимание:

— О, великий! Многие века мы молились о твоём возвращении! От поколения к поколению, из уст в уста передавалась надежда, что наступит час, когда ты, владыка, придёшь из тьмы забвения, дабы вернуть сей земле старый порядок! Без твоего надзора люди распоясались и поклоняются чужеземным богам! Слава тебе, великий, и в милости своей позволь стать носительницей твоей воли...

— Лгунья!! — заревел Воротинский.

Он позабыл про Олега и побежал к восставшему, на пути растолкав зомби, что склонились над Ириной.

— Великий! — боярин перенял обращение русалки. — Сия скотина с самого начала была с врагами, что воспрепятствовали жертвоприношению! Она боролась с твоими истинными слугами!

Ни один тонкий мускул на черепе восставшего не дрогнул, магические огоньки в глазницах не мерцали. Так что живым было сложно догадаться о настроении существа, внимавшего их крикам.

— Воспрепятствовали жертвоприношению, — бесстрастно произнёс восставший. — И ты не смог им помешать.

Он указал перстом на боярина.

— Чт... Я не... — растерялся Воротинский. — Владыка! Мною проделан огромный труд! Я всё это...

Боярин развёл руками.

— Я всё это сотворил ради твоего возрождения.

— Я действительно помогала врагам, — вкрадчиво заговорила Весняна. — Но лишь затем, чтобы своевременно прервать их замыслы. Для такой как я всё равно бы не сыскалось место среди рода людского. Зато русалки веками прислуживали древним... А жертвоприношение ещё можно устроить. Да-а, отшельников в пУстыне больше не осталось. Однако ж есть ещё одна чистая душа, благодаря которой ты обретёшь былую силу, владыка. Сия монахиня!

С полминуты восставший испытывающим взором изучал обездвиженную Ирину. Та могла только протестующе мычать и чуть шевелить пальцами.

— Да-а, душа её чиста, — протянул восставший. — Подойдёт.

— Что до прочих пленённых врагов, то и для них найдётся полезное применение, — раскланялась русалка. — Во время ритуала их можно замучить до смерти. Все вместе они не стоят души монахини, но их страдания усилят магию крови.

Боярин хмурился, возмущённый тем, как нагло эта перебежчица метит на место правой руки древнего. Но пока не отваживался вновь перебивать её.

— Да будет так. В темницу их. Мне они всё равно не противники. А ты, раб, — восставший обратился к Воротинскому. — Подготовь новый ритуал. Пущай все в округе, кто хранит память о тысячелетней давности, придут сюда служить. Ибо вернулся их истинный господин — Кощей Бессмертный...

Тем временем монстры у порога расступились, пропуская в притвор ещё одного человека. Завидев его, боярин почтительно обошёл Кощея, а потом скорым шагом направился к притвору.

— Где ты был в тот момент, когда так был необходим!? — Михаил Андреевич отвесил сыну звонкую оплеуху. — Из-за тебя мы чуть было... Аргх... Иди и засвидетельствуй свою верность нашему владыке. Давай!

Стерев кровь с губы, Захар медленно пошёл к восставшему. И покосился на пленённых борцов, которых тащили в темницу монстры и зомби.

Глава 19 — Запах цветущей ивы

Он в очередной раз приложил волевое усилие, стараясь вызвать магический клинок. В голове гудело после удара и падения, однако Лёха не переставал фокусироваться в попытках ощутить течение волшебной силы. Бесполезно, не удавалось сотворить даже искорки.

Всё из-за антимагических кандалов, сковывающих руки и ноги. Этими браслетами обездвижили и Олега, так что он не мог разогреть цепи, чтобы сделать их податливыми и разорвать. Что касается мощной Евдокии, то прихвостни боярина не поскупились потратить на неё, наверное, целую версту цепей и верёвок. Только Ирины не оказалось в темнице. И Весняны.

— Слухай, Алёшка, — Евдокия отвлекла парня от бесплодных стараний. — А чаго ещё за Виктор Корнеплод? Ну, донеслось до моих ушей, как ты назвался у жертвенника. Святой какой али ещё кто?

Лёха несколько секунд молчал, будто вовсе не расслышав Евдокию. А потом вдруг расхохотался, несмотря на бедственное положение. В темницу даже заглянул культист, насторожившийся из-за нетипичного для пленника поведения: часом, не сошёл ли кто из них с ума?

— Да так... — ухмыльнулся Лёха, когда надзиратель вышел.

— Хм-м... Слухай, Алёшка, — пробудилась в Евдокии жажда общения, которую она почему-то сочла нужным утолять именно через юношу. — Ты ж вроде как впервые живую душу погубил, хучь и грешную донельзя. Не мертвяка, не одержимого, не чудища, а живого. Того нехристя и Луку прирезал — ажно не поморщился. Сердце не гложет сейчас?

— Вот уж о чём беспокоиться, когда нам грозит мучительная смерть, — буркнул Лёха. — Не гложет. Хотя нет, единственное, о чём жалею — как мало мразей убил.

И всё же вопрос пробудил в юноше отвлечённые размышления: «а ведь и правда — человека убил. Помню звуки и отдачу в руке, когда клинок пронзал плоть и кости... Бр-р-р... Но никаких мук совести. Наверное, свой отпечаток наложило пребывание в суровом мире, где часто льётся кровь. Так ведь скоро дойду до того, что буду оправдывать всякие жестокости, которые местные считают за норму: страшные и длительные казни, пытки, малую цену жизни низших сословий... “Дойду”, угу. Чтобы “дойти”, надо хотя бы пережить эти сутки». Лёха вздохнул и вернулся к потугам по сотворению клинка.

Но Евдокия не унималась.

— Слухай, Алёшка...

— Дуня, я, между прочим, ищу способ выбраться отсюда, — прошипел Лёха. — Давай ты займёшься тем же самым, ну, или хотя бы не будешь мешать.

— У тебя всё равно ничего не выйдет, — флегматично сказал Олег.

— Не понимаю, ты так спокоен, — удивился Лёха. — Или смирился, что мы все умрём? Не, я так подыхать не хочу. Ирину спасти надо. И грёбаной русалке должок вернуть... Кстати, как вообще эта предательница оказалась среди борцов с нечистью?

— Как... Ты не читал, каким способом русалки размножаются? Нет... Дивно, что такой книжный червь, и вдруг да упустил сию особенность. Зря. Такому балде, как ты, пришлось бы по нраву.

— Я знаю, как, но любо послушать сызнава, — Евдокия довольно звякнула цепями. — Даже хорошо, что Ирина не слышит сего непотребства.

— В общем, как нетрудно догадаться, — продолжил Олег, — русалки очаровывают и зазывают молодцев в воду. Но ежели молодец со всех сторон ладен и крепок, то прежде чем потопить и слопать, русалка забирает его семя.

— К-как забирает? — вырвалось у Лёхи.

— Единственно возможным делом, — хохотнула Евдокия. — Да ты ещё невиннее буде, нежели наша Иринушка.

— Так русалки продолжают свой род — от человека, — говорил Олег. — Все подробности истории Весняны мне неведомы. О многих вещах я токмо догадываюсь. Известно мне, что приглянулся русалке молодец один. Да так приглянулся, что не стала она растерзывать его, но долгое время тайно встречалась с ним под покровом ноченьки, вдали от чужих глаз. Ибо связь такую не одобряют что со стороны людской, что с русалочьей. Вроде как дошло до того, что родилось у Весняны дитя. Тогда сёстры разузнали про долгую связь. Во время очередного свидания другие русалки набросились на молодца, и разорвали его на глазах Весняны. Быть может, та же участь постигла дитя али его попросту отняли у матери — доподлинно неизвестно мне. Неча удивляться, что убитая горем русалка воспылала ненавистью к сёстрам и задумала отомстить.

Всхлипнула Евдокия и зазвенела цепями, пробуя дотянуться до увлажнившихся глаз.

— Но отомстить своими руками — сил не хватит. Весняна хитростью натравила на собственное племя борцов с нечистью. Среди них был и я. В тот день мы убили многих из водных баб... Убил бы я и Весняну, но... Она попросту стояла на коленях пред нами, опустив равнодушный взор. Не пробовала защититься. Токмо сказала, мол, не медли, руби. Меня поразило то безразличие к собственной жизни, ведь русалки, вестимо, до последнего борются и так просто душу не отдают. Я медлил, а когда Весняна подняла очи, то узрел в них нечто знакомое мне, что однажды испытывал сам... Потерю близкой души, опосля чего весь белый свет немил. Мы разговорились. Поразмыслив, я предложил Весняне помогать Церковной службе борцов с нечистью...

— Трогательная история, — проворчал Лёха. — Жаль только, что проку нам от этого сейчас никакого. Может, русалка и помогала раньше, но теперь...

— И теперь поможет.

За дверью послышался болезненный хрип, а затем шум от упавшего тела. Ещё через несколько секунд ключ закрипел в тюремном замке, и дверь темницы отворилась. В проходе стояла Весняна, а за ней виднелся труп культиста.

Пока Лёха офигевал, русалка освободила Олега. Он, в свою очередь, взялся снимать оковы с Евдокии.

— Скучал по мне, дорогуша? — возясь с Лёхиными цепями, Весняна склонилась над ним, так что грудь почти касалась лица. — Я знаю, ты верил до последнего, что непременно выручу тебя хучь из лап сатаны. Чего такой кислый вид?

— Как это понимать прикажешь? — пожаловался Лёха, вдыхая идущий от русалки запах цветущей ивы. — Сперва долбанула меня в самый ответственный момент, а теперь вдруг заявила спасительницей?

— Глупышка, — Весняна на мгновение приостановилась и с лёгким раздражением посмотрела в глаза юноши. — К тому моменту бой мы уже проиграли. Я лишь искала способ продлить наши жизни, дабы получить новую возможность отыграться. Да и не надо меня такой дурой считать: долго бы русалку-перебежчицу терпеть не стали. Как бы я не разыгрывала верность новому хозяину, Воротинский всё равно буде пытаться по-тихому

меня заколоть.

Кандалы спали с ног Лёхи. Но Евдокию пришлось освободить не в пример дольше.

— Эх, поспешать надобно, — взволновалась Весняна. — Прочухают вскорости, что мы сбежали. К тому же ритуал ближе к вечеру начнут, святошу заколют, ежели возиться будем. И тогда Кощей вступит в полную силу и его уже никто не остановит.

— Поразительно, — дивилась Евдокия. — Я думала, будто кощей — легенда.

— Равно как и я, — пропыхтел Олег, ослабляя узел верёвки. — Никто из борцов прежде с ними не сталкивался, а старые книги сохранили весьма скудные и обрывочные сведения. Не знаю, насколько мы можем доверять им, а то ведь выдумками окажутся.

— Другой информации... Ну, то есть сведений, я так понимаю, мы не имеем, — сказал Лёха. — Что в них сказано?

— Точно, не имеем, — согласился Олег. — Сказано, будто всяк кощей скрывает свою жизнь в магической игле али ещё каком предмете. Игла, дескать, под деревом, а дерево — на острове.

— Знакомо, — буркнул Лёха, но так невнятно, что никто не разобрал.

— Остров... — Евдокия уже могла потерять онемевшие руки. — Помнишь, Веснян, как ты рассказывала про некий остров на Волге, вокруг которого много нечисти ошивается?

— Само собой. Сразу припомнила. Токмо разумеете, что про кощеев мне известно не более вашего. Хучь от старших сестёр тоже наслышана, будто сии древние хоронят жизнь и смерть в запрятанной игле.

Последняя верёвка спала с Евдокии.

— Оружие ваше в соседнем комнатухе, — сказала Весняна.

— Я сбегаю, принесу, — Евдокия с кряхтением поднялась.

— Стало быть, от двух разных источников предполагаем о существовании иглы: старых бестиариев, написанных в тот век, когда службы борцов ещё не существовало; и от русалок, — подытожил Олег. — И может статься, что ежели игла есмь, то Кощей прячет её на том речном острове. Неслучайно нечисть бродит вокруг — сторожит иглу. Али её сила попросту привлекает чудищ. По бестиариям получается, словно Кощей не способен держать иглу рядом с собой. Таково диковинное условие чар бессмертия... Одна токмо беда — в старых бестиариях написано много всякого, что на деле не подтверждалось.

Вернулась Евдокия с топором и кувалдой.

— Старшие моего племени ещё говаривали, — промолвила русалка, — древние прятали жизнь и смерть у воды также потому, что она подпитывает заклятье неуязвимости. Так что совсем отмахиваться от преданий неправильно. На ум не приходит иных мест, где хранятся жизнь и смерть Кощей. Сдаётся мне, что кто-то должен отправиться к острову; ежели надобно, пробиться туда силой, и сломать иглу! Благо остров недалеко. Токмо дорога к нему известна мне одной, посему я точно должна идти.

— Но как же Ирина? — забеспокоился Лёха. — Сама же сказала, что ритуал начнут в скором времени. Пока пойдём к острову — её заколют.

— Ежели иглу не найдём, то Кощей нас одолеет в любом случае, — сказала Весняна. — Хучь спасай Ирину, хучь нет.

Прежде чем высказать решение, Олег на полминуты погрузился в раздумья, взвешивая «за» и «против».

— Вот что, родненькие, — произнёс он наконец. — Весняна и Алексей устрелятся к острову. Я же и Евдокия задержим ритуал елико возможно.

Глава 20 — Ради выживания, сын мой

Только Олег и Евдокия сделали шаг к порогу темницы, как вдруг их остановил Лёха:

— Нет, Олег. Я иду в храм прерывать ритуал.

— Алёшка, нет времени на пересуды, — Олег со вздохом повернулся. — Бой в церкви буде очень тяжким.

— Считаешь меня слишком слабым для этого противостояния? — с вызовом спросил Лёха. — Но кто может сказать наверняка, что прорываться на остров будет проще? К тому же в прошлых боях я доказал — кое-что да могу. Чё хочешь говори, можете наказать меня после или вообще из службы выгнать, если выживем, но я точно иду в церковь.

— Эх, какой же молодец меня, хрупкую и беззащитную, буде спасать при поиске иглы? — театрально спросила Весняна.

Олег несколько секунд смотрел Лёхе в глаза. Тот не отводил взора.

— Хорошо, — согласился Олег. — Весняна и Евдокия идут на остров. А мы с тобой топаем в церковь. Вперёд.

Прежде чем выйти, Олег прихватил с собой моток антимагических цепей.

Снаружи на Залесное вновь опустился колдовской сумрак. Прежде чем разделиться, Весняне сперва пришлось отвести мужчин к церкви. Тех немногих чудищ, что встречались на пути, борцы быстро уничтожали.

— Ну, с Богом, — Олег кивнул Евдокии и Весняне, когда за мглой показался силуэт храма.

— Целоваться перед расставанием не буде? — русалка помахала рукой. — Да хранят вас священные воды...

Олег и Лёха пошли к паперти, а Весняна и Евдокия скрылись в сумраке.

— А что делать-то будем? — Лёха замедлил шаг. — Мы всей группой не могли совладать с Кощеем, а уж сейчас...

— Нам и не надобно пока одолевать его, — ответил Олег. — Освободить Ирину, уйти из церкви и тянуть время до тех пор, пока наши не сломают иглу.

— Ох... — до Лёхи только сейчас доходило, что весь рискованный план выстраивается на предположениях, что по своей прочности немногим крепче любой иглы. — Надеюсь, этот артефакт действительно существует.

— Поздно отступать. Ежели повернём, то без русалки заплутаем в сумраке.

Олег толкнул входную дверь.

Когда широкие створки отворились, то борцы узрели уже раз виденную картину: культисты поют, — правда, теперь их меньше, чем раньше — а у жертвенника стоит боярин. Рядом с ним Ирина, окружённая служителями. Только сейчас они не удерживают её, а именно что поддерживают, ибо девушка выглядела одурманенной то ли из-за чар, то ли будучи под действием какого зелья: нетвёрдо стояла на ногах, голова покачивается, а взор затуманен. При этом на девушке почти не было одежды, только рваное тряпье прикрывало наготу. Труп Луки убрали, но измазанный кровью пустующий ковчег для мощей был на своём месте. Сам же Кощей на глаза не попадался.

— С двух флангов давай, — бросил Олег Лёхе.

Он кивнул, и борцы ринулись в атаку по отработанной схеме. Олег рубил культистов с левой стороны, а Лёха — с правой. Блеснул магический клинок, рассекая шею служителя.

Его тело ещё не успело упасть на пол, а юноша уже напал на следующего культиста.

— Проклятье! — выругался боярин, видя, как быстро борцы прорываются к алтарю. — Быстрее заканчиваете ритуал и режьте монахиню! Сын, мы должны помешать им!

Одним из служителей, что стоял около Ирины, оказался Захар. К тому времени, когда последний культист в средней части храма пал, монахиню растягивали на жертвеннике и приготовили кинжал. А путь борцам преградили Воротинский Михаил Андреевич и его сын Оба с саблями.

Только сейчас Кощей соизволил явиться. Он спустился прямо по воздуху откуда-то из темноты высоких сводов, и приземлился позади Воротинских.

Наверное, боярин или древний хотели произнести какую-нибудь речь о своём неизбежном торжестве; о том, что попытки борцов обречены на провал и всё в таком духе. Однако если и было желание высказаться, то Олег прервал его до того, как открылся чей-то рот. Мужик метнул антимагическую цепь в Кощея. Он сотворил вязкую колдовскую преграду, но зачарованное железо прошло сквозь неё ничуть не замедлившись. Цепь обмоталась вокруг тщедушного тельца Кощея и сбила его с ног. После этого Лёха и Олег устремились в атаку.

Боярин отбил магический клинок Лёхи, и понадеялся, что сын сделает то же самое с топором Олега. Но, к удивлению Михаила Андреевича, удар предводителя борцов пришлось поспешно отражать ему же.

— Захар! — рыкнул боярин, бросив взгляд назад.

Чтобы увидеть, как сын рубанул по Кощею, что стаскивал цепи. Покрытая магическими рунами сабля перерубила шею древнего, и его череп покатился по полу. Дёрнулось обезглавленное тело, и застыло. Потухли огоньки в глазницах.

— Захар?.. — Михаил Андреевич был так поражён, что с немалым трудом отбил последующие удары борцов.

Боярский сын на соделанном не остановился, но ещё несколько раз взмахнул саблей. Последние культисты украсили пол у жертвенника своими бездыханными телами. Заклятье ритуала повисло в своей заключительной стадии, когда требовалось лишь прирезать невинного агнца. Только вместо этого Захар сотворил чары, сбрасывающие дурман с Ирины. Монахиня ещё не успела опомниться, как боярский сын подхватил её за локоть и потащил в обход отца и останков Кощея.

— Сын... — Михаил Андреевич опустил саблю.

В свою очередь, Олег и Лёха, не меньше боярина изумлённые столь благоприятным поворотом событий, прекратили натиск. Когда Захар привёл Ирину к борцам, она, пока находясь в полусонном состоянии, повисла на Лёхе, крепко обняв его. Ощущая, как монахиня прижимается к нему, в первые несколько секунд юноша растерялся и размяк, а затем робко положил руку ей на спину и повернулся полубоком, прикрывая от возможных угроз со стороны боярина.

— Что... ты... творишь? — выдавил из себя Михаил Андреевич, переводя взор с головы Кощея на сына.

— Что... я... творю? — Захара затрясло.

Он потёр рану на губе, а потом заговорил с жаром:

— А то ты не ведаешь! Когда всё токмо начиналось, то ты заверял, будто в жертву принесём разве что лихих людей, достойных смерти! Но чем дальше, тем более гнусные дела мы совершали. Да такие, что по своей тяжести стократ перевесили любые преступления тех

самых лихих людей вместе взятых!.. Ты говорил, отец, будто древнюю силу мы подчиним себе, буде использовать её осмотрительно и во благо царства. На деле же мы подчинились ей, демон вырвался из-под узды и несёт с собой ужас, с каким страна наша прежде не сталкивалась.

— И что теперича, Захар?! Надеешься что сим, — боярин указал саблей на тело Кощея, — заслужишь прощение, а когда папку казнят, то мыслишь род возглавить и сесть одесную царя? Так что ли? Думаешь, примут тебя после всего?

— Нет, не примут! Не дурак я, понимаю, что прощения и пути назад уже нет. Такой же я антихрист, как и ты, и никто никогда сего не забудет. Рад был бы раньше восстать супротив непотребства, да колебался в своей нерешительности, а между тем руки наши пачкались в невинной крови, ещё более склоняя меня к промедлению. И покуда сообразил, что в грехе тону, поздно было раскаиваться. Нет нам прощения — ни тебе, ни мне! Однако... хучь погубил я свою душу безвозвратно, увлѣкшись твоими речами, — хотя слова скорее влагал в тебя сам дьявол — более участвовать в сѣм не буду! Ежели ещё можно исправить злодеяние, то приложу все свои усилия!

Тем временем Ирина окончательно пришла в себя. Обнаружив, что находится в Лѣхиных объятых, монахиня отпрянула и отвернулась, как от близкого пламени. А затем бедняга вся сжалась, заметив, что её тело только чуть прикрыто одеждой.

— Эх, Захар, сын мой... Не я повёл нас по гиблой тропе. Мы уже шагали по ней ещё до появления... этого, — боярин кивнул на Кощея. — И шли мы по сей тропе невольно, на радость врагам нашим. О, да, врагов у нас немало среди «своих» же. Народ знает Воротинских как старый уважаемый род, приближённый к великим князьям и царю. Но сие лишь часть правды. Истинна в другом. Известно тебе, как легко впасть в немилость нашего государя. Оное уже приключилось со всем нашим родом. И среди прочих родов полно ворогов, которые спят и видят, как бы подсесть нас и искоренить род Воротинских. На войне меня пытались убить руками ляхов, оставив в битве без прикрытия. Позже подсылали убийц с кинжалами и ядами. Не токмо ко мне — и твоей смерти желают! Немало усилий приложил я, дабы сберечь тебя, Захар! Однако ж столь многие тайно и явно ополчились супротив нас, что своими силами не выдюжить. Тогда пришлось мне искать силу на стороне... Захар, то, что мы сделали. Сие не из-за властолюбия. Из-за простого выживания. Либо мы, либо нас...

— Ажно так, — боярский сын зажмурился и вздохнул, — не могу я выживать такой ценой. Прости отец. У других прощения просить не смею, но у тебя... Прости.

В глазницах Кощея вновь вспыхнул зелёный огонь.

Глава 21 — Драгоценная жертва

И Захар, и его отец хотели добавить что-то ещё к уже сказанному, но всеобщее внимание привлёк шорох: голова Кощей сдвинулась, и поплыла по воздуху к туловищу. Через несколько секунд она воссоединилась с телом, появились недостающие шейные позвонки, которые тут же обросли тонкой плотью. От сабельного удара не осталось даже шрама.

Кощей неторопливо поднялся, осмотрел собравшихся, и разразился каркающим смехом.

— Неразумные чада. За все тысячелетия со мной чего только не творили. Резали на части.

Кощей вытянул левую руку, и махнул правой, словно рубя невидимым клинком. Левая кисть отделилась, будучи ровно срезанной, и зависла напротив древнего.

— Меня жгли.

Ампутированная конечность так хорошо воспламенилась, будто была облита бензином.

— Топили.

Обгоревшая кисть потухла и плавно опустилась ниже.

— Накладывали чары.

Золотистый сияние окутало конечность.

— Кости скармливали собакам, измельчённую плоть закапывали, сожжённое развеивали по ветру, а иной прах отвозили в далёкие страны. Думали, так уничтожат меня.

Кисть стремительно срослась с обрубком.

— Все они ошиблись, — Кощей демонстративно повёл восстановленной рукой, неспешно сгибая и разгибая пальцы, — все ошибившиеся погибли страшной смертью.

— Так может, как Терминатора надо было в расплавленную сталь опускать, — проворчал Лёха.

— Отходим, — прошептал Олег, напоминая цель плана: спасти Ирину и потянуть время.

Борцы мелкими шажками двинулись к выходу, при этом не поворачиваясь спиной к боярину и Кощей. Чуть поколебавшись, Захар последовал примеру троицы.

— Я рад, что ты с нами, — сказал Лёха боярскому сыну.

— Вы не скроетесь, — произнёс древний. — Мне нужна священная жертва и я получу её.

Он быстро призвал заклятье, и у порога церкви засияла стена зелёного света. Приблизившись к выходу, Лёха ударил волшебный мечом по магической преграде. Синий клинок отскочил и по барьеру прошла рябь. «Преграду можно пробить, — подумал Лёха. — Но подарят ли нам на это время?»

— Священная жертва, говоришь, нужна?! — крикнула Ирина. — Невинного агнца хочешь заколоть?

Она на несколько мгновений опустила взор, размышляя о чём-то, а потом резко повернулась к Лёхе, и уставилась на него. Прежде юноша наблюдал самые разные выражения на лице Ирины: часто отстранённое или блаженное, иногда задумчивое, после проказ угадывалась примесь раздражения, а в бою — праведный гнев; совсем изредка мелькало что-то похожее на добродушие или весёлость. Но такого странного взгляда Лёха у монахини ещё не наблюдал. И даже несколько растерялся из-за того, что голубые глаза так пристально и немигающе направлены на него. В чём-то она напоминала юноше человека,

который замер у края скалы и собирается духом, чтобы совершить смертельно опасный прыжок с высокого обрыва в воду. Разве что намеренье не столь очевидно, как у экстремала перед нырком.

И на свой «прыжок» монахиня решилась — она дёрнулась в сторону Лёхи. Но столь же резко застыла, вся покраснела, и отвернулась. А затем выхватила нож из-за пояса Олега.

— Не бывать сему! — Ирина приставила лезвие к своей шее. — Лучше убьюсь, чем моя душа достанется злу! Ежели пойду на оное, то не зачтётся за окончание ритуала!

— И-ирина, — испугался Лёха.

Повисла непродолжительная пауза.

— Ты сего не сделаешь, — сказал боярин. — Самоубийство — тяжкий грех. Это слишком для монахини.

— Тяжкий, но вынужденный, — из-под лезвия показалась капелька крови, и лениво заскользила по шее, словно не желая покидать молодое и здоровое тело. — Господь поймёт и простит.

— Достаточно, — произнёс Кощей.

Он сотворил сжатый ледяной поток, который ударил по группе борцов. Олег наоборот сильно разогрел воздух перед собой, чтобы если уж не отразить совсем магическую атаку, то хоть ослабить. Ирина, Лёха и Захар вместе сотворили волшебные щиты: золотистого, синего и зелёного цветов. Обжигающий мороз окутал борцов и всё же совместными усилиями у них получалось сдерживать натиск древнего.

Его напор уже начал ослабевать, когда в дело вступил Михаил Андреевич. Громовые раскаты потрясли стены церкви; призванные боярином ветвящиеся молнии ударили по защите борцов и слепили их блеском. Соединяясь, отчасти магические барьеры борцов походили на стену щитов в древнегреческой фаланге, в которой соратники прикрывают не только себя, но и друг друга. Однако даже этого оказалось недостаточного, чтобы выдержать совокупный удар как древнего, так и одного из лучших магов царства. Защита лопнула и борцов отдачей раскидало по углам помещения.

Дальше бой завертелся непредсказуемым ураганом: одни противники сходились, чтобы после короткого обмена ударами быть отброшенными и оказаться лицом к лицу с другим врагом. Так Кощей поочерёдно успел принять удары обжигающим топором, магическим клинком и зачарованной саблей, однако сразу восстанавливаясь и отвечая дождём из ледяных стрел. Одна из молний боярина угодила в пустой ковчег для мощей — его разнесло на множество осколков. Только Ирина старалась избегать ближнего боя, чтобы не попасть в лапы Кощея; и держалась позади соратников, поддерживая их лучами сжигающего света. При этом монахиня всегда держала нож наготове и демонстративно направляла лезвие к груди, если враг оказывался поблизости. Между делом бросаясь боевыми заклятьями, Михаилу Андреевичу довелось скрестить оружие с Олегом, Лёхой и только напоследок очередь дошла до Захара.

— Сын, ещё не поздно передумать! — перекрикивал боярин шум сражения. — Иначе ты найдёшь лишь смерть!

— И мне не хочется поднимать оружие супротив тебя, — сказал Захар. — Но хватит с меня метаний. Будь что будет!

— Стало быть, избираешь смерть, — помрачнел Михаил Андреевич.

Отец и сын скрестили сабли. По первости неуверенно, пара больше походила на спаррингующихся фехтовальщиков, чем на реальных противников. Но с каждой новой

атакой звон сабель раздавался всё чаще и сильнее. От пробных выпадов соперники перешли к сериям, в которых были попытки не просто выбить оружие, а как минимум тяжело ранить. Отец и сын хорошо знали манеру боя друг друга, ведь один обучал другого с малых лет, и порой тренировочные схватки получались весьма суровыми, однако впервые удары сыпались в полную силу. Улучшив момент, Лёха попытался помочь боярскому сыну, набросившись на Михаила Андреевича сбоку, да успел сделать только пару взмахов магическим мечом — пришлось опять переключать внимание на подлетевшего Кощея.

Кружа по залу, отец и сын оказались вблизи жертвенника. Сабля заскрежетала об саблю, когда противники, стиснув зубы, старались один оттолкнуть другого, чтобы занять выгодную боевую позицию. В тот миг Михаил Андреевич послал электрический импульс от своего клинка на клинок Захара. Простейший приём, — пуск силы на оружие — каким владеют все знатные воины, не обделённые колдовским даром. Именно таким образом Олег разогревал топор. И все боярские дети знают, как защищаться от передачи импульса.

Но будучи опустошённым физически и морально, Захар слишком поздно отреагировал на уловку. Разряды молний охватили его руки, а затем и всё тело. Боярского сына затрясло, он выронил саблю и сам упал на колени. Разряд настолько потрепал Захара, что он напрочь потерял способность к сопротивлению.

— Судьбинушка-злодейка, эка она всё повернула, — боярин схватил сына за волосы. — Я защищал тебя, Захар, видя в тебе будущего главу и продолжателя рода. Но ежели остановлюсь сейчас, то всему роду погибель. А ежели... сделаю то, что должен, то, быть может, наши потомки будут властвовать. Сын... ты просил у меня прощения. Не-ет, это ты меня прости... Захар.

С этим словом боярин задрал голову парня, и перерезал ему шею лезвием сабли. Кровь хлынула на жертвенник. Боярский сын захрипел, вытаращил глаза, но не мог вырваться из крепкой хватки отца.

— Прими сию жертву, о, владыка! — надрывно крикнул Михаил Андреевич, вместе с кровью сына роняя на жертвенник свои слёзы.

— Захар!! — Лёха кинулся к алтарю, но был отброшен Кощеем.

Никто не мог пробиться к жертвеннику и жизнь стремительно покидала боярского сына. Слабая, он бы плюхнулся на пол, но отец поддержал его и аккуратно опустил.

— Свершилось, — промолвил Кощей. — Я вхожу в полноту своей мощи.

Кощей величественно распрямился, широко развёл руки и огонь в его глазницах разгорелся ярче прежнего. Тряхнуло землю, так что многострадальная церковь вся заскрипела, грозясь рассыпаться в любой момент. Попадали со своих мест те иконы, что прежде выдержали все потрясения боя. Присутствующие почувствовали течение магических потоков, которые устремились к парящему у алтаря древнему.

— Как же так? — не верила глазам Ирина, когда всё стихло. — Разве не чистая жертва должна усилить демона? Почему сработало с Захаром?

От удивления девушка выронила нож.

— Ты монахиня, а сути жертвы не понимаешь, — севшим голосом сказал Михаил Андреевич, неотрывно смотря на тело сына. — Не токмо чистота важна. Жертва может быть и просто дорогой, ценной для приносящего её. А что окажется дороже, чем собственное дитя? Посему Господь дабы испытать верность патриарха Авраама повелел ему заколоть на жертвеннике долгожданного сына, с коим связывалось большое будущее. Сие высвобождает огромную силу. Вот и я свершил... подобно патриарху.

— Но сына патриарх не заколол — Господь остановил в последний момент! — Ирина крепко сжала кулаки и приняла широкую боевую стойку.

— Мразь! — зарычал Лёха. — Убью!!

Его охватило всепоглощающее желание покарать за убийство Захара, даже угроза окрепшего Кощея отошла на периферию сознания. В порыве нахлынувшей ярости юноша сильно махнул рукой так, будто метнул оружие, хотя в тот миг не отдавал себе отчёта в том, что именно делает. Магический меч слетел с ладони, и устремился в боярина, ярко полыхая синим.

Нельзя сказать, что собственноручное принесение в жертву сына далось Михаилу Андреевичу легко; горе прорывалось наружу, несмотря на волевые попытки подавить его. И всё же боярин не потерял связь с реальностью, заметил опасность и сотворил щит. Однако напоенный злостью магический клинок пробил преграду и вонзился глубоко в грудь Воротинского.

Он пошатнулся, и упал на колени. Дрожащей рукой боярин потянулась к ране, но клинка не нащупал — магия развеялась. Продержавшись ещё несколько секунд, Воротинский растянулся рядом с Захаром. При этом губы Михаила Андреевича двигались он беззвучно говорил что-то — быть может, молился или просил прощения у мёртвого сына.

Когда Лёха осознал, как сразил боярина, то озадаченно повертел ладонью. Юноше и помыслить не мог, что магический клинок можно метнуть как обычное оружие, ведь всегда казалось, что меч является продолжением руки. На секунду Лёха испугался: а ну как выбросил клинок вообще и новый уже не призвать, да ещё в такой важный момент, когда впереди продолжение боя? Но по волевой команде в ладони возникла успокаивающая тяжесть заново сотворённого оружия.

— Пушай, — невозмутимо сказал Кощей. — У меня более нет нужды в сем рабе. Вскоре найдутся новые. И вас подчиню как рабов — мёртвых.

Он указал перстом на Ирину — монахиня отпрыгнула назад. Пол, где она стояла миг назад, взорвался, и доски осколками разлетелись по сторонам, ранив открытую кожу девушки — к счастью, не сильно. Но у Кощея больше не было причин жалеть монахиню. Он послал магические удары и в других борцов — Олегу и Лёхе пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы вовремя увернуться.

— Демон пока не получил всю мощь, — выдохнул Олегу, получив короткую передышку. — Она течёт в него постепенно. Ещё есть времечко...

Дождавшись, когда Кощей отвлечётся на Ирину и Лёху, Олег побежал вперёд. Однако он избрал целью вовсе не древнего. Кувырком уйдя от сотворённых колдовством ледяных копий, мужик прихватил антимагическую цепь. К тому моменту, когда Кощей воспринял Олега как наиболее опасного противника, он махнул цепью как хлыстом. Гремящие звенья обвилились вокруг ноги древнего. Рывок на себя, и демон теряет равновесие. Тогда Олег выпустил цепь и с рёвом прыгнул, занеся топор.

Благодаря способностям русалки, пара сразу выбралась из колдовского сумрака Залесного, почти не встречая сопротивления со стороны чудищ. И Весняна с Евдокией восхитительно быстро пробирались через лес. Русалочье чуть вкупе с магией позволяло идти к речному острову кратчайшим путём, хотя на преодоление того же расстояния через заросли даже у местного охотника ушло бы втрое больше времени, чего уж говорить о неподготовленном человеке. Кустарники и деревья будто осмысленно отводили свои ветви, дабы не препятствовать паре; не цеплялся за ноги валежник, а в обход буреломов находились удобные звериные тропы.

Но вот с чем колдовство Весняны не могло помочь, так это с монстрами, которых попадалось всё больше по мере приближения к острову. Под покровом зарослей мелькали тени чудовищ, лес оглашался воем, хрюканьем, ворчанием, шипением и стрекотанием. Помня, что соратники прямо сейчас, скорее всего, ведут неравный бой, пара дорожила каждой секундой и лишней раз не останавливалась. Только если какая-то страхолюдина преграждала путь, в ход шли тонкие, но нечеловечески сильные руки Весняны, а довершало дело кувалда Евдокии. Среди прочих им встретился оборотень, который завёл было пафосную речь о мести за какую-то волчью царицу. Женщины без церемоний прервали его слово и расправились с волколаком до того, как он успел довести обращение до конца.

Наконец, пара вышла к лесистому берегу Волги.

— Вот и наш островок, — пропела Весняна.

— С виду остров как остров, вроде ничего особенного, — проворчала Евдокия, всматриваясь в пожелтевшие кипы деревьев на участке суши, что растянулся среди воды на сотню метров в длину и ширину. — Миленький даже. Я бы избу тут построила и рыбу удила.

— Так и сделаем, ежели иглу не найдём, — подмигнула Весняна. — Ибо в сем случае дальнейшая борьба бесполезна.

— Ладно, как на ту сторону перебираться? Ты-то русалка, тебе ничего не стоит по воде проплыть.

— Как-как... За меня хватайся. И не бойсь, я крепче, чем кажусь — выдержу тебя.

— Эх, водица холодная в осеннюю пору. Ну, что поделать. Поплыли, а то пока сидим сиднем да видами любуемся, нападёт кто и слопаёт нас...

Евдокия опасалась, что во время заплыва на них накинется подводная или какая крылатая нечисть. Ведь в таком случае русалке придётся отпустить груз, чтобы защититься, тогда как её соратница при любом раскладе будет крайне уязвимой. И вряд ли долго продержится в холодной воде при полном снаряжении, которое потянет на дно. Однако паре повезло благополучно достичь островного берега.

— Ох, ах, — Евдокия сбросила заполненные водой сапоги. — Зуб на зуб не попадает. Хорошо, что я волшебством не обделена. Сейчас чуть тепла призову, дабы шкуру-то согреть.

— Ежели здесь есть охрана, то согреешься иным способом, — Весняна настороженно всматривалась в заросли.

Пара двинулась в глубь острова. И в самом его чуть всхолмленном центре обнаружили широкий дуб с норой среди толстых корней. Только женщины сделали несколько шагов в сторону могучего дерева, как их окликнули:

— Не так скоро, красавицы!

Обернувшись на голос, они увидели ничем не примечательного мужичка — незнакомого, хотя Олег и Лёха ранее встречались с ним и беседовали. Еремей, прикидывающийся купцом в Залесном.

— А чего вдруг одёргиваешь нас? — невинно поинтересовалась Весняна. — Остров вроде не занят. Вот и замыслили мы с подругой здесь теремок выстроить. Хочешь к нам присоединиться?

— Хм, стройте, — Еремей ухмыльнулся и пошёл к норе, — а я пока тут посижу.

— Ежели так, то...

— Хватит, нет у нас времени на пустобрёха, — перебила Евдокия. — Ты здесь охраняешь что али как?

— Может, и охраняю, — спокойно ответил Еремей, усаживаясь на корень. — Может, клад закопал.

— Нет ли среди клада твоего иглы одной? — нетерпеливо спросила Евдокия. — Мы проверим, иглу заберём, а другого нам не надобно.

— Да вы никак разбойники, раз чужое отнимаете, — притворно обиделся Еремей.

— Осторожно, Дуня, — зашипел русалка, сбросив всё шутовство. — Чую, что он не человек.

Евдокия перехватила кувалду и пошла к норе. Еремей сидел себе в расслабленной позе и не имел на виду оружия. Когда же до мужчины оставалось не более пяти шагов, он преобразился до неузнаваемости. Всё его тело встряхнуло, перекосило и через рот с чавкающим звуком попросту вывернуло наизнанку, так что мышцы, внутренние органы, жилы и кровь — всё повылезало наружу. Однако эта мешанина хоть и растянулась по сторонам, как после взрыва, но не попадала на землю, причудливым образом оставаясь целостным существом.

— Вывертыш! — крикнула Весняна, подразумевая очень редкое чудище, с которым не приходилось сталкиваться никому из команды Олега.

Против этого монстра весьма неплохо подошёл бы «греческий огонь» или какая-нибудь алхимическая отравка, но Евдокия истощила весь свой запас в прошлых битвах. А потому пришлось обойтись ударом кувалды, метя в мозг с глазными яблоками, что раскачивался на удлинившихся мышцах. Боёк угодил в гущу мяса, где и застрял как в иле. Евдокия дёрнула за ручку, да не смогла вытащить оружие.

Вывертыш потянулся к женщине, и охватил её венами, как рыболовной сетью; сухожилия и мышцы твари обвилились вокруг ног и рук подобно верёвкам; кишки сдавили шею; другие внутренние органы облепили туловище, не позволяя свободно вздохнуть, а чужая кровь норовила хлынуть в глаза, уши, ноздри и рот Евдокии.

— Как тебя бить? Как тебя бить? — злилась женщина.

— Не надо меня бить! — произнёс Еремей-вывертыш, поводя длинным языком по щеке женщины.

— Откуда ты это сказал? — выдохнула Евдокия.

Отпустив кувалду, она пыталась дотянуться до сердца или мозгов чудища, но руки тонули в желеобразной плоти. Обладая способностью обжигать прикосновением, Евдокия нагрела ладони, но не похоже, что монстра это хоть сколько-нибудь напугало — хватку он не ослабил. Весняна попыталась выручить соратницу, да сама застряла в студенистой кровавой массе.

— П-проклятье! — рыкнула Евдокия, одновременно сплёвывая кусочки мяса

вывертыша. — Придётся... разжига...

Все свои магические ресурсы женщина пустила не только на руки, но и на всё тело. Опасность этого метода заключалась в том, что волшебный жар источался неконтролируемо. Можно довести себя до самосожжения. Невыносимая боль до помутнения в глазах пронзила всё существо Евдокии. Она протяжно закричала, уже не заботясь о том, что тварь может проникнуть в рот и дальше, пытаясь разорвать противницу изнутри. И всё же несмотря на ужасающие муки женщина не погасила жар, охвативший кожу.

Вывертыш не выдержал первым и отпрянул от Евдокии. Только у неё уже не было сил на контратаку. Зато они нашлись у Весняны. Русалка рывком дотянулась до сердца чудовища, и так вцепилась в него, что мясо выплеснулось промеж сжатых пальцев. Вывертыш болезненно забулькал и его органы брюшной полости скрутились в клубок. Весняна не ограничилась этим, и следующим схватила мозг, а потом разорвала его на две части. Только тогда вывертыш дождём обрушился на землю. В нём ещё сохранялась какая-то жизнь: органы пульсировали, а мышцы сокращались. Однако больше монстр угрозы не представлял.

— Гадость! — русалка пнула лёгкое. — Дуня?

Весняна ахнула, когда Евдокия повернулась к ней.

— Матушки, да ты вся красная, в ожогах! — перепугалась русалка. — Срочно надобно в воду лечь и отдохнуть хорошенько, а я наложу целительные чары реки.

— Позже, — отмахнулась Евдокия. — Выдюжу. На первое время мазью своей обойдусь. Есть дела поважнее. Полезай в берлогу и глянь, чаго там интересного.

Пока Весняна ползала по норе, как гибкая выдра, Евдокия сперва тряпкой счистила с обгоревшей кожи остатки мяса вывертыша, а затем нанесла на неё лечебную мазь.

— Жжёт немилосердно, — простионала женщина. — То ли ещё будет, чуть позже выть начну от боли... Эй, бесовка, что там у тебя?

Русалка выволокла на белый свет сундук. Он был настолько плотно заперт, что даже ноготь в зазор не просунуть, вдобавок обмазан глиной. Видимо, чтобы защитить от влаги при таянии или разливах. Не найдя способа открыть крышку благообразным способом, сильная Весняна попросту разнесла сундук кулаком.

Внутри обнаружилось яйцо. Да не одно, а сразу несколько штук. Да не куриных, а таких здоровых, что в ладони не уместиться.

— Чертовщина какая-то, — недоумевала Весняна, вертя яйцо.

— Плевать, ломай его, — повелела Евдокия. — Все ломай!

В первом яйце обнаружилась горсть иголок. И во втором, и в третьем. Во всех остальных яйцах. Набралась целая горка совершенно одинаковых костяных иголок.

— Вот это обычная, никакого колдовства не чую, — пробормотала русалка, потратив полминуты на осмотр одной иглы. — Так, следующая... хм-м... вроде тоже ничего особенного... Ну, что с другой у нас, поглядим...

— Так до Второго пришествия провозимся! — взволновалась Евдокия. — Запутать решил, демон. Весняна, закинь все иглы сюда, быстро!

Евдокия бросила русалке мешочек из плотной кожи. Как только русалка сунула туда все иглы, тётка положила его на ближайший валун с относительно ровной поверхностью. Затем примерилась, и с богатырским «ХА!» вдарила по мешочку кувалдой. А затем ещё раз, и ещё. По камню пошли трещины. После размашистых ударов Евдокия ограничилась тычками бойка, как если бы измельчала что-нибудь в алхимической ступе.

— Хорош, — женщина вывернула мешочек, ссыпав обломки игл на валун. — У тебя око острее, пальцы тоньше и ловчее моих. Перебери все и доломай вручную там, где кувалда не справилась.

Евдокия уселась на землю. А Весняна ворошила горку костяных игл, отодвигая сломанное в сторону. На магическую проверку русалка время не тратила.

— Кажись, последняя, — прошептала Весняна.

В сей момент в церкви Олег рубанул по Кощею. Раскалённое лезвие рассекло древнего на две части...

Весняна поднесла к глазу единственную целую иглу.

— Добиваем! — рявкнул Олег.

Весняна согнула иголку.

Борцы остервенело расчленили останки Кощея: Лёха шинковал их магическим клинком, Олег жёг волшебных огнём, Ирина топтала и разбивала кулаками в гнилую кашу.

Игла сломалась с тоненьким треском.

Остановилась уставшая троица, оценивающе смотря на измельчённый прах Кощея.

— Вот и всё, — удовлетворённо протянула Весняна. — Вот и сказочке конец... Необыкновенное чувство, скажу тебе я, Дуняша: когда лёгким движением перстов обрываешь жизнь одного из самых могущественных существ на всём белом свете. Ощущаешь себя почти всесильной... Почти богиней.

Евдокия облегчённо откинулась на спину.

— Я тогда богинюшка над всеми богинями, раз кувалдой кучу игл поломала, — хохотнула Евдокия. — Прости, Господи, за столь горделивые бредни.

Весняна поднимала иглы, и, подобно малому дитю, зачарованно наблюдала, как их осколки сыпаются с ладоней на валун. Так продолжалось несколько минут. Затем русалка вдруг вскочила, и побежала к норе под корнями. Вскоре она вернулась, и вновь присела у валуна.

— Ой...

— Куда носилась?

— Проверять.

— Чаго проверять?

— Всё ли я выгребла из норы.

— Сокровища Еремея искала?.. Ну, хватит молчать.

— Дуня, — сухо произнесла русалка, — среди игл нет ни одной магической. Мы поломали токмо обычные.

— Ты шуточки свои русалочьи брось, дурёха, — женщина не пожалела сил, чтобы приподняться и наградить Весняну укоризненным взглядом.

Но русалка выглядела необычайно серьёзной.

Тогда Евдокия огласила реку воплем раненой медведицы.

— Быть не может!! — тётка подпрыгнула, не чувствуя боли от ожогов.

Забурлила масса недобитого вывертыша — кажется, он изображал смех.

— Заткнись! — прорычала Евдокия. — Пришибу!.. Господи, неужто всё понапрасну?!

В церкви прах Кощея потёк в щели меж досок, и соединился в подполе. А затем около осколков ковчега вырос в фигуру древнего. Кощей Бессмертный восстановился.

Борцы отчаянно переглянулись. Затяжная битва истощила их и морально подавляла мысль о том, что придётся проходить круг сложного боя по новой. Сколько раз? Сколько раз нужно истребить Кощея, чтобы дать Весняне и Евдокии достаточно времени для поиска иглы? А что, если никакой иглы на острове нет? Или есть, но женщины столкнулись с непреодолимым сопротивлением. Или погибли в схватках с нечистью. Неопределённость подтачивала волевые силы ничуть не меньше, чем физическое напряжение. К тому же с каждым перерождением Кощей бил всё сильнее и быстрее реагировал на атаки борцов.

Вместо того, чтобы в очередной раз наброситься на древнего, Ирина, Олег и Лёха побежали к выходу, и попытались пробить магический барьер у порога. Однако сколько бы не молотили по нему кулаками, сколько бы не рубили раскалённым топором, сколько бы не резали волшебным клинком — бесполезно. Барьер креп вместе с Кошеем.

— Святые угодники! — возопила Ирина, поднимая руки к иконостасу. — Спасите!

Над сводами раздался смех Кощея. По щелчку его пальцев в иконах началось демоническое преображение. Засияли красным очи святых. На головах апостолов выросли рога и шипы. Почернели ангельские крылья, теперь больше походя на драконьи. Вместо агнцев у ног пастырей вились змеи и скалились волки. Выражения блаженных лиц сменились на уродливые ухмылки.

— Силы, которым ты поклоняешься, власти здесь больше не имеют, — сказал Кощей.

Он атаковал, но на сей раз не заклятьями холода, а потоком зелёного пламени. Опять борцы рассредоточились по церкви, уходя от магических ударов Кощея. Никто уже не помышлял о нападении на древнего, получалось разве что уклоняться и творить хлипкие щиты. «Блин! — обречённо подумал Лёха. — Он что, играет с нами? Наверняка ведь способен прихлопнуть в любой момент! Не хочу умирать. Не хочу умирать так!»

Разок Ирина попыталась дотянуться до Кощея, прыгнув с ударом ноги. За что сразу поплатилась, будучи сбита встречным магическим импульсом. Обычно ловкая монахиня при любых вывертах умудрялась приземляться на ноги, однако сейчас неконтролируемо покатила по полу, сильно ушибив бока. Кожа Ирины смотрелась пятнистой из-за многочисленных синяков и ссадин.

Ничуть не лучше выглядел Олег, залитый кровью. Лёха был весь потрёпанный, волосы всклочены, одежда — изорвана. «Точно забавляется с нами, тварь! — юноша едва сдерживался, чтобы не разрыдаться и не упасть на колени, моля о пощаде. От этого безнадёжного действия спасало только осознание, что милосердия и лёгкой смерти от Кощея едва ли дождёшься. — К чему гонять нас? Зачем урод защищается, если всё равно бессмертен?».

Олег рубанул топором — Кощей с показной ленцой отразил атаку. Зато когда Лёха с отчаянием зверя, загнанного в угол, побежал на древнего, тот отнёсся к нападению со всей серьёзностью: послал навстречу целый ворох боевых заклятий. И близко не подойдя к врагу, юноша отступил, прикрываясь истончившимся магическим куполом.

«Есть что-то странное в его манерах защищаться и атаковать, — Лёха спрятался от зелёного пламени за углом в притворе. — Всё время держит позицию у алтаря, а сюда даже не пробует сунуться».

Вжимаясь в угол, Лёха скользил взглядом по стене напротив. Взор задержался на одной

из чудовищных икон — демон на ней подмигнул юноше и оскалил зубастую пасть ещё шире. За спиной «несвятого» застыли оранжевые языки пламени, среди которых виднелись тёмные силуэты сгорающих мучеников. Должно быть, изображалась геенна огненная... «Адописная икона», как говорил безумец Василий.

Любование творчеством преисподней нагло оборвал Кощей — заклятье разнесло укрытие Лёхи, заодно чуть не расколов ему череп. Однако даже смертельная угроза не выбила из головы юноши воспоминания о безумце Залесного. «Он ведь служил здесь и что-то видел, — перекаат, чтобы избежать всплеска пламени. — Видел чудовищные иконы... И в день нашей встречи что-то твердил про... Иглу! Точно, про иглу! Он её видел!» Кн иг о ед . нет

Призвав щит, Лёха отбил ударную волну от магической атаки, прикрыв себя и Олега.

«Значит, игла не на острове, — молнией сверкнула мысль в сознании юноши. — Она здесь, в церкви!.. Но если так, то где искать?»

Догадка появилась, но требовала опасной проверки. Лёха ещё раз подступился к древнему, впрочем, не планируя настоящей атаки. Он только привлекал внимание Кощей, уходил от его магических ударов или отражал их, чтобы подступить вновь, но уже с другой стороны. Кружа как волк вокруг медведя, охраняющего задранного лося, Лёха четырежды изображал попытки нападения. Только медведь с рёвом поднимал лапу — волк благоразумно отскакивал, поджав хвост. Эта имитация стоила юноше новых ран и ожогов, однако кое-что в поведении Кощей прояснилось.

Судя по всему, он защищал то место, где ранее покоился ковчег с мощами, хотя сейчас о нём напоминали только его обломки и почерневшие от громового удара доски пола. Вроде ничего примечательного в том пятчке, однако ж Кощей яростно бил по всякому, кто пробегал рядом.

«Где-нибудь в подполе прячешь смерть свою? — понимание уязвимости врага открыло в Лёхе второе дыхание, он почти не чувствовал усталости и отчаяние сменилось боевым задором. — Не твои мощи всё это время забирали души и веру людей. В иглу всё шло, которая где-то в...»

Когда Лёха оказался рядом с Олегом, то схватил его за ворот и сказал:

— Заходи со стороны алтаря. Быстро!

Свои слова юноша сопроводил такой решимостью во взгляде, что Олег доверился и не стал задавать вопросов. Более того, он ещё дал знак Ирине, чтобы она поддержала манёвр со своего фланга.

Монахиня и Олег бросились на Кощей с двух сторон. Лёха чуть помедлил, показывая растерянный вид и дожидаясь момента, когда внимание древнего заострится на паре противников. Только тогда юноша устремился к обломкам ковчега. На бегу Лёха создал над головой магическую преграду, вложив в неё почти всю оставшуюся силу или, как он сам любил говорить — ману. Достигнув заветного места, парень размашисто ударил клинком по обгоревшему полу. Сломались доски под ногами и Лёха провалился в подпол. Ещё толком не успев оценить обстановку, юноша беспорядочно рассекал мечом пространство вокруг себя.

И перерубил кованый сундук. Кощей, естественно, не оставил без внимания такой наглый прорыв. Вся мощь древнего зелёным пламенем обрушился на щит Лёхи. Магический купол сразу покрылся трещинами, жалобно гудя. А к тому мигу, когда защита окончательно поломалась, Лёха нашёл яйцо из сундука и потянулся к нему. Но когда взял его, бок насквозь пронзил призрачный клинок Кощей. Парень завопил от боли, в глазах потемнело. Теряя

сознание, он непроизвольно махнул рукой и выпустил яйцо. Оно полетело в сторону, а Кощей, позабыв про парня, устремился следом.

Древний коснулся костлявыми пальцами скорлупы ещё до того, как яйцо начало падать. Однако Ирина опередила, проскочив перед взором Кощея акробатическим пируэтом и на лету перехватив артефакт. Когда же древний обернулся, готовясь расправиться с монахиней, то увидел, как она держит яйцо в высоко поднятой руке.

— Да я никак тебя за ятра схватила, — сурово сказала монахиня.

В те минуты её совершенно не заботил неподобающий для монашества вид. Девушка широко расставила обнажённые ноги, только рваные тряпки болтались на бёдрах; растрёпанные волосы золотым водопадом спускались на едва прикрытую грудь, что колыхалась от частого дыхания. Широко раскрытые голубые глаза будто слепили древнего, подобно морской волне, отражающей солнечный свет.

Кощей призвал самое быстрое боевое заклятье, на какое только был способен, но пальцы Ирины сомкнулись скорее, ломая скорлупу. Белые осколки посыпались на пол, и теперь девушка сжимала костяную иглу.

Огонь в глазницах древнего замельтешил, как пламя при сильном ветре — испуган, решила монахиня. И настолько ужаснулся, что боевая магия так и не сорвалась с перстов Кощея. Зато с почерневших гнилых губ слетело:

— Останови...

Игла переломилась под давлением пальцев.

Прошло несколько мгновений. Долгих мгновений, за время которых ничего не происходило. Сердце Ирины будто уколола игла страха — а вдруг не сработает?..

И тут Кощей взревел, его кости затрещали, сухожилия и плоть опадала; пламя в глазницах заколебался, потухая. Вскоре от древнего осталась только горка праха. Хотя Олег продолжал недоверчиво следить за ней, по привычке ожидая, что Кощей опять восстановится. Ирина же думала в этот момент о другом.

— Алексей!

Девушка прыгнула в подпол, где обнаружила бессознательного Лёху.

— Ты как?.. Господи!

Юноша истекал кровью и тяжело хрипло дышал. Ирина взмолилась о том, чтобы крохотных остатков её магических сил хватило на исцеляющее заклятье, и приступила к его сотворению.

Он топтался около деревянной часовни, поглядывая то на входную дверь, то опуская взор к иконке, что держал запотевшими пальцами. На ней изображалась «Троица» — по виду вроде та судьбоносная икона, с которой Лёха перенёсся в этот мир. И на месте часовни, быть может, однажды возвысится белокаменный храм, который познает как торжественные многолюдные службы, так и тотальное запустенье. От волнения у юноши опять заболел рубец на боку.

Исцеляющее заклятье Ирины вытянуло Лёху с того света. Чуть оправившись, прежде чем покинуть Залесное, юноша заглянул в церковь. После смерти Кощея демонические иллюзии спали со святых образов, так что Лёха быстро нашёл маленькую «Троицу». По его старому предположению, если принести предмет в часовню, то можно перенестись обратно в родной мир.

Пришелец пошёл к часовне, однако шагал так медленно и осторожно, будто пересекал болотную тропку. «Допустим, сработает, — думал Лёха, опять приостановившись. — Я вернусь домой. Но вернувшись в прежнее место, сам я прежним уже не буду. С этим миром я свыкся, придётся вновь перестраиваться. Там совсем иной ритм жизни: быстрый, шумный, перенасыщенный всяко-разным. Когда же спустя недели или месяцы приспособлюсь, то всё равно не быть мне тем Лёхой. До перехода я дрался разве что только в школе и вообще всячески избегал неприятностей, а ныне прошёл через кровавые схватки. Этой самой рукой, которой держу икону, в бою людей убивал не моргнув глазом. Насмотрелся столько чудовищ, что по ночам кошмары снятся...»

Он усмехнулся и покачал головой.

«Помню, в начале сокрушался, что здесь нет гуманизма, Интернета и кучи других благ, а теперь убеждаю себя, что возвращение не принесёт мне облегчения. Так и что из этого? Остаться здесь? Дело ведь не только в вещах и образе жизни. Там у меня родные и друзья, которые очень переживают из-за моей пропажи или уже смирились с ней».

Лёха сделал ещё несколько шагов к часовне, и оказался рядом с крыльцом. Все эти мысли он не раз прогонял ещё на пути из Залесного. Посчитал тогда, что всё решено. Однако перед самым порогом сомнения всколыхнулись с новой силой.

«И кем я буду дома? Там я не успел найти свой путь. А здесь обладаю магической силой, нашёл ей достойное применение, привязался к соратникам после всего, что пережили вместе. Меня волнует судьба этого края. Хотя жизнь борца с нечистью бывает непродолжительной. В каждой битве я был близок к смерти и любое последующее сражение может оказаться последним...»

Дверь отворилась и перед Лёхой предстал уже знакомый по первому визиту смотритель часовни.

— Сызнова помолиться заглянул? — поинтересовался он.

— Помолиться, — нерешительно повторил Лёха. — Я... ох... в общем... Ай, короче, хочу передать в дар вот эту иконку!

Он вручил её смотрителю, уклончиво ответил на его расспросы, мол, откуда да почему, выслушал благодарность, и поспешил откланяться.

— Твою ж... — отходя, Лёха оглянулся убедиться, что смотритель не наблюдает за ним, и уже шёпотом продолжил, — блин, всё может куда проще, а? Придумываю для себя какие-

то причины остаться, а на деле попросту зассал! Да, испугался, что зайду в часовню, а ни хрена не случится. Не сработает это. В ином случае можно заливать, типа, не пошёл ради соратников, чтоб людей от нечисти спасать; потому что хреновым ветераном стал, чью душу рвёт ПТСР, и, типа, не найду понимания среди людей в родном мире... Архг-г, дерьмо, дерьмо, дерь...

Лёха осёкся, заметив впереди на тропе Ирину.

— Ого, не знал, что ты пошла следом, — смущённо пробормотал юноша, надеясь, что девушка не слышала его разглагольствований.

— Да вот, тоже надумала прогуляться, — улыбнулась монахиня. — Доброе осеннее утречко.

— Угу, — кивнул Лёха, на деле не особо веря в случайность встречи.

Они вместе двинулись к той деревне, где остановилась их повозка. Топать было не меньше получаса. Шагали в безмолвии. Пока Лёха, отягощённый горечью из-за отказа от возвращения домой, вдруг не спросил:

— Ирина... Кем вы меня считаете?

— Что?

— Спрашиваю, кем меня считаете? — выдохнул парень. — Вы ведь не верите в ерунду, которую я наплёл при первой встрече. Что я, типа, память потерял.

Ирина задумчиво поглядывала то на Лёху, то на тропу перед носом.

— Предполагаете, я иностранец, который бежит от какого-нибудь царя? Что откуда-нибудь с далёкого востока прибыл?.. Ирина, какие бы догадки вы не строили, какие бы объяснения не искали — все ваши предположения очень далеки от истины. А всё потому, что ищите зацепки и объяснения, связанные с этим миром.

Лёха помолчал, собираясь с духом.

— Но я из иного мира.

— Как из «иного»? — удивилась Ирина. — Из духовного что ли?

— Нет, из мира, который во многом похож на ваш, но чуть старше него, а ещё без нечисти и волшебства.

— Диковинно звучит, — промолвила монахиня.

— Да, чудно. Я не подозревал, что существует ваш мир. Попал сюда случайно и даже не до конца понимаю, каким именно образом. Тот жизненный уклад, те взгляды, в которых я рос, сильно отличаются от ваших. Я отчасти приспособился, но... — голос Лёхи дрогнул, — я устал притворяться. Устал...

До этого Ирина не слышала, чтобы юноша говорил с такой горячностью, словно кающийся грешник на исповеди.

— Так не притворяйся, — произнесла девушка. — Веди себя так, как привык в родном месте.

— Думаешь, это так просто? — выпалил юноша. — Хоть представляешь, как дико это будет смотреться? Ну вот, например... Послушай, я ни во что не верю, считай. Ни в какого бога или богов.

— Как так? Не понимаю... Как нехристь что ль?

— Ох, нет... Видишь, ты не понимаешь. Это слишком странно для вас, немыслимо в вашей парадигме, где обязательно должны быть некие высшие силы, которые всем заправляют. Как там сказано в Писании? «И бесы веруют, и трепещут». То есть, если ты как бы не веришь в бога, то неизбежно веришь во что-то другое, хоть в сатану. В вашем

представлении не может быть, чтобы свято место пустовало. Но со мной не так. Когда я говорю «не верю», то подразумеваю, что высших духовных существ может вовсе не быть, а значит, нет смысла поклоняться им или ориентироваться на них... Ну и вот представь, что я начал говорить об этом открыто. Открыто возмущаться порядками, которыми вы живёте. Протестовать против них. Примите меня таким?..

Вопрос Лёхи прозвучал язвительно. Свалившиеся на Ирину откровения привели её в лёгкую растерянность, так что заново открывать рот она не спешила.

— Хотя признаюсь, что пребывание здесь заставило меня усомниться в своих представлениях, — продолжал пришелец. — Магия есть. Да, пускай это наверняка можно объяснить научно, но раз существуют всякие могучие существа, вроде кощей, то, быть может, и где-то там...

Лёха поднял глаза к небу.

— Где-то там существует некая разумная сила, которая поддерживает мироздание. Не знаю, короче. Но в любом случае не собираюсь слепо принимать всё на веру... Ну, как тебе такое, а?

— Ладно, нет здравомыслия на людях молвить о подобном и показывать себя чужаком, — заговорила Ирина. — Но веди себя без утайки пред нами: Олегом, Евдокией, Весняной. И предо мной. Всё равно ближе борцов здесь у тебя никого нет. Как возвратимся в монастырь, так расскажи сие остальным.

— Хорошо. Вываляю на вас все детали, — Лёха глубоко вздохнул. — Кстати, как думаешь, приживётся Василий в нашем монастыре?

— Да куда ему деваться. Не в опустевшем же Залесном оставлять убогого.

— Верно. Надеюсь, больной на голову будет не единственным, с чем мы вернёмся, — мечтательно сказал Лёха. — Всё же после всех трудов и жертв справедливо ожидать большой награды. Ну, я бы хотел, чтоб государь сделал меня удельным князем или боярином. Я бы мог завести свой род и всё такое.

— Гордыня какая! — привычно осудила Ирина. — Сам недавно узрел, как соблазнённый властью боярин в страшный грех впал! Такой же участи себе желаешь?

— Ну вот, а ещё советовала мне, типа, не притворяться, — Лёха рассмеялся, впервые почувствовав облегчения после отхода от часовни. — Ты меня сожжешь заживо, если всё по правде говорить буду... Нет, ну в самом деле, я ведь могу оказаться очень полезным царству! Хоть подробно истории не помню, однако знаю в общих чертах, с какими проблемами столкнётся страна в будущем.

Впереди уже виднелась деревня.

— Ирина, я вот с тобой разоткровенничался, всё как на духу выдал, — произнёс Лёха, хитро улыбаясь. — Но это как-то односторонне. Будет нечестно, если получится, что признания выдаю только я. Давай правду за правду! Раз я был чистосердечен, то теперь и ты ответить на пару вопрос. М?..

— Ну, давай, что там у тебя, — неохотно согласилась Ирина.

Монахиня не решилась отказываться, опасаясь, что в будущем это отвратит Лёху от новых признаний. Да и чего греха таить — малость любопытно узнать, что ещё задумал этот лукавый, пускай даже будет вопрос с подвохами.

— Почему ты решила пойти в монахини? — поинтересовался юноша. — Дай угадаю. Здесь какая-нибудь травма. Ты пережила большое горе, некую потерю, как Весняна, и потому подалась в монастырь. Угадал?

— Нет.

— Хм... Ладно. Тогда душа не лежала к обычной повседневной жизни, семье и всему такому. Ты с самого начала была не от мира сего. Не видела себя в роли жены и матери. Верно?

После короткого замешательства Ирина отрицательно покачала головой.

— О-о... так-с, что там у нас ещё возможно... Ты уж меня извини, но, короче, ты так с головой вдарилась в грех, наблудила на много жизней вперёд, и тебя замучила совесть, и потому ты пошла замалива... чё?

Тут уже монахиня не выдержала и рассмеялась в голос. Но быстро осеклась и приложила ладонь ко рту, хотя улыбка не сошла с лица.

— Всё куда проще, — с весёлостью сказала Ирина. — Никаких событий сему не предшествовало. Меня всегда тянуло к возвышенному, хотелось всю душу без остатка отдать на постижение вечного. Хотя представляла себя и женой, и матушкой. Но... выбрала иное.

— Да уж, драматичности не получилось, — протянул Лёха, почёсывая затылок. — Тогда другой вопрос. Когда мы только освободили тебя в церкви, и перед последним боем состоялся разговор, — ты ещё кинжал выхватила и грозилась себя убить — то помню, как ты странно на меня смотрела. Что-то вроде как сделать хотела. У тебя был другой план, от которого ты отказалась?..

Ирина направила взор к полю, словно что-то настолько захватило внимание, что вопрос не был услышан. А ещё так Лёха не видел лица девушки.

— Эй! — парень рванул вперёд, и теперь пятился, глядя прямо на Ирину.

Тогда он заметил, что монахиня не просто отворачивается, а вся зарделась как закатное солнце.

— Я жду ответа, — напомнил заинтригованный Лёха.

— А ну уйди с дороги! — прикрикнула разозлившаяся Ирина, словно прогоняла навязчивого пса.

— Ладно-ладно, не буду давить, — юноша вновь поравнялся с девушкой.

Правда, с ответом она не торопилась.

— Ну, в общем... я... ох... — смущённо начала Ирина спустя несколько долгожданных минут. — Кощей же как хотел сперва... Чистую жертву. Я и помыслила, что... ну, ежели жертва запятнает свою чистоту, осквернится, то уж не буде иметь для Кощея прежней ценности... Уф, мыслила я совершить нечто противное обету...

— Оскверниться? Как? — наседал Лёха несмотря на обещание не давить.

— Поцеловать тебя собиралась, дурень! — рывкнула Ирина, в один миг обратившись из спокойной стеснённой девушки в бешеную фурию.

— Воу! — Лёхе пришлось отпрыгнуть, чтобы не попасть под горячую руку — девушка яростно замахала кулаками. — Понял-понял, тихо!

Ирина быстро совладала с собой и опять отвернулась к полю. Только её частое дыхание напоминало о срыве.

— Даже немножко обидно что ли, — пробурчал Лёха. — Вместо этого выхватила нож, и к горлу подставила. Неужели я настолько омерзителен, что самоубийство выглядело предпочтительнее?

В затянувшейся тишине Лёхе подумалось, что тема исчерпана.

— Н-нет, — Ирина тихо нарушила молчание. — Мне казалось, что убить себя проще чем... Я ж ведь... никогда... не... целовалась...

Наконец дошли до деревни.

— Помнится, в монастыре ты однажды просил рассказать тебе катехизис, учение в вере преподавать, — монахиня вернула голосу всегдашнюю отстранённо-блаженную манеру. — Ежели ты такой невежда и Фома неверующий, то поговорим о сем в монастыре.

— Ого! — обрадовался юноша. — Интересно, можно ли это считать за свидание?

— Чего?

— Да нет, ничего, глянь, мы уже на месте.

Они подошли к повозке, на которой восседали Олег и Евдокия. До монастыря осталось полдня поездки.

Больше книг на сайте - Knigoed.net